

К 80-летию
Ивановской области

П
Е
В
Е
Ц

ЗОЛОТОГО ПЛЁСА

Николай Павлович СМИРНОВ

Комитет по культуре и искусству
администрации Ивановской области

Плесский государственный
историко-архитектурный и художественный
музей-заповедник

Серия:

Из культурного наследия Ивановского края.

Учредители:

Ивановская государственная
химико-технологическая академия,

Комитет по культуре и искусству
при Ивановской областной администрации,

Ивановский филиал Российского фонда культуры.

Авторы проекта:

И.И. Барбетов,
Л.Н. Таганов (научный консультант).

6503

Певец золотого Плёса

Николай Павлович

Смирнов

1898 - 1978

**СБОРНИК
НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, МАТЕРИАЛОВ И ПУБЛИКАЦИЙ**

**Иваново
1998**

**БИБЛИОТЕКА
Плесского государственного
музея-заповедника**

Настоящий сборник выпускается к 100-летию со дня рождения писателя Николая Павловича Смирнова (12 марта 1898 - 7 сентября 1978). Составитель, старший научный сотрудник Плесского государственного музея-заповедника Леонид Алексеевич Шлычков, помимо своих статей, включил в сборник работы ивановских и московских исследователей, а также родственников писателя.

В сборнике представлены статьи и материалы о жизни и творчестве Н.П.Смирнова, его широких культурных и литературных связях, включая русское зарубежье, избранные стихи.

Издание адресуется учителям, студентам, краеведам, всем интересующимся историей русской литературы XX века.

Составитель: Шлычков Л.А.

Редакторы: Переверзев О.К., Иванова Н.К.,
Смирнов В.А.

Набор: Закаменная Е.Н., Волкова Е.Ю.

Верстка, оформление, обработка фотографий:
Барбетов С.И.

Рецензент: Л.Н. Таганов

Ответственный за выпуск: Барбетов И.И.

© Плесский государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник, 1998.

© Оригинал-макет. Межкафедральная лаборатория
информационных технологий и персональных ЭВМ.
ИГХТА, 1998.

I. МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ Н.П. СМИРНОВА

АВТОБИОГРАФИЯ Н.П. СМИРНОВА (1963 г.)

Сведения о жизни и творчестве Н. П. Смирнова до последнего времени опирались на единственную его автобиографию, написанную в 1963 году и напечатанную лишь в 1988 с большими сокращениями.¹

Ниже публикуется авторский вариант этой автобиографии, написанный Смирновым одновременно с опубликованным.²

Он почти на треть обширнее и включает дополнительные существенные факты из жизни и творчества писателя. В нем впервые говорится о том, что Смирнов с детства ценил пейзаж в художественном слове и изобразительном искусстве, сообщается о сильном влиянии на него творчества И.А. Бунина, раннем начале собственного творчества. Здесь имеется признание в том, что литературным учителем Н.П. Смирнова был А.К. Воронский³. Впервые называются в этом варианте автобиографии фамилии писателей, с которыми он близко сошелся в Москве в 20-е - нач. 30-х годов. Сообщается и об аресте, о местах пребывания в заключении, о причине репрессии (близость к троцкистским кругам). В конце писатель делится творческими планами и говорит о том, что хочет писать о годах ссылки, а также мечтает написать нечто вроде романа на автобиографическом материале.

Результатом первого желания стал, по-видимому, дневник, который был начат в 1965 году. Написана была и большая часть повести под названием "Солнце неспящих". Она остается пока в рукописи.

Автобиография

Родился 13 марта (28 февраля) 1898 года в гор. Плесе

Публикация, подготовка текста и примечания Л.А.Шлычкова

тогдашней Костромской губернии, Нерехотского уезда (ныне Ивановской области, Приволжского района) в средне-купеческой семье.

Из передних комнат отчего дома видна была Волга, на которую я еще ребенком смотрел часами, как часами не отходил от дубового книжного шкафа или от дядиных ружей, ягдташей и рогов, уносивших детское воображение в сказочную страну Охоты. Так Волга и охота стали "колыбелью" моей великой любви к видимому миру, а потом - и основным материалом моих писаний, а книга - неземным и любимым другом и спутником жизни.

В детстве и отрочестве меня совершенно не привлекала приключенческая и фантастическая литература, я воспитывался на классиках, и уже тогда глубоко ценил пейзаж как в художественном слове, так и в изобразительном искусстве. Любимыми моими писателями и поэтами были и остались - Пушкин и Тютчев, Некрасов и Ал.К.Толстой, Л.Толстой и Мельников-Печерский, Чехов и Бунин (Бунин - в особенности: ему в значительной мере обязан я страстной и ненасытной любовью ко всем проявлениям бытия).

Из художников благовоею перед Левитаном, чему в немалой степени способствовало и то, что Левитана, жившего в 1888-90 гг. в Плесе и хорошо знакомого с моими дядями, я с детства считал не только "земляком", но и как бы родным человеком. Большое значение имел еще для меня в начальные годы... граммофон, привезенный с нижегородской ярмарки и открывший передо мной пленительный мир музыки. Из русских музыкантов больше всех люблю Сергея Рахманинова.

После приходского и, частично, городского училищ в Плесе, учился в Кинешемском реальном училище, которое закончил только в 1919 году, когда оно уже было советской школой II ступени. Навсегда сохранил добрую память о двух учителях-словесниках - А.К.Серафимове и И.Ф.Изюмове, а также о "француженке" Н.С.Чичаговой. Это, пожалуй, единственные из преподавателей, относившихся к воспитанникам не по-чиновничьи, а по-человечески. Запомнился еще своей добротой о. И.П.Альтовский⁴, культурный и образованный

человек. Из своих однокашников с особенным теплом вспоминаю Б.А.Догадкина (ныне пользующегося мировой известностью специалиста в области искусственного каучука) и В.Л.Бромберга, инженера (неразб.), сейчас пенсионера.

Огромное влияние имел на меня в годы учебы в реальном училище Дмитрий Фурманов, учившийся на несколько классов старше и руководивший моим "внешкольным" образованием (выбор книг для чтения, беседы о литературе и т.п.). Впоследствии, 1920-25 гг. в Иванове и Москве, периодически и дружески встречался с прославленным автором "Чапаева".

Учился в реальном очень "средне", - интересовала лишь история и, в особенности, литература. И.Ф.Изюмов не раз читал в классе мои "сочинения" ("Святочные развлечения и удовольствия" и т. п.). При переходе из 4-го в 5-ый класс за экзаменационное сочинение "Приход парохода к пристани" получил 5+. Будучи реалистом, печатал стихи, очерки и рассказы в местных газетах - "Кинешемский вестник" (Кинешма), "Поволжский вестник" и "Курьер" (Кострома) и кое-каких московских еженедельниках ("Газета для детей и юношества", "Журнал для женщин").

Октябрьскую революцию встретил восторженно, искренне и глубоко переоценив многие из старых и традиционных культурных и бытовых ценностей и целиком отдавшись работе в кинешемской газете "Рабочий и крестьянин" сначала в качестве секретаря, а потом (1920-21 гг.) ответственного редактора.

В 1920 году вступил в РКП(б). В 1922г. работал членом редколлегии ивановского "Рабочего края". Осенью 1922 года переехал в Москву на работу в "Известия ВЦИКа", где в должности секретаря редакции работал до 1926 года, много печатался преимущественно как критик в "Красной нови", редактируемой тогда А.К. Воронским, память о котором как о своем литературном учителе сохраню до конца. С 1926 года по конец 1934 года был литературным секретарем "Нового мира" (редактор В.П. Полонский)⁵ и одновременно членом правления Московского Товарищества Писателей (М.Т.П.).

За эти годы много писал и печатался и как беллетрист, и

как критик, близко и дружески сошелся с писателями из группы "Перевал" - Н. Зарудиным⁶ и И. Катаевым⁷, а также с Л.Сейфуллиной⁸, В.Правдухиным⁹, И.Соколовым-Микитовым, П.Низовым¹⁰, А.Перегудовым¹¹, П. Ширяевым¹², со всеми ними связывала не только общность литературных интересов, но и охотничья страсть. Много было и незабвенных задушевных бесед и незабвенных очаровательных охотничьих поездок...

В исходе 1934 года, после злодейского убийства С.М.Кирова, в жизни моей разразилась катастрофа: арест и последующее четырехгодичное заключение. Реабилитированный впоследствии "за отсутствием состава преступления", я был арестован, по-видимому, за близость к определенным троцкистским кругам (уже одно то, что работая в "Известиях" вместе с Б.П.Радеком¹³, я чуть ли не ежедневно встречался и беседовал с ним, могло являться в то время криминалом). Находился в заключении сначала в районе Красноярска, во глубине сибирской тайги, а потом на севере - на Печоре и на Воркуте (за Полярным кругом). На севере встретился и сдружился с Остапом Вишней¹⁴ (П.М.Губенко), осужденным (в 1933 г.) на десять лет.

Много повидал за эти годы и трагического, и бесчеловечного, и человечно-трогательного, говорящего о неувядаемой любви к Родине и о душевной людской силе даже в дни великих испытаний. Встречались люди, навсегда вошедшие в память как образцы внутреннего благородства, мужества, силы и подлинного гуманизма. Особенно памятен в этом случае начальник воркуто-печерского лагеря в 1937 году - В.А.Баранов, теперь дважды Герой Советского Союза (и, кстати сказать, дважды воплощенный в литературе - в романе В.Ажаева "Далеко от Москвы" и в повести К.Паустовского "Рождение моря"). Описание этих лет без украшений, но и без преувеличений, давно находится в "тематическом плане" моей литературной работы.

Освобожденный из лагеря в 1939 году, некоторое время жил в Александрове, а в мае 1941 года возвратился в Москву с твердым и страстным намерением вновь отдаваться любимой литературе. Осуществить это тогда, однако, не удалось: вско-

ре грянула Великая Отечественная война против немецко-фашистских захватчиков.

В начале августа 1941 года был призван в армию и через неделю находился на одном из участков северного фронта в "энской" инженерной части. С осени 1942 года и до конца войны служил писарем запасного артиллерийского дивизиона, написав за время этой службы сотни и сотни приказов. Если в лагере я приобрел лестную квалификацию старшего экономиста-плановика, то армия сделала из меня умелого "приказиста". "Вы у нас, действительно, писатель", - не раз говорил мне с улыбкой командир полка.

После демобилизации, в августе 1945 года, возвратился, наконец, к литературной деятельности, и, не будучи связан какой-либо штатной работой, занимался и занимаясь рецензированием и редактированием рукописей: всегда любил оказывать посильную помощь молодым литераторам. С 1948 года тесно связан с альманахом "Охотничьи просторы" как член редколлегии, в которую входят, в частности, М.А.Шолохов, Е.Н.Пермитин¹⁵, проф. А.Н.Формозов¹⁶.

В последние годы довольно много пишу, уделяя по-прежнему основное внимание своей старой, излюбленной теме - природе и охоте, считая, что охота как наиболее совершенный спорт имеет большое воспитательное значение, а природа как образ Родины излучает свет и тепло патриотизма.

Лучшим из всего написанного мною считаю повесть "Золотой Плес". Формально это повесть о пребывании Левитана в Плесе, а шире - попытка осмыслиения художественного творчества. Мечтаю, давно и упорно, написать нечто вроде романа на автобиографическом материале, то есть еще раз, со всей любовью и страстью, которая сохранилась в нестареющем сердце, воспеть красоту милого Плеса, города моих грез, и раздолье ненаглядной матушки-Волги, источника и колыбели моего творчества.

Москва, ноябрь 1963 г.
Ник. Смирнов.

¹ Писатели земли ивановской: Библиографический справочник.— Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1988. С. 262-264.

² Архив Плесского музея-заповедника.

³ Воронский Александр Константинович (1884 - 1937) - критик, публицист, писатель. В 1918 - 21 г.г. жил в г. Иваново, редактировал газету "Рабочий край". В 1921 - 27 г.г. редактор журнала "Красная новь". Репрессирован.

⁴ Альтовский Иван Петрович (1867 - 1938) - законоучитель, священник Успенского собора, историк Кинешмы. Репрессирован.

⁵ Полонский (Гусин) Вячеслав Павлович (1886 - 1932) - критик, историк. В 1921 - 29 г.г. редактировал журнал "Печать и революция", в 1926 - 31 г.г. - журнал "Новый мир".

⁶ Зарудин Николай Николаевич (1899 - 1937) - поэт, прозаик, в 1924 - 32 г.г. председатель литературной группы "Перевал". Репрессирован.

⁷ Катаев Иван Иванович (1902 - 1939) - писатель, один из руководителей литературной группы "Перевал". Репрессирован.

⁸ Сейфуллина Лидия Николаевна (1889 - 1954) - писательница.

⁹ Правдухин Валерий Павлович (1892 - 1939) - писатель, критик, автор охотничьих рассказов. Репрессирован.

¹⁰ Низовой (Тупиков) Павел Григорьевич (1882 - 1940) - писатель.

¹¹ Перегудов Александр Владимирович (1894 - 1989) - писатель.

¹² Ширяев Петр Алексеевич (1888 - 1935) - писатель.

¹³ Радек Карл Бернгардович (1885 - 1939) - государственный и партийный деятель, публицист. В 1919 - 24 г.г. член ЦК РКП(б), в 1920 - 24 г.г. член Исполкома Коминтерна. Сотрудник "Правды" и "Известий".

¹⁴ Вишня Остап (Павел Михайлович Губенко) (1889 - 1956) - украинский писатель-юморист.

¹⁵ Пермитин Ефим Николаевич (1896 - 1971) - писатель, редактор альманаха "Охотничьи просторы".

¹⁶ Формозов Александр Николаевич (1899 - 1971) - ученый-зоолог, художник, писатель-натуралист.

ИЗ ПИСЕМ Н.П.СМИРНОВА К РОДНЫМ

Жизнь Н.П.Смирнова до сих пор изучена недостаточно. В автобиографиях его бегло названы лишь основные вехи жизненного пути. Не перенасыщены фактами прижизненные статьи к юбилейным датам. Беда, если не сказать больше, мемуарная литература о писателе, в особенности, относящаяся к 1920 - 1950-м годам. Немногим из литературных друзей и противников довоенных лет суждено было дожить до возраста мемуаристов. Видимо только Е.Пермитин оставил сверхблагородный портрет Н.Смирнова в салоне В.Правдухина и Л.Сейфуллиной: "Близкий друг хозяев, страстный охотник, лирический поэт в прозе, восторженный поклонник Бунина..." (Е.Пермитин "Поэма о лесах"). Единожды промелькнуло имя его в воспоминаниях о военной поре - в повести "Тень друга" А.Кривицкий упомянул о случайной встрече с Николаем Павловичем в суровой опустевшей столице, сохранившейся в памяти прежде всего потому, что "старый писатель", едва ли не единственный из профессионалов пера, носил погоны рядового и служил писарем в каком-то штабе. В мемуарах о послевоенной литературной Москве также не нашлось места внештатному редактору издательства "Советский писатель", с биографией, "украшенной" несмыываемым пятном - "был осужден".

Впервые публикуемые письма Н.П. Смирнова к родным живописно иллюстрируют страницы его биографии. А их искренний тон, эмоциональность, образный язык вводят читателя в внутренний мир писателя.

Публикация писем, вступительная статья и примечания О.К.Переверзева

Москва, 1934 год.

Москва, 5/X - 34 г.

Здравствуй, дорогой Леня!¹

Все на свете идет своим чередом: давно прошло лето, проходит, постепенно, и осень - уже отлетают гуси, осыпаются золотые березы и розовые липы, стоят по утрам туманы, мучительно, как далекий знак юности, сияют в ясные ночи Плеяды, сыплют бесприютные дожди - и страшно, до физической боли в сердце, зовут к себе охотничи леса, их облетающая "тайная сень"²...

Чувствую, как всегда осенью, грусть, в которой есть оттенок некой скитальческой радости, - так же чувствовал себя и двадцать или пятнадцать лет назад! - "читаю по вечерам старых поэтов"³ (особенно автора этих строк, все больше и больше проникаясь к нему поистине сыновней любовью), мечтаю - бесконечно - о том, чтобы хоть изредка съездить на охоту - на родину своей души, своих чувствований, своего счастья.⁴ Недавно ездил, - и, как всегда под Москвой, неудачно, - на Оку, - 40-50 верст от Коломны, - ехал на пароходе, насквозь пропахнувшем яблоками, бродил по лугам, - печальные, бесконечные луга, сплошь покрытые стогами сена! Ночевал в шалаше, видел красный осенний закат над рекой... Какой разноцветный хаос в душе, сколько горечи и нежности в сердце, сколько облачно-сменяющихся дум в голове, сколько жадности к свету и краскам в усталых от книг глазах! И как хочется писать, - ощущаю это, опять-таки, почти физически... и - не могу: в Москве, ты знаешь, эта способность у меня как-то чудодейственно пропадает.

На днях видел фотографию: И.И. Левитан⁵ на охоте, со своей "Вестой" - и опять почувствовал нечто вроде внутреннего толчка: так захотелось уединиться на месяц и сесть за повесть об этом любимом художнике, перенестись, мысленно, в далекий, романтический (в действительности,

вероятно, и не бывший таким) Плес, в "молодость отца" и наших дядей, в тихий и мирный быт баснословных, зеленых летних дней, в хвойный сумрак Гремячки, в сказочные пустоши вокруг Тезы, в тень густых и прохладных садов.⁶

Охотничьи рассказы, написанные весной, печатаются, частично, в "Охотнике Сибири"⁷, в "Бойце-охотнике"⁸, а "Первый рейс" и "Горечь" - в октябрьской книжке "Нового мира"⁹ (второй рассказ пришлось существенно переработать). Мечтаю напечатать где-нибудь "Выстрел"¹⁰ - нравится, почему-то, мне этот печальный рассказ, - хотя бы в альманахе Военно-охотниччьего общества. Весьма и весьма, возможно, что с Нового года "Известия" будут издавать "толстый" ежемесячный охотничий журнал¹¹: то-то радость будет для нашего брата! Вот где можно было бы начать печатанием - и продолжить - хотя бы в "извлечениях" - "Солнце неспящих"¹².

Особенного в это время - и в международной, и во внутрисоюзной жизни - ничего не случилось, если не считать вступления СССР в Лигу наций¹³ и съезда писателей¹⁴. Я посетил его аккуратно (проводя, правда, большинство времени в буфете: обильно и дешево) и с огромным удовольствием выслушал (кроме доклада Бухарина¹⁵) речи Олеши¹⁶ и Пастернака¹⁷: какие, все-таки, это своеобразные, оригинальные люди: в обоих есть ощущение подлинного трагизма эпохи!

Москва, - она так хороша осенью: гулкие улицы, лимонные бульвары, цветы на площадях, девичий смех, - по-прежнему строится, растет, молодеет. На днях открылся, кстати, новый магазин (бывший Елисеевский): впечатление ошеломляющее, на уровне лучших европейских магазинов.

Живу я более или менее спокойно, - "я утих, годы сделали дело"¹⁸... - не жалуюсь ни на свое литературное одиночество и непризнание¹⁹, ни на одиночество душевное²⁰: много на свете хороших книг, много хороших, уединенно-ночных дум...

Наши все здоровы - и папа²¹, и мама²², - и Зина²³, - и Мурка²⁴. Мурка живет у нас, учится, - одной из первых учениц: замечательны, между прочим, у нее сочинения, - лирика! - и она становится совсем взрослой девочкой.

Открылся сезон в театрах. Камерный готовится к 20-летнему юбилею (в декабре), репетирует "Антония и Клеопатру"²⁵. В Большом возобновляется "Град Китеж"²⁶.

Немало выходит книг, но угнаться за ними сейчас трудно - и дорого, и исчезают мгновенно: такого спроса не было никогда.

Все, повторяю, идет своим чередом. Ждем, с нетерпением, твоих писем.

Любящий тебя, твой
Н. Смирнов.

¹ Леня - Леонид Павлович Смирнов (1904-1997) - брат писателя, геофизик. Осенью 1934 года находился в экспедиции.

² "Таинственная сень" - А. Пушкин. Евгений Онегин. Гл. 4, ст. X

³ "читаю... старых поэтов" - неточная цитата из повести И.Бунина. "Митина любовь".

⁴ "Родина своей души ..." - г. Плес.

⁵ Исаак Ильич Левитан (1860 - 1900) - русский художник-пейзажист, автор известных полотен, написанных в Плесе: "Вечер после дождя", "Золотой Плес" и др.

⁶ Писатель приступил к работе над повестью о пребывании Левитана в Плесе (летом - осенью 1886 г.) в 1934 г., продолжил - в 1939 г. Журнальный вариант опубликовал в альманахе "Охотничьи просторы" (Кн. 11-13, 1958-59), завершил работу в 1966 г. В повести, под фамилией Вьюгиных, выведена семья Смирновых. Дед писателя, Николай Петрович, "пришел в город по "откупной". Здоровый и крепкий... был он кузнецом - ... без устали, удар за ударом, ковал прочный достаток. Постепенно вырос дом на привольной горе, железоскобяная и бакалейная лавки на базаре, выросла большая и дружная семья". В ней было семь детей - Александр, Анна, Павел, Григорий, Иван, Виктор и Гавриил. После женитьбы Иван выделился, а Павел привел жену в родовой дом. Другие братья остались холостыми. Семья жила "не делясь, кланом". Виктор, единственный, унаследовал кузнечное ремесло, братья его занимались торговлей и были записаны купцами 2-й гильдии. Иван, Виктор и Гавриил увлекались охотой. После знакомства с Левитаном охотились вместе с художником. Виктор и Гавриил стали первыми наставниками в охоте будущего писателя. "Молодость отца" - цитата из романа И. Бунина "Жизнь Арсеньева". Гремячка - подгородный бор. Теза - река.

⁷ Смирнов Н. Миниатюры: Первая рама. Автопортрет. // Охотник Сибири. 1934. № 9/10.

⁸ Смирнов Н. Молодые вечера. // Боец-охотник. 1934. № 7.

⁹ Смирнов Н. Первый рейс. Горечь. // Новый мир. 1934, Кн. X.

¹⁰ "Выстрел" - сюжет рассказа - история самоубийства фабриканта;

30-е годы не был напечатан. Судьба рукописи не известна.

¹¹ Издание не осуществилось.

¹² "Солнце неспящих" - "любимая вещь", замышлявшаяся в 1930-40-е г.г. В ней автор собирался, по воспоминаниям детства и семейным преданиям, "отразить в слове" "душу" своего рода, в судьбе которого виделось ему нечто общее с судьбою рода Хрущевых, владельцев бунинского Суходола. "Суходол, Суходол! - вырвалось однажды в письме к брату - От Суходола остались одни развалины - все меньше Хрущевых остается на свете, и все острее переполняется усталое сердце любовью к родным, думы о которых согреты такой нечеловечески огромной теплотой". (п. Л.Н. Смирнову 16 февр. 1937 г.).

¹³ Лига наций (1919 - 46) - международная организация, содействовавшая развитию сотрудничества между народами, поддержанию мира и безопасности. СССР вступил в Лигу Наций 18 сентября 1934 г. В декабре 1939 г. - был исключен за участие в советско-финляндской войне.

¹⁴ Съезд писателей - Первый Всесоюзный съезд писателей проходил в Москве с 17 августа по 1 сентября. Н.Смирнов был принят в Союз писателей летом 1934 г. В декабре 1934 г. исключен, восстановлен в 1959 г.

¹⁵ Бухарин Николай Иванович (1888 - 1938) - советский государственный и партийный деятель. На съезде выступил с докладом о советской поэзии.

¹⁶ Олеша Юрий Карлович (1899 - 1960) - советский писатель, автор повести "Три толстяка" (1924), романа "Зависть" (1927).

¹⁷ Пастернак Борис Леонидович (1890 - 1960) - советский поэт, был знаком с Н.П. Смирновым с конца 1920-х г. Об их отношениях см.: В. Смирнов. "Жизнь наполнена внутренним смыслом" // "Раб край", 1990, 11 февр.

¹⁸ Правильно: "Я утих. Годы сделали дело..." Цитата из стихотворения С. Есенина "Несказанное, синее, нежное..." (1925).

¹⁹ "Литературное одиночество и непризнание" - автор письма еще не знал о рецензии, появившейся в Новосибирске, на его последнюю книгу: "Ник. Смирнов достаточно известен широкому кругу читателей, а охотникам тем более. Он давно уже является ревнивым и чутким собирателем и комментатором художественного слова об охоте и превосходным стилистом <...> Ник. Смирнов достаточно оригинален по тематике, языку, развертыванию действия в своих произведениях, чтобы смешать его с другими писателями. Основное в произведениях Ник. Смирнова - мастерское использование пейзажа. Нет, пожалуй, другого такого писателя (за исключением может быть, Ив. Бунина), где бы пейзаж был так ювелирно отточен, так органически был связан с действием <...> Пейзаж всегда мягок, лиричен. Слово ясно, чисто, звонко. <...> Тихие грустные пейзажи Ник. Смирнова так же насыщены подлинным поэтическим чувством, как и левитановские поволжские картины: "После дождя", "Золотой Плес", "Тихая обитель", "Омут", "Вечерний звон", "Владимирка". В некоторых рассказах, по мнению рецензента, грусть присутствует "в несколько излишних дозировках". Гинцель П. Ник. Смирнов. Своим следом. Охотничья книга. // Охотник Сибири. 1934. № 9/10. С. 30.

²⁰ "Одиночество душевное" - в 1932 г. распался брак писателя с Поликсеной Федоровной Смирновой (Коробовой) (1900 - 1973). Поженились они в 1921 г. в Кинешме, где уроженка Каменки Поликсена Коробова заведовала уездным женотделом. В 1935 г. после окончания Академии коммунистического воспитания им. Крупской, она уехала в Грозный, работала там в обкоме партии.

²¹ Отец - Павел Николаевич Смирнов (1859 - 1936), купец, в 1904-17 г.г. городской голова Плеса.

²² Мать - Евдокия Феоктистовна Смирнова (Алексеева) (1877 - 1963) - из семьи фабрикантов д. Артюшино, близ Старой Вичуги.

²³ Зина - Зинаида Павловна Смирнова (р. 1911) - сестра писателя, издательский работник.

²⁴ Мурка - Муза Николаевна Смирнова (р. 1923) - дочь писателя, геолог, до 1992 г. профессор Грозненского нефтяного института.

²⁵ Спектакль по пьесе У. Шекспира "Антский и Клеопатра" в постановке А.Я. Таирова. Роль Клеопатры исполняла А.Г. Коонен - любимая артистка Н.П. Смирнова. В РГАЛИ сохранилась их переписка 1945 - 72 г.г.

²⁶ Опера Н.А. Римского-Корсакова "Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии". Премьера подновленной в декоративном отношении и по концепции (главным образом за счет купюр) оперы состоялась 25 декабря 1934 г.

2.

Лагерь, 1935 год.

[Бадоложная] 5/VIII - 35 г.

Леня, родной мой, брат мой любимый,
друг мой единственный!

Случилось то, что я не ожидал¹: судьба, трагическое стечие обстоятельств, частично, недопустимое легкомыслie забросили меня сюда, в Сибирь, в тайгу, оторвали от всего, что я столь любил, - от всех нас, от Москвы, от творчества, от любимых книг (как тянет, если бы ты знал, к Пушкину, к Тютчеву, к Толстому, к Бунину!). Во мне не погас - и, думаю, не погаснет! - дух творчества, безмерная и огненно-острая жажда выразить себя в слове. Терпение, труд - и надежда! Но сердце человеческое слабо: бываю минуты крайнего душевного упадка, крайней безнадежности, - ведь 4 года отречения от привычной жизни - не шутка!

За это время пережито много: четырехмесячная изоляция

(правда, в исключительно хороших условиях, при исключительно корректном обращении), поездка в Сибирь ("спецконвоем", в пассажирском, плацкартном вагоне), этапы, непривычные работы: на земле, на дровах, на угле, а сейчас - на лесопильном заводе. А сколько я видел за это же время интереснейших (и, неизменно чужих и чуждых) людей, - от троцкистов до бандитов, от "урканов" до членов эс-эровского ЦК, - и сколько прошло перед утомленными глазами чудесных рассветов и закатов, полноводных рек, дальних синих гор (даже хребет Алтая), бесконечных степей и милых березовых долин. Теперь вот - тайга, сосны и кедры, оранжевые зори и звездные ночи. С какой острой горечью смотрю на Плеяды, твоё любимое созвездие, с какой грустью вспоминаю тебя: я так страдаю от разлуки с тобой!

А сколько воспоминаний, какой тяжкий и золотой груз прошлого таскаю я на своих плечах, вместе со своей "уж ветхую котомкой"²! Постоянно вижу и чувствую и всех вас, и Москву, и наш старый, одинокий Плес, - детство, августовские яблоки в саду, осенние заморозки, волжские туманы, юность, пасхальные ночи, троицкие дни в Артюшине³, белые и горькие ландыши на столе...

Всего не расскажешь, - горько и грустно! - одинокого сердца не вложить в бумагу, в слово, душу, на смерть раненую прошлым, не перешлешь вместе с письмом.

Напишу еще: наберусь сил! - а пока, целую и обнимаю тебя, прошу особенно не горевать обо мне (что делать!), надо всячески оберегать папу и нашу любимую мамочку, - прошу еще не забыть мою Мусеньку: она скрытная - и, думаю, страдает молчаливо.

Желаю тебе, родной мой, здоровья, благополучия и успехов.

С необъятной любовью, твой брат

Н. Смирнов.

¹ "Я не ожидал" - в ночь на 12 декабря 1934 г. Н.П. Смирнов был арестован. После четырехмесячного следствия на Лубянке, приговорен по ст. 58-10 УК РСФСР "за контрреволюционную агитацию и распространение

контрреволюционной литературы" к четырехлетнему заключению в исправительно-трудовом лагере. Свыше года находился в Сиблаге, под Красноярском.

² "Уж ветхою котомкой" - из стихотворения И.Бунина "У птицы есть гнездо. У зверя есть нора..." (1922).

³ Троицкие дни - Троица - престольный праздник в д. Артюшино.

***

Осенью 1936 г. писатель был отправлен на Печору, в Усть-Усу, в июле 1938 г. - в Воркуту. Освободился 8 февраля 1939 г., но до конца июня, до открытия навигации, находился на Воркуте, продолжая работать по вольному найму на прежней должности - экономистом-плановиком. После возвращения из заключения, Н.П. Смирнов, лишенный права на жительство в столице, около 2-х лет проживал на 105-м км от нее, в Александрове. Прописку в Москве он получил в мае 1941 года.

3.

Война, 1941-44 годы.

Москва, 30 августа 1941

Милые, горячо любимые Мамочка, Леня и Зина!

Сегодня я послал Вам телеграмму - о моем призывае на военную службу: завтра, 31 августа, должен уже явиться в военкомат. Чувствую себя спокойно и бодро. Прошу маму отнестись к этому с таким же спокойствием: не скучай, моя дорогая, и будь мужественна. Я с тобой - каждой мыслью и каждой думой.

Сборы мои недолги: вещевой мешок, белье, фуфайка и т.д. Главное - не загружаться вещами <....>

Москва, 2 января 1942 года.

<....> Пишу Вам из Москвы, куда, волей судьбы, попал из далекой Карелии - на несколько дней. Завтра, самое позднее - послезавтра - снова отправлюсь на фронт (вероятно, на какой-либо участок). <....>

За четыре месяца на Севере я видел много интересного и замечательного - прежде всего, нашу непобедимую Красную Армию, наносящую противнику удар за ударом, прекрасную природу - осенние и зимние леса и озера, очень много

работал, укрепляясь физически, - самочувствие было все время очень хорошее, - совершил марши, жил в избах, ригах и землянках... Словом - настоящая походная жизнь. <....>

Москва, 5 февраля 1942 года.

<....> Я - представьте - все еще нахожусь в Москве, но - как долго пробуду здесь, - сказать... не могу: меня могут призвать в любую минуту. В данное время я считаюсь временно освобожденным. <....>

Сейчас у меня - большая личная неприятность: болезнь - и какая! - очень острыя и резкая простуда в ногах (и - меньше - в руках). Боли - очень сильные, особенно по ночам (почти не сплю), <....>

Особенно неприятно для меня то, что я всегда отличался неутомимостью в ходьбе, а теперь должен брести, чуть-ли не опираясь на палку... Старость, что-ли подходит?

Ну, да это, впрочем, не так уж важно: в наши дни просто стыдно жаловаться на болезни. Пройдет. <....>

Москва, 19 июня 1942 года.

<....> Формально - положение мое таково: я был призван (в двадцатых числах мая), сдал все документы, собрал вещи - и потом был освобожден (временно, до особого распоряжения). В течение зимы, после возвращения с фронта, я уже освобождался несколько раз - по болезни. <....>

Сейчас я работаю в одной из центральных газет - в качестве внештатного литературного работника ([с] постоянным сидением на связи - все зависит от редакционных задач, гл[авным] обр[азом] - правка материала).

В смысле питания я сейчас обеспечен полностью: имею карточку и обед (в очень хорошей столовой - три блюда и хлеб)... Хуже со стиркой белья (да и его, впрочем, почти нет), с разного рода починкой и т.д. <....> Часто вижу Петра Осиповича¹ и его [бывшую] жену - они живут в одном доме - Юл[ию] Казимировну. Им я, как и Акулининой², исключительно обязан помощью и гостеприимством: все они сделали

для меня очень и очень много. В марте и первой половине апреля я переживал довольно тяжелые дни, и если бы не П[етр] О[сипович], пришлось бы, во многих отношениях, весьма туга. <...>

***

В ноябре 1942 года Н.П. Смирнов был призван на нестроевую службу и до августа 1945 года служил старшим писарем в тыловых артиллерийских частях, долгое время - в части, дислоцировавшейся на границе Московской и Калужской областей - в районе Алабина.

21 октября 1943 года.

<...> Живу я, пока, по-прежнему, без каких-либо существенных изменений, в полной обеспеченности всем необходимым, чувствую себя, в отношении здоровья, вполне хорошо. Несмотря на годы, ощущаю себя молодым и легким, - многие здесь удивляются и моей легкости в ходьбе, и физической приспособляемости к условиям. Моя охотничья натура оправдывает себя.

<...> Здесь у нас стоит небывало-прекрасная осень. Ясные, прохладные, синие дни, темные, звездные ночи. Леса уже стынут, по утрам бодро сияют и серебрятся от инея, луга пустеют, зеленеют озимью, по реке ложится, как прозрачная голубая сталь, первый, хрупкий лед. Воздух - студеный, яблочный, ходьба по набитым и крутым дорогам - очаровательная. Мягко и нежно светятся вокруг по вечерам, деревенские огни. Смотришь на них - и чувствуешь почти физическую сердечную боль: где-то, далеко, есть в мире любовь и счастье - т.е. вы, мои близкие, где-то, в другой стороне - моя Мурка, где-то - наша старая родина, наш Плес, замятенный листьями родимый дом, где-то - наши московские вечера, наша нерасторжимая близость...

Несказанное чувство этой близости я сохраню навсегда, надежду на ее возврат не потеряю ни на минуту. Далекие друг от друга, будем близки сердцем. <...>

2 мая 1944 года.

<...> я стал исполнительным и дисциплинированным солдатом, не раз получавшим благодарности приказами по нашей части. Не раз ездил в командировки (в Москву или через Москву), которые являлись для меня тем более цennыми, что во время них, при встречах со знакомыми писателями, я опять (и непосредственно) приобщался к литературе, от которой я сейчас очень далек (внешне, конечно), т.к. довольствуюсь, гл[авным] образом, газетами (регулярно).

<...> О плесских веснах больно и грустно вспоминать. Помнишь бесконечный волжский разлив - Сунгурово и Красное в теплом синем тумане, наши хождения на тягу, необъятную даль от Левашевских болот (где, наверняка, бродил Левитан), передние комнаты нашего отчего дома, полные свежести, солнца и какого-то очаровательно-острого весеннего запаха - смешанного аромата березы, волжской волны, ванили и корицы? <...>

Адрес мой, пока, прежний: Полевая почта 92584, литер "Л".

¹"Петр Осипович" - Петр Осипович Саулин (н. ф. Вардунас) - зав. гомеопатической лабораторией, близкий знакомый Смирновых. В 1950 - 60 г. автор "Охотничих просторов".

²Акулинина - Марья Тимофеевна Акулинина - соседка Смирновых по квартире в доме № 16 по ул. Чехова, жена шофера издательства "Известия" Германа Ивановича Акулинина.

4.

На родине, 1946-69 годы.

Плес, 12 июля 1946 г.

Дорогой Леня!

<...> На пароход (в 4-й класс) сели совершенно свободно. В Плес приехали около 8 ч[асов] вечера¹. Нас встретила гроза и такой "обломный" ливень, какой бывает, вероятно, только

в южных широтах. Но было очень тепло, небо - от края до края - озарялось великолепными молниями, и в этом была какая-то особая, "суходольская" прелесть. Сейчас погода стоит "непрочная" - шумный "низовой" ветер, - грозы проходят стороной, над Заволжьем, - сухой и жаркий воздух, довольно тихие, длинные-длинные вечера. Ночи - прежние, лунные, одинокие...

На Соборной горе, по-прежнему, пусто и тихо. Те же "руины", те же старые березы, та же, до боли любимая, Волга, те же "скитальческие огни" позднего, почти бесшумного парохода... На севере всю ночь розовеет заря, на юго-востоке непрестанно вспыхивают зарницы. Хорошо пахнет цветущей липой, хорошо доносится из-за Волги тихая и грустная песня. Брошу "до петухов", засыпаю на рассвете.
<...>

Плес, 7.7.53.

<...> Плес, в конце концов, для меня - единственный (вероятно) уголок, где хотя бы временно можно обрести покой душе. Конечно, покой этот - призрачный, постоянно нарушающий остройшими воспоминаниями, но и в остроте и грусти этих воспоминаний тоже есть своя доля очарования и прелести.
<...>

Плес, 15.9.54.

<...> Теперь в милом нашем Плесе все уже по-осеннему: седеют туманы над Волгой, желтеют и краснеют березы и липы, дорожки на Соборной горе покрываются палыми листьями. Особенно красивы вязы и клены с их тончайшей красочностью, и особенно хороши пышные георгины в грошевском саду². В воздухе чувствуется прохлада и терпкий запах увядания. <...>

Я побывал на своих любимых местах - и на привольном холме за Левашихой и у Горшовского болота, и на прекрасных тропинках между Выголовым и Спасским, и около Миловки, где так хорошо на тихом летнем закате...

Но - куда уйдешь от дум и воспоминаний, от удручающих мыслей о том, что "все проходит", что жизнь идет под уклон, и что жизнь эта нескованно-чудесна, и чем чудесней - тем мучительней и тяжелей.

Все это, конечно, не ново, но - "что нового под солнцем", и как понять и разгадать вековую загадку человеческого "бывания" на земле? <...>

Плес, 28.9.69.

<...> Вот уже вторую неделю живу я здесь, на родине, и внешне все обстоит как будто вполне хорошо: я чуть-ли не целый день, один в доме... и, казалось бы, можно и "отдыхать", и работать, но с работой нынче что-то не ладится, а отдых ("покой") - действительно "только снится"³: его заглушает постоянная и острыя внутренняя тревога. <...>

Да, казалось бы - все хорошо: настоящая классически золотая осень, - с каждым днем все больше и больше вокруг золота, пурпур и янтаря (только вязы все еще по-летнему зеленые), - мягкая и солнечная погода, на столе стоят осенние цветы, на рояле лежат хорошие и любимые книги, - но никуда не уйти от тоски, от воспоминаний, из плена прошлого.

С каждым годом все меньше и меньше знакомых становится в Плесе, все больше обостряется осознание себя как иностранца на родине⁴, и все безнадежнее становится разлука со всем тем, что так глубоко и сокровенно любил.

Дом наш⁵, по-видимому, обречен на снос: нижние окна забиты досками, в верхних - мертвая темнота, ворота замкнуты, и только липы шумят и шумят под осенним ветром. Как пронзительно грустен [был бы], вероятно, этот шум, если бы его переложить на человеческий язык! <...>

За город, в поле и в лес, пока еще не ходил - и сил, к сожалению мало (старость все же чувствуется), и "темнеет" рано, - и по вечерам брошу лишь по улицам (внизу) и, главным образом, на Соборной горе, окончательно убеждаясь, что это - одно из самых лучших и красивых мест в России. <...>

¹ "В Плес приехали..." - в течение 1946 - 73 г.г. Н.П.Смирнов отдохнул неизменно в Плесе (исключение - поездка осенью 1947 г. на Черноморское побережье Кавказа). Не имея к этому времени в городе родственников, квартировал у близких знакомых: Бутурлиных, Грошевых, Г.Е.Лебедевой. Обычно жилье снимали с братом и по очереди приезжали в Плес, часто вместе с другими родными.

² "Грошевский сад" - Александр Павлович и Анна Михайловна Грошевы - давние знакомые Смирновых, уроженцы Плеса, где имели трехкомнатный дом. Жили в Костроме.

³ "(Покой)... только снится" - "И вечный бой! Покой нам только снится..."
- А.Блок. На поле Куликовом.

⁴ "Осознание себя как иностранца..." - "В своей стране я словно иностранец" - С.Есенин. Русь советская.

⁵ "Наш дом" - дом Смирновых, двухэтажный, полукирпичный, был конфискован у владельцев в начале 1930-х г.г. В настоящее время - административное здание дома отдыха. Отмечен мемориальной доской.

5.

Москва, 1974 год.

Москва 6.8.74.

Милый и дорогой Лена!

Мне очень тяжело и грустно, что твой день рождения, да еще день семидесятилетия! - я провожу не с тобой, не в нашем родном Плесе, который, несмотря ни на что, остается и лучшим, незакатным (хотя и мучительным) воспоминанием, и золотым пластом родной земли, вскормившей и вспоившей наши лучшие чувства, наполнившей наши души неугасающей любовью к красоте.

Но что делать: меня сплошь одолели, - как паутина иссохшее дерево, - тяжкие недуги, которым не видится конца и которые пугают, как ядовитая змея на трухлявом пне. <....>

По утрам я, стыдно сказать, долго и тихо плачу, как обиженный ребенок, чувствуя странное отъединение и от жизни, и от литературы, и от политики, и от природы.

Стоит, однако, хотя бы на час - другой стихнуть боли и я опять смотрю на свои книги с любовью и нежностью, с жаждой читать (сейчас - мемуары Сен-Симона о Людовике

XIV¹, о "куртуазном" быте его роскошного двора), опять с теплом в душе смотрю на пышный и густой от зелени тополь за окном, и опять испытываю неутолимую жажду писать, но та книга, которую я вынашивал в сердце годами - "Времена года или в поисках Китежа" - останется, видимо, не написанной. Задумана же она как своеобразная автобиография - по временам года, начиная с зимы (прозаически говоря - систематический "свод" всего лучшего, что было в жизни, в соответствии с движением "природного круга").

Все время страстно тоскую о Плесе, - недаром в одном очерке я назвал его городом моих зимних грез (разумея симфонию Чайковского "Зимние грезы"). Лучше, пожалуй, сказать, что это город моих всегдаших грез, а в особенности - осенних. Вот и здесь, в Москве, исчезли на днях стрижки, унесли звонкость и легкость лета, которого, правда, нынче я не замечаю, в силу болезни, сковывавшей, как я уже говорил, все чувства и мысли, - и опять, опять перед глазами стоит - как волшебных фонарь, как наваждение, как разноцветная феерия - Соборная гора в сиянии первого "златоцвета" листьев, милый наш дом - неисцелимая рана в душе, великий простор Заволжья, веющий Древностью, дача Тарутиных, где жила когда-то смуглая девушка с черными косами в пунцовом бантах: Надя Соколова², тихая "пустыня"³, упокоившая наш (увы, вымирающий, вырождающийся) род, опушка бора за Островом, откуда, всего несколько лет назад, я любовался синей далью полей, перелесков, холмов...

Неужели мне больше не видеть всего этого, не дышать запахом полыни и сена, не слышать песню ветра в вершинах родных лесов, не смотреть на божественную колесницу Большой Медведицы, на гранено-ледянную незабудку Капеллы, на алмазный щит Плеяд...

Как чутко чувствую и понимаю я отчаянно-восторженное восклицание Бунина, заканчивающее его "Ночь" ("Цикады")⁴:

- Боже, оставь меня!

А он, когда писал эту бессмертную философскую поэму, был значительно моложе меня.

Еще раз желаю тебе - всем сердцем, всем помышлением
- здоровья, долгих лет жизни, тихих радостей и бодрости
духа.

Обнимаю и целую - твой
Н.Смирнов.

¹ Сен-Симон, Луи де Рувруа (1675 - 1755) - французский политический деятель, писатель, автор мемуаров "Подлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о царствовании Людовика XIV и его регентстве". Людовик XIV (1638 - 1715) - король Франции с 1643 по 1715 г.г.

² Наля Соколова - героиня рассказа Н.Смирнова "Заволжье".

³ Пустыня - старое городское кладбище.

⁴ В "Ночи" (1925) автор, в одиночестве, на дачном балконе, под бездонным звездным небом, под неумолкающий звон цикад, предается глубоким, мучительным размышлениям о загадках "бывания". Из забытия его выводят "вздох жизни, шорох, накатившейся на берег и разлившейся волны". Он сбегает к морю, "с упоением погружает" руки в воду и его охватывает восторг: "Нет, еще не настал мой срок! Еще есть нечто, что сильнее всех моих умствований. Еще как женщина вожделено мне это водное ночное лоно... Боже, оставь меня!"

***

Публикатор приносит благодарность З.П. Смирновой,
представившей письма для публикации.

II. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

П.В. Куприяновский
ПИСАТЕЛЬ, КРИТИК, ЖУРНАЛИСТ

Около двадцати лет переписывался я с Николаем Павловичем Смирновым, а вот встречался с ним мало. Во время наездов в Москву, занятый служебными делами, я обычно звонил по телефону. Но несколько раз бывал и часами засиживался в его двухкомнатной квартире на Красноармейской улице, что около станции метро "Аэропортовская".

Невысокого роста, с крупной головой, заросшей густыми седеющими волосами пепельно-рыжеватого цвета, с пристальным, прицельным взглядом охотника, он радушно встречал гостя, провожал в кабинет, усаживал в кресло. И первое, что бросалось в глаза, были книги. Книги на столе, на стеллажах, в шкафах. Книги не только в кабинете, но и в коридоре.

Хозяин просил свою сестру Зинаиду Павловну приготовить чай, а сам начинал спрашивать об Иванове, об общих знакомых, о молодых, лично неизвестных ему прозаиках и поэтах: его интересовало, какая литературная смена подрастает в родных местах.

Разговор обычно перекидывался на литературное прошлое Ивановского края, Николай Павлович охотно вспоминал о годах своей молодости, о Воронском, Семеновском, Артамонове и других писателях и поэтах, выпестованных газетой "Рабочий край". Но тут же обсуждались текущие новости литературной московской жизни, в руках оказывалась какая-либо книга, и Николай Павлович поражал собеседника своей начитанностью и знаниями. В последние годы он особенно увлекался русскими философами П.Флоренским, Н.Федоровым и другими, которые долго оставались в забвении. Как

Перепечатка из кн.: Тропинки памяти. Воспоминания и статьи о писателях-ивановцах. - Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд., 1987. С. 105-110.

истинно русский интеллигент, формирование которого протекало в начале XX века, он продолжал жить страстями того времени, хотя, разумеется, главное в его жизни и творчестве связано было с эпохой советской, послеоктябрьской.

Еще во время первого моего визита мы быстро нашли "общий язык". И мне всегда казалось, что я знаю Николая Павловича очень давно. Это потому, что мои литературные интересы постоянно приводили к его имени и всегда что-то открывали новое в нем как в человеке и художнике.

Занимаясь изучением Фурманова, я натолкнулся на воспоминания Николая Павловича, опубликованные в № 14 "Красной нивы" за 1928 год. Из них я узнал, что Н.П. Смирнов – уроженец Плеса, что учился он там же, где и Фурманов, – в Кинешемском реальном училище. Правда, Фурманов окончил училище, а подросток из Плеса ходил лишь во 2-ой класс, и между ними было семь лет разницы в возрасте. Однако это не мешало им дружить. Как вспоминал Николай Павлович, Дмитрий Фурманов знакомился с его отроческими стихами, руководил его чтением. Дружба и покровительство двадцатилетнего юноши были дороги начитанному и впечатлительному подростку-реалисту, пробующему себя в литературе.

Уже в 1914 году Смирнов начинает печататься в поволжских газетах, а затем и московских журналах. По окончании реального училища в первые годы Советской власти он становится журналистом, регулярно сотрудничает в газете "Рабочий край" и одно время редактирует кинешемскую уездную газету "Рабочий и крестьянин" – предшественницу "Приволжской правды".

Занимаясь литературно-краеведческими разысканиями, я неоднократно изучал местную прессу, и в газетах, литературных сборниках "Взмах", "Сноп", "Начало", "Земные ласки" и других изданиях я то и дело встречал стихи, очерки, статьи, подписанные Николаем Смирновым. Они отличались хорошим вкусом, литературной культурой. В них не было никаких следов модных в то время новаций, автор оставался убежденным приверженцем традиций русской классики. Мне

запомнились его статьи о Блоке, очерки о Плесе, Кинешме, Вичуге, стихотворения "Красная Русь", "Пахарь", "В глухи" и др. А как-то я обнаружил и драматургический опыт Николая Павловича: в 1922 году в Кинешме, в качестве бесплатного приложения к газете "Рабочий и крестьянин", вышла отдельной книжечкой его одноактная пьеса "Урожай", имеющая жанровое определение "продагитка".

В разговорах со мной с большой теплотой и благодарностью всегда вспоминал Смирнова – литератора и редактора – ивановский писатель Михаил Шошин. Их судьбы пересеклись в Кинешме, и Николай Павлович стал одним из первых его литературных наставников. В автобиографической повести Шошина "Фабрика за овином" есть глава "Кинешемская романтика", где немало места уделено Н.П. Смирнову. Николай Павлович очень хотел прочитать повесть Шошина, и я был рад подарить ему книгу, где она напечатана. Во время последней встречи он тепло благодарил меня за этот подарок:

– Я как бы заново пережил то время, Шошин его воскресил, – говорил мне Николай Павлович о повести "Фабрика за овином".

Изучая литературный процесс 20-30-х годов, я часто встречал критические статьи, рецензии, прозу Николая Павловича, особенно в журналах "Красная новь" и "Новый мир", с которыми он был тесно связан. В это время он дружил и близко общался с многими крупными советскими писателями. А в 1929 году вышла в свет его первая большая книга – "Изумруд Севера". Это были рассказы и художественно-бытовые очерки, значительная часть которых печаталась под псевдонимом Путешественник в газете "Известия", где с 1922 года Смирнов работал штатным сотрудником. В "Изумруде Севера" поэтично и взволновано рисовал писатель родные верхневолжские места. Вслед за этой книгой в 30-е годы появились книги "Теплый стан", "Своим следом", повесть "Человек и жена" и другие.

В начале Великой Отечественной войны Николай Павлович отправился защищать Родину. Он прошел много фронтовых дорог.

По окончании войны Н.П.Смирнов с радостью вернулся к литературному творчеству. Страстный природолюб и охотник, свои художественные произведения он печатал главным образом в альманахе "Охотничьи просторы", издал книгу о Михаиле Пришвине, выпустил сборник рассказов и очерков "Осень". Самые значительные произведения писателя вошли в книгу "Золотой Плес" (1969).

В связи с тем, что в редколлегию "Охотничьих просторов" входили и Н.П.Смирнов и М.А.Шолохов, я как-то спросил Николая Павловича, приходилось ли ему встречаться с Михаилом Александровичем. На это Николай Павлович ответил:

- Приходилось. Только в 30-е годы, когда я работал секретарем редакции журнала "Новый мир". Тогда Шолохов печатал там первую книгу "Поднятой целины".

Позднее из статьи Вал. Лаврова "Автографы" в 9-м выпуске "Альманаха библиофила" (1980) я узнал, что Шолохов и Николай Павлович переписывались, обменивались книгами. На издании "Поднятой целины" (1932) Шолохов оставил такой автограф: "Т. Смирнову Н., охотнику от охотника. М.Шолохов. 28.II.33 г."

Получив присланный Смирновым сборник охотничьих рассказов, Михаил Александрович сообщил ему 25 сентября 1934 года: "Большое спасибо за книгу. Кое-какие рассказы я читал и до этого, но перечитал их снова и с большим удовольствием. Эти дни лежал, болел и читал с особым наслаждением, приветствуя каждый удачный выстрел..."

В 1954 году Николай Павлович обратился к Шолохову с просьбой дать рассказы для сборника "Охотничьи просторы". Из-за большой занятости автор "Тихого Дона" не смог откликнуться на просьбу. 2 августа 1954 года он писал Николаю Павловичу:

"Дорогой т. Смирнов! Извините, что отвечаю с запозданием. Мне думается, что нет смысла печатать этот кусок. Дайте мне время, и я напишу охотничий рассказ. У меня уже давно чешутся руки взяться за это дело, но роман не дает такой возможности. А там, с печатанием куска, — как знаете, на Ваше усмотрение.

Шлю привет и добрые пожелания и общего порядка, и перед охотниччьим сезоном в частности.
Ваш М. Шолохов".

* * *

Лучше всего судить об особенностях творчества Н.П.Смирнова по его книге "Золотой Плес". Повесть о великом русском художнике-пейзажисте Левитане, давшая название этой книге, соседствует в ней с воспоминаниями о детстве и юности, короткие новеллы чередуются с охотничьими рассказами, маленькие исследования-этюды о писателях-классиках в их отношении к природе и охоте (Пушкин, Некрасов, Л.Толстой, Тургенев, Фет и др.) сменяются обстоятельными мемуарными записями "Пришвин на охоте", "Вместе с Силичем" (о А.Новикове-Прибое), "Степь да степь кругом" (о советском писателе В.Правдухине).

В "Золотом Плесе" Николай Павлович предстает главным образом как замечательный писатель-природовед, во многом близкий к Пришвину. Но художническое природоведение Пришвина выливается в своего рода целую натурфилософию. Николай Смирнов по складу таланта живописец. По-буински свежим и прозрачно-ясным языком рисует он свои словесно-акварельные пейзажи. Запахи, краски, цветы, деревья, реки, озера, луга, животные, люди — все описано им до пронзительности отчетливо и до осязаемости рельефно. Особенно это чувствуется в живописании родного писателю Плеса, певцом которого он оставался на протяжении более шестидесяти лет. Недаром вдова Ивана Бунина Вера Николаевна Бунина - Муромцева писала автору "Золотого Плеса": "Ваше описание Плеса меня восхитило, и я очень жалею, что я там не бывала. Я только побывала в нем, читая Вашу вещь".

Для Николая Павловича природа — родник поэзии и родник патриотизма. А прикосновение к тому и другому началось у него с левитановского золотого Плеса, с первых охотничьих прогулок в природу. "Природа и охота, — писал он, — это двуединое дерево, нерасторжимо сросшееся корнями. Любовь к природе... в свою очередь углубляет и обостряет любовь к

Родине – то сокровенное чувство, которое придает человеческой жизни высший, глубочайший смысл".

Произведения Н.П. Смирнова не просто прививают чувство любви к природе, к "отчему краю", они эстетически воспитывают, учат видеть в нашей неброской русской природе потаенную красоту, источник прекрасного, возвышенного, поэтичного. Они призывают любить, охранять и защищать родную природу не с помощью лозунгов, а всей своей художественной сутью. И в этом особая роль и особая их ценность в наше время.

Значение сделанного Н.П. Смирновым в литературе далеко не ограничивается тем, о чем говорилось выше. Незадолго до смерти он рассказывал мне, что подготовил большую книгу мемуаров, в том числе воспоминания об одном из первых редакторов "Рабочего края" – видном советском критике А.К.Воронском. В мемуарах Николай Павлович выступает мастером литературно-психологического портрета, свидетелем многих интересных явлений в литературной жизни нашей страны.

Через всю жизнь писатель пронес любовь к творчеству Бунина. Он собрал об этом классике предреволюционной литературы ценнейшие, порой уникальные материалы. Ни один из исследователей Бунина не может пройти мимо них.

В письме от 18 декабря 1974 года Николай Павлович сообщал мне: "Я по-прежнему, – если позволяет здоровье, – занимаюсь древней русской литературой <...> и Буниным, "открытым" мною самостоительно в 1912 году (когда мне было 14 лет). У меня редчайший набор бунинских материалов, но пишу я о Бунине редко и мало, предоставляя это О.Н.Михайловой (известный критик и литературовед, автор многих работ о И.А.Бунине. – П.К.). Для меня Бунин, как и Пушкин, постоянный Друг и Добрый Собеседник, в общении с ними забываешь не только житейские горести, но и физические боли".

Николай Павлович сердечно любил наш край своей первой и самой сильной любовью. Он никогда не порывал с ним связи. А по старой журналистской привычке присыпал иногда из

Москвы свои статьи, очерки, стихи в близкие ему газеты "Рабочий край", "Приволжская правда", а также в "Ленинец" и в фурмановскую "Новую жизнь".

В марте 1978 года Николаю Павловичу исполнилось 80 лет. К этой дате в газете "Рабочий край" я опубликовал о нем "подвальную" статью "Поэзии чистый родник".

В сентябре 1978 года Николая Павловича не стало. Последнее время он тяжело болел. 22 февраля 1978 года он мне писал: "Простите, пожалуйста, что так "замедленно" отвечаю на письма: чувствую себя очень плохо, – сказывается и старость – 13 марта должно исполниться 80 (!) лет, – и отчужденность от живой жизни (не выбирался в "город" уже несколько лет), и какая-то внутренняя растерянность. К тому же заметно "сдают" глаза.

Свою юбилейную статью я закончил словами: "Большой, славный и плодотворный путь прошел наш земляк, Николай Павлович Смирнов. Много хорошего сделал он и как прозаик, и как критик, и как журналист".

Слова эти сказаны по поводу юбилея. Но я готов повторить их и сейчас, когда завершился земной круг его жизни и яснее вырисовываются ее итоги.

О.Н. Михайлов

ПЕСНЬ О РОДНОЙ ПРИРОДЕ

Книга прозы старейшего советского писателя Ник. Смирнова "Золотой Плес" (М.: Сов. писатель, 1969. - Ред.) - явление, по-своему неповторимое, ни на что не похожее в нашей литературе. Так как открывается она повестью о художнике, уместно провести параллель между живописью и литературой. Есть писатели-портретисты, психологи, знатоки человеческой души; есть писатели-баталисты, создатели широких военно-исторических полотен; есть писатели-жанристы, метко подмечдающие все крупинки, блики и мелочи современного быта. Ник. Смирнов - писатель-пейзажист.

Самое главное, ценное и привлекательное в его книге - это описания природы, жизнь леса, русский пейзаж. Кажется, о лесе автор может рассказывать бесконечно, нигде не повторяясь, находя все новые краски, все новые смелые и на удивление яркие уподобления: "В высоком старом лесу, куда вошли охотники, стоял сумрак. В вершинах елок, уже по-зимнему прохладных и густых, слабо сквозила лазурь. Березы бледно сияли, сухо шуршали листвами. Листья лежали под ними ровным, светлым кругом. Орешники, еще не потерявшие бархатистости, были бесцветны. Темно-розовые орехи, пощелкивающие под ногами, напоминали лисьи глаза. Хрустел, ломался пересохший мох. Каплями вина вспыхивала красная костянка..." Да разве можно привести или даже просто перечислить все великолепные зарисовки, чудесные картины, созданные Ник. Смирновым, воспевающим Золотой

Плес, Приволжье!

Удивительное дело. Чаще всего в литературе мы сталкиваемся с тем, что природа лишь обрамляет жизнь героев, является фоном, дополнением, чем-то придаточным и второстепенным. В произведениях Ник. Смирнова часто бывает обратное соотношение: люди - их судьбы - дополняют жизнь русской природы, восхищенно и трепетно воспринимая ее красоту. Но значит ли это, что произведения Ник. Смирнова обращены к чему-то "второстепенному", малозначительному? Разумеется, нет. Как показывает сам автор, от любви к "малой родине", к тому уголку России, в котором он вырос, возникает, возгорается и любовь к Родине, большой и великой. В предисловии к книге Ник. Смирнов верно замечает: "Любовь к природе, прививаемая обычно охотой, в свою очередь, углубляет и обостряет любовь к Родине - то сокровенное чувство, которое придает человеческой жизни высший, глубочайший смысл. Но подобно тому, как цветок вырастает из зерна, наша любовь к Родине имеет своим истоком тот "уголок земли", где мы родились и выросли". Таким образом, книга Ник. Смирнова пронизана высокой патриотической идеей: он не устает напоминать нам о воспитании драгоценного чувства - сыновнего отношения к России.

Книга делится на пять крупных разделов. Первый из них - "Золотой Плес (Повествование о Левитане)", - как это уже ясно из подзаголовка, посвящен замечательному певцу русской природы, мастеру пейзажа И. И. Левитану, проведшему некогда лето и осень в местах, где родился и вырос сам автор книги. Второй объединяет миниатюры, воскрешающие отдельные, разрозненные воспоминания детства и отрочества. Третий собрал странички календаря природы. В четвертом мы встречаемся с лесничими, егерями, охотниками, чьи простые и чистые души, преданность любимому делу, мудрость в знании леса и его жизни вызывают уважение и симпатию. Наконец, пятый, заключительный раздел книги включает небольшие очерки

Перепечатка из журнала "Молодая гвардия", 1969. № 10. С. 277-281.

историко-художественного характера (миниатюры о Пушкине, Некрасове, Тургеневе, Фете, Льве Толстом, обширный очерк о воображаемом авторе "Слова о полку Игореве") и воспоминания о писателях-свременниках, с которыми автор встречался и бывал на охоте, - о Пришвине, Новикове-Прибое, Правдухине...

Такое построение предопределило исключительную цельность и стройность книги. Ее однотемье не наскучивает, проявляясь всякий раз все в новых и новых картинах, никогда не повторяющихся пейзажах, в разнообразии встреч с интересными людьми. Каждый из разделов возникает в книге Ник. Смирнова закономерно. Так, совсем не случайно то, что выбор в повести о художнике пал именно на Левитана. Еще бы! Именно то, чем всю жизнь пленился сам автор, стремясь воплотить увиденное в слове, Левитан переносил на холст, воспевая среднерусскую природу. И когда на страницах своего повествования Ник. Смирнов показывает творческий процесс, приводящий Левитана к созданию ныне знаменитых полотен, когда он разворачивает перед читателем тонкие, проникновенные пейзажи, веришь, что именно так видел природу и сам Левитан.

Как и в любом художественном произведении, в повести "Золотой Плес" не все равнозначно. Любовно, тщательно и достоверно выписан быт старинного волжского городка, его достопримечательности, вплоть до старинной церкви, поразившей Левитана: "Серая лесенка с решетчатыми перилами, плюшевая от мха, шатко гнулась, скрипела, звонница, где дремал давно отзучавший колокол, была полна глухопевучего голубиного воркованья. Когда-то высиненная главка лупилась, ржавела, а стены, омытые дождями, насквозь просущенные солнцем, напоминали плотный лосинный мех". Великолепны сцены, показывающие Левитана и его плесских друзей - купца Вьюгина, учителя Альбицкого, знатока леса Ивана Федоровича Фомичева - на охоте. На этих страницах с особой силой раскрывается дар писателя-охотника Ник. Смирнова. Охота на зайцев, вальдшнепов, тетеревов, куропаток, глухарей и т.д. выписана с удивительной яркостью. В повествование незадолго до конца добавлены воспоминания о писателях-свременниках, с которыми автор встречался и бывал на охоте, - о Пришвине, Новикове-Прибое, Правдухине...

метно и очень уместно вплетаются глубоко личные воспоминания самого автора о Плесе, а также воспоминания родных Ник. Смирнова, запомнивших приезд Левитана в их край. В "Золотом Плесе" громко и убедительно "заговорили" и документы, использованные писателем, - высказывания Левитана об искусстве, живописи, природе, пейзаже и т. п.

За исключением повести "Золотой Плес" и раздела, посвященного писателям (особенно воспоминаниям о современниках), книга Ник. Смирнова собрана из коротких ("короче воробышного носа", как сказал бы Чехов) зарисовок и новелл, часто трогательных, всегда живописных, изредка драматичных. Весь второй раздел книги пронизан светлой "печалью воспоминаний", посвящен далеким годам детства и отрочества. Опять-таки судьбы друзей - третьеклассника Сережи Киселева, "русского Робинзона", маленького охотника, а ныне профессора биологии ("Юные Робинзоны") или "книгочия и охотника" Тимофея ("Поклон лесу") воспринимаются в широком, обобщающем контексте вдумчивого, философского и любовного отношения к природе. Это вот единое дыхание, пронизывающее всю книгу, определяет ее "учительную" силу, делает ее целебной, "витаминной" для сегодняшнего читателя.

Знакомясь с охотничими миниатюрами, не устаешь любоваться мастерскими зарисовками жизни природы: "Прозыпаюсь от широкого, будто морского шума: половина неба лиловеет от тучи, половина светится ярчайшей лазурью, и ливень, звучный и прямой, сечет землю золочеными копьеми, стремительно бежит-дымятся по лесному простору. Туча быстро перемещается по небу, сгущается, становится совсем черной и вдруг дробится на части огненным клином: лес оглушается таким перекатно тяжким ударом, от которого мгновенно рушится корабельная нагорная сосна..." ("Радуга"). Автор учит "видеть-слышать" (одноименный рассказ) мельчайшие переливы, оттенки цветов и запахов, все многообразие календаря природы.

Многие из миниатюр обращены в современность ("Осень на велосипеде", "Рыжик полез", "В тереме расписаном" и др.).

Под новеллами мы встречаем разнообразнейшие даты: "Молдарей", "На исходе", "Фомич" написаны еще в 1933 году, другие миниатюры созданы в годы шестидесятые. Это еще раз доказывает непрерывность единой традиции, верность себе художника. Особо хочется отметить в четвертом разделе трогательный и внутренне драматичный рассказ-картинку "Поздние ромашки".

Прекрасен язык книги Ник. Смирнова. Автор знает его от самых "корней", черпает из родников народной речи, а кроме того, обладает большой стилистической культурой. Нетрудно заметить, в чьем русле развиваются его стилистические поиски. Это традиция И.А. Бунина. Особенно в маленьких рассказах заметна эта мелодика, благородство описаний, высокая степень эстетизации мира. Впрочем, бунинская чистая традиция ощущима во всех произведениях "изборника". Так, прогулка Левитана при луне живо перекликается (не повторяя ничего и ничему не подражая) с наблюдениями юного Арсеньева, зачарованного красотой лунной ночи (роман Бунина "Жизнь Арсеньева"). В подавляющем большинстве это движение стиля и плодотворно и оправдано. Лишь изредка автор впадает в некоторую красивость, но такие примеры можно перечислить по пальцам.

Книга прозы Ник. Смирнова явилась хорошим подарком советскому читателю, в том числе и читателю молодому. Одновременно книга эта - закономерное признание заслуг старейшего русского писателя, скромно, но плодотворно работающего вот уже полвека в литературе. Собранные воедино его произведения пробуждают в читателе "чувства добрые", учат любви к родной природе и родной стране.

Н.П. СМИРНОВ И Г.В. АДАМОВИЧ

Любовь к И.А.Бунину Н.П.Смирнов пронес через всю жизнь. Учащимся реального училища он ездил из Кинешмы в Москву, в надежде на случайную встречу с кумиром. В 20-е годы, в критических обзорах текущей литературной жизни, с особой болью писал о выпадах автора "Деревни" и "Господина из Сан-Франциско" против советской власти.¹ И он был услышан - из эмигрантского далека донесся резкий отзыв задетого академика в адрес молодого критика. Однако столь огорчительные обстоятельства состоявшегосянаконец "знакомства" не остудили чувств Н.П.Смирнова.

В послевоенные годы он становится одним из деятельности пропагандистов наследия И.А. Бунина. Публикует произведения последнего русского классика на страницах "Охотничих просторов", пишет статьи о его творчестве, активно участвует в подготовке бунинских томов "Литературного наследства". Собирая бунинские материалы, в "оттепельную пору" вступает в переписку почти со всеми литераторами русского рассеяния, общавшимися с лауреатом Le Prix Nobel. Общепризнанной удачей "Нового мира" в 1969 г. стала публикация писем В.Н.Муромцевой-Буниной к Н.П.Смирнову, подготовленная адресатом.² К сожалению, писем других зарубежных корреспондентов Николай Павлович обнародовать не успел. В последний год жизни свое бесценное эпистолярное собрание он передал московскому писателю-библиофилу В.В.Лаврову, который через десять лет издал книгу ("роман-хронику") о Бунине-эмигранте, написанную в немалой степени на наследованном материале.³

В архиве Смирнова сохранились оставленные по каким-то причинам два письма поэта и критика Георгия Викторовича Адамовича (1892-1972). Отсутствие писем адресата не позволяет назвать точную дату начала знакомства писателей. Но, судя

Публикация, вступительная статья и комментарии О.К.Переверзева

по содержанию письма Адамовича от 20 января 1969 года, прежде они не переписывались. Хотя с творчеством друг друга были знакомы, как показывают письма, давно. Николай Павлович с молодых лет знал поэзию Г.Адамовича. Помнил забытое самим автором раннее стихотворение поэта, памятное ему, думается, в немалой степени трогающей душу охотника строчкой: "Дымится свежий лес и вальдшнепы летели". Г.Адамович, как выясняется, еще в 1934 году благожелательно отзывался о повести Н.Смирнова "Человек и жена". К началу же переписки знал его бунинские работы и, похоже, относился к ним со вниманием.

Г.В.Адамович привлекал Н.П.Смирнова прежде всего как многолетний (эмигрировал в 1923 году), достоверный свидетель эмигрантского бытия любимого писателя. Не могли не интересовать его и литературные оценки корреспондента, которого скupой на похвалу Бунин считал умнейшим критиком русского зарубежья. Письма показывают, что знакомство Н.П.Смирнова с Адамовичем было обоюдоценным для обоих.

Я в Ницце приблизительно на месяц, т.е. до 20 февр(аля).
Но мой парижский адрес
(7, rue Fréd Bastiat, Paris 8-e)
действителен всегда, где бы я ни был.⁴

4 avenue Emilia
chez Madam
Heyligars
Nice
20 янв(аря) 1969.

Глубокоуважаемый Николай Павлович.
Благодарю Вас за письмо. Спасибо за добрый отзыв о моих книгах. Кстати, Вы вспомнили стихотворение, которое я совершенно забыл, очень давнее ("...пахнет камфорой").⁵ Что-то смутно припоминаю, но до крайности смутно. А "архива" у меня нет и никогда не было.

Вы спрашиваете, что наше литературное зарубежье готовит к 100-летию Бунина. В данное время не готовит еще ничего. Уверен, что никакого сборника его памяти не будет. В лучшем случае будет две-три статьи в газетах и вечер с двумя-тремя речами. Здесь ведь постоянно все идет к концу, ничего удивительного в этом нет. Удивительно скорей то, что "Русь" здесь так долго держалась. Сверстники Бунина все на том свете. Издателей нет, да если бы и были, за выпуск сборника они едва ли взялись бы. Кто в сборнике участвовал бы? С Борисом Зайцевым⁶ и с Зуровым⁷ положение сложнее, чем Вы, вероятно, предполагаете, по разным в обоих случаях причинам. Остальные или мало Бунина знали, или уже поделились тем, что помнят (Г. Кузнецова)⁸. Лично я обещал дать воспоминания в "Лит. наследство", первую часть их отоспал месяца три назад, конец напишу и отошлю в феврале. Правду сказать, у меня нет уверенности, что эти мои записки в "Л(итературном) н(аследстве)" появятся, хотя мои отношения с редакцией безупречно корректны⁹. Оттого нет большой охоты и писать. Туда же я отоспал фотокопии с двадцати (и даже больше) бунинских писем¹⁰. Знаю, что после долгих блужданий они дошли. Разумеется, я отобрал те письма, в которых не было ни слова неприемлемого. Другие остались у меня. Тот же расчет руководит мной и в воспоминаниях, и, надеюсь, Вы это легко поймете.

О намерениях Шведской Академии я ничего не слышал и не знаю. Сомневаюсь, чтобы какие-нибудь "намерения" в Стокгольме были. В свое время, лет 5-8 назад, они издали том, посвященный Бунину (в числе всех других Нобелевских лауреатов), по-французски и, кажется, по-английски. Там была моя большая статья и переводы некоторых вещей Бунина¹¹. Видели Вы эту книгу? Должен Вам сказать, что большого интереса к Б(унину) на Западе нет. Есть холодноватое признание, ничего другого, и сам Б(унин) это чувствовал. Очень, очень жаль, что он не дожил до широко увлечения его книгами в России. Но все же, при всей моей любви к Б(унину), я никак не могу согласиться с Вами, что он в - "в

одном ряду с Пушкиным и Толстым". Думаю, что он и сам на этот ряд не претендовал, хотя цену себе знал. К Толстому у него был какой-то страх, я не раз в разговорах с ним это замечал (как боялся Толстого и Чехов).

Крепко жму руку, шлю лучшие пожелания и искренний привет.

Георгий Адамович¹².

Paris 8-e
R, rue Fréd Bastiat
12 мая 1969

Дорогой Николай Павлович.

Вы начали Ваше письмо (от 4 апреля) с указания на "недопустимость" опоздания с ответом на мое. Я теперь должен был начать с того же. Причин особых нет, "так" - если воспользоваться объяснением, приводившим в ярость покойную Зинаиду Гиппиус¹³. (Так? Что значит "так"?). По-своему она была права, но без "так" с нашей руки не обойдешься.

Вы довольно много пишете о Бунине. Я довольно много мог бы Вам ответить, кое-чем дополнить, но едва ли стоит делать это. "Так!" В частности о Зайцеве. Дело это - т.е. скора их - менее всего "семейное", как Вы считаете. Зайцев, по-видимому, хотел перед смертью И(вана) А(лексеевича) помириться с ним. Но тот не допускал и мысли об этом. Все это для - "будущего историка", и по-моему лет через 50, не раньше, как и многое другое. Кстати, я послал с месяц тому назад в "Лит. наследство" окончание воспоминаний о Бунине и получил извещение, что они дошли. Там я говорю вскользь то же самое: "о многом еще не время писать". Но это преимущественно касается дел именно семейных.

Почему я - по Вашему предположению - должен "удивляться", что Вы любите К. Леонтьева¹⁴? Это - замечательный писатель, я его тоже люблю, как мало кого другого. Статья его о Толстом ("Ан(ализ), стиль и в(еяние)")¹⁵ - до сих пор едва ли не самая проницательная, что о Т(олстом) как о художнике, написано. Но только как художнике. В остальном, т.е. в

том, чем Т(олстой) был помимо художника, Леонтьев не понял ничего. И не мог понять. Но в романах его ("Египетский голубь")¹⁶ есть необыкновенные страницы.

Чья рецензия во "Встречах"¹⁷ о повести "Человек и жена"? Если подписьана "А.", то, вероятно, моя.¹⁸ Я только название повести помню, что она произвела на меня хорошее впечатление. Но книжки у меня нет, и "Встреч" нет. При моей бродячей жизни я ничего не храню и растерял очень многое, о потере чего теперь жалею. Вот письма Бунина каким-то чудом уцелели, но, конечно, не все. Ну, вот — кажется, на сегодня все.

Крепко жму руку, шлю сердечный привет.

Георгий Адамович.

¹ [Рец.] Евгений Замятин. На куличках, Птг., 1923 // "Известия", 1923, 25 окт.; Солнце мертвых: Заметки об эмигрантской литературе // Кр. новь, 1924, № 3, с. 250 - 267; На том берегу: Заметки об эмигрантской литературе // Нов. мир, 1926, № 6, с. 141 - 150.

² Новый мир. 1969. № 3. С. 209-230.

³ Лавров В. Холодная осень. - М., 1989. Автор явно переусердствовал в придании произведению "занимательности". Справедливая, на наш взгляд, оценка романа дана в рецензии А.К. Бабореко "Осенняя клюква" // Новый мир. 1990. № 1. С. 263-268.

⁴ Г.В. Адамович жил в Париже, но зимой ежегодно приезжал в обжитую поколениями русской интеллигенции Ниццу ("уездный русский город Ницца" Н. Добролюбов).

5

Болезнь

В столовой бьют часы. И пахнет камфорой,
И к утру у висков еще яснее зелень.
Как странно вспомнить, что прошлою весной
Дымился свежий лес и вальдшнепы летели.

Как глухо бьют часы. Пора нагреть вино
И поднести к губам дрожащий край стакана.
А разлучиться всем на свете суждено,
И всем ведь кажется, что беспощадно рано.

Уже не плакала и не звала она,
И только в тишине задумчиво глядела
На утренний туман, и в кресле у окна
Такое серое и гибнувшее тело.

1916г.

(Георгий Адамович. Чистилище. Стихи. Кн. вторая. - Пб., 1922. С. 61).

⁶ Зайцев Борис Константинович (1881-1972), русский писатель, с 1922 г. в эмиграции. Воспоминания о Бунине вошли в его книгу "Далекое". Вашингтон. 1965.

⁷ О Зурове см. примечание № 1 на с.136.

⁸ О Кузнецовой см. примечание № 7 на с.136.

⁹ Предчувствия не обманули мемуариста, его воспоминания в бунинских томах "Литературного наследства" (Т. 84. Кн. I, II. — М.,1973) не появились. Опубликованы через 15 лет: Адамович Г.В. Бунин. Воспоминания. Публ. А.Бабореко // Знамя. 1988. № 4. С. 178 - 191.

¹⁰ Опубликованы в "Лит. наследстве" не были.

¹¹ Статья Г.Адамовича "Жизнь и творчество Ивана Бунина" была напечатана на французском языке в серии La Collection des Prix Nobel de la litterature. Paris. Editions Rombaldi. 1960-1968. (Сообщено Е.К.Дейч).

¹² На конверте письма имеется отметка рукой Н.П.Смирнова: "От(тели) 4.4.69".

¹³ Гиппиус Зинаида Николаевна (псевдоним Антон Крайний и др.) (1869-1945), поэтесса, критик. Жена Д.С.Мережковского.

¹⁴ Леонтьев Константин Николаевич (1831-1891), писатель, дипломат, философ. Несколько лет жил в Оптиной пустыни, где встречался с Л.Н.Толстым.

¹⁵ Леонтьев К. О романах гр. Л.Н.Толстого. Анализ, стиль, веяние. (Критический этюд). Писано в Оптиной пустыни в 1890г. - М., 1911.

¹⁶ Леонтьев Египетский голубь. Неоконченная повесть //Русский вестник. 1881. Кн. 8-10; 1882.Кн. 1.

То же. Леонтьев К.Н. Египетский голубь. - М., 1991.

¹⁷ Встречи. Ежемесячный журнал под ред. Г. В. Адамовича и М. Л. Кантора. Париж. Издавался в 1934 году, №№ 1-6.

¹⁸ "Советская пастораль. Он и она, такие же как были тысячу лет тому назад, и лишь наряженные в комсомольский костюм. Бледновато и довольно поверхностно, но на фоне рядовой "литиродукции" выделяется все-таки непосредственной свежестью чувства и простотой замысла. Прекрасные описания природы, откровенно "под Бунина" и даже со ссылками на него".

А. Из новейшей советской литературы.. Н.Смирнов "Человек и жена" // Встречи. 1934. № 4. С. 186. (Сообщил С.И.Субботин).

***

Публикатор приносит благодарность З.П.Смирновой за предоставленную возможность работы с материалами архива Н.П.Смирнова.

Л.А.Шлычков

ГАЗЕТА "РУССКИЕ НОВОСТИ" И ЕЕ АВТОРЫ

В 1945-1970-х годах в Париже издавалась еженедельная русскоязычная газета "Русские новости". О ней вскользь упоминается в книге Глеба Струве "Русская литература в изгнании". Автор сообщает даже о том, что в газете в качестве литературного критика некоторое время сотрудничал Г.В. Адамович. Но затем снижает интерес к изданию, объявляя газету "просоветской", "проводящей свою линию завуалированно и осторожно".¹ Оценка эта, на наш взгляд, не распространяется на газету в начальном периоде ее существования, и в целом издание не лишено интереса с различных точек зрения.

Как известно, Отечественная война поколебала взгляд на советскую Россию в среде соотечественников за границей. Редактор крупнейшей эмигрантской довоенной газеты "Последние новости" П.Н. Милюков, например, в статье "Правда о большевизме", написанной им в 1943 году, отмечал положительные сдвиги на Родине и призывал соотечественников за рубежом пересмотреть отношение к новой России.²

"Русские новости" стали издаваться в атмосфере "советского патриотизма" в эмигрантской среде в качестве преемницы "Последних новостей" (прекративших свое существование с приходом немцев в 1940г оду). Издавала ее группа сотрудников старой редакции во главе с человеком близким к Милюкову - А.Ф. Ступницким. При этом состав сотрудников был самым разнообразным по политическим взглядам, включая правых (например, В. Е. Татаринов, член редакции бывшей берлинской газеты "Руль").³

В первом номере газеты (вышел 18 мая 1945 года) редакция опубликовала программу, в которой объявляла о том, что в своей деятельности будет "стремиться к самому полному

осведомлению сограждан за рубежом о всех сторонах советской действительности, способствовать психологической связи с Родиной, помочь становлению на позицию, которую занимает "национальная власть". Инициаторы издания намеревались также "защищать демократические принципы, которые являются устоями современного общества, тех гражданских свобод, которые провозглашены и в Советской Конституции 1936 года".⁴

В газете началась полемика о принципах отношений с советской властью. В ней участвовали прямо или косвенно – редакция, В.А. Маклаков (бывший посол Временного правительства во Франции), Г.В. Адамович, Н.А. Бердяев и др. Бердяев в статье "Власть прошлого и грядущее" писал, явно обращаясь к Москве: "Прошлое и грядущее должны сомкнуться вечно ценном, непреходящем. Диктатура политическая и экономическая иногда необходимы. Но что никогда не оправдано, так это диктатура духовная и интеллектуальная, диктатура над мыслью и верой".⁵

Таким образом "просоветскость" "Русских новостей" была искренней и в той обстановке имевшей сочувствие в эмигрантском сообществе. Редакция исходила из осознания единения советского народа, победившего в грозной войне, полагая, что единение продлится и далее и что в этой атмосфере начнут в полной мере "работать" приемлемые в целом положения Конституции страны.

На это надеялись, надо полагать, многочисленные авторы газеты, среди которых были известные деятели эмиграции. Здесь печатал свои статьи о судьбе русского народа, сути власти и свободы упоминавшийся уже философ Н.Бердяев, на ее страницах нередко появляются материалы известных публицистов Е.Кусковой, С.Оболенского, историка К.Грюнвальда, юриста А.Михельсона, естествоиспытателя Г.Давидова и др. В первые годы существования газеты в ней печаталось немало литераторов. На ее страницах появилось несколько рассказов, стихотворений и интервью И.А. Бунина, печатались рассказы А.Ремизова, юморески Н.Тэффи, рассказы и очерки Н.Рощина. Нередко встречаются на ее страницах в это время стихи

Ю.Терапиано, Г.Раевского, П.Ставрова, Довида Кнута и других поэтов. Большое количество публикаций в газете начального периода существования принадлежит Г.Адамовичу. Преимущественно это статьи о русской литературе, ее проблемах, авторах. При этом критик обращается к творчеству писателей старшего поколения (Блок, Бунин, Есенин, Ремизов), пишет о литературной молодежи за рубежом, представленной в различных сборниках и альманахах, разбирает творчество писателей советской России (Ал.Толстой, А.Фадеев, А.Твардовский, К.Симонов).

Между тем из СССР пришло известие о "Постановлении ЦК ВКПб "О журналах "Звезда" и "Ленинград". За ним последовала целая серия погромных идеологических мероприятий 1946-48 годов. Одновременно заграница узнавала о новых беззакониях правления Сталина. Стало ясно, что Конституция 1936 года остается фикцией.

В этой атмосфере часть авторов "Русских новостей" покидает газету. А оставшиеся сотрудники, не обращая внимания на внутриполитическую обстановку в СССР, продолжают проводить прежний курс, объясняя это тем, что не хотят руководствоваться идеей "спасения России с помощью иностранцев", которую, как полагала редакция, проводили "руководящие круги эмиграции".⁶

С этого времени круг авторов газеты сужается, исчезает жанровое многообразие материалов на ее страницах. В то же время редакция отказывается от полемики в эмигрантской среде, и вопросы политики начинают излагаться языком советских газет.

Некоторый подъем в газете наступает во времена хрущевской оттепели, чему она обязана была материалам, которые стали поступать из СССР.

Еще в 1940-х годах газета перепечатывала художественные произведения разных авторов из советских изданий. На ее страницах появлялись тогда рассказы М.Шолохова, Льва Никулина, С.Бородина, Л.Соболева, Б.Ласкина. Еще шире это стало практиковаться с 1950-х годов. Теперь здесь нередко перепечатываются произведения К.Паустовского, В.Некрасова,

Вл.Лидина, В.Астафьева, Ю.Яковлева, Вл.Солоухина, А.Проханова, В.Шукшина. Присылают в "Русские новости" свои материалы эмигранты, возвратившиеся на родину: писатели А.Ладинский, Н.Рощин, Ю.Софиеев, историк Кнорринг и др. В это же время начинает активно печататься и целая группа советских авторов. Среди них наиболее активны литературовед А.Храбровицкий, писатель А.Кременской, журналист Макс Поляновский, П.Вайнштейн, В.Чехарин. Это московские авторы. Но в газету пишут и из провинции: В.Антонов из Львова, А.Покатилов из Астрахани, В.Быстров из Ростова-на-Дону и др. Они освещают культурную жизнь страны, отмечают памятные даты, публикуют путевые очерки, присылают материалы из личных архивов.

Самым заметным автором "Русских новостей", писавшим из СССР, был Н.П.Смирнов.

В 1958 году в Париже издается книга В.Н.Муромцевой-Буниной "Жизнь Бунина". Смирнов пишет автору письмо и вскоре получает ответ и экземпляр книги с автографом. Завязывается переписка, длившаяся до кончины Буниной. В начале переписка касалась лишь личности и творчества покойного классика. Но постепенно возникает тема творчества самого Смирнова. Он посыпает в Париж главы своей повести "Золотой Плес", публиковавшейся в альманахе "Охотничьи просторы". Вера Николаевна шлет в ответ восторженный отзыв и сообщает об аналогичном впечатлении от повести писателя А.Ф.Зурова⁷. По-видимому, ощущив интерес к своему творчеству в эмигрантском Париже, Смирнов ищет выхода к более широкому кругу читателей за границей и находит его на страницах "Русских новостей".

За девять лет сотрудничества в газете (1961-1970) Смирнов опубликовал в ней более 130 материалов. Он писал обзоры культурной жизни Москвы, очерки-путешествия по Волге и Оке, о памятниках Ленинграда и его окрестностей, много его статей в "Русских новостях" о классиках русской литературы и современных писателях, публиковавшихся в связи с памятными датами (Л.Толстой, И.Тургенев, А.Григорьев, А.К.Толстой, Е.Чириков, Вячеслав Иванов, М.Пришвин,

К.Паустовский), печатается полемическая статья о времени создания "Слова о полку Игореве", неоднократно писал Смирнов о любимом Рахманинове, о Камерном театре. Множество разнообразных материалов опубликовано Смирновым в "Русских новостях" о Бунине и его творчестве. Это и обзоры литературы о писателе, и на тему "Бунин в советской критике", и собственные литературоведческие работы, и статьи мемуарного характера — пересказы воспоминаний людей, близко знавших Бунина (Н.Рощина, Н.Пушечникова). Здесь же он опубликовал ряд фрагментов из своего дневника (об А.Коонен, А.Таирове, С.Есенине, В.Маяковском, Н.Зарудине, Б.Пастернаке). В "Русских новостях" Смирнов печатает также то, что невозможно было опубликовать в те годы в советской прессе: рецензии на книги эмигрантских издательств, критический разбор романа Набокова "Лолита", статью о В.В.Розанове и др.

Основную же массу публикаций Смирнова в "Русских новостях" составляет его художественная проза. Это чаще всего короткие рассказы-воспоминания, в которых описывается безмятежное дореволюционное детство в уютном родительском доме в маленьком городке на Волге, таинства охоты и девственная природа. Ностальгические ноты, пронизывающие произведения Смирнова, были созвучны зарубежному читателю-эмигранту, и рассказы пользовались неизменным успехом. Вот что пишет, например, сотрудник "Русских новостей" А.Савченко в письме к Смирнову, излагая мнение редактора: "Ему вполне понравилось ваше "Русское лето" — и по этим маленьким рассказам, можно надеяться, что и другие Ваши очерки могут иметь у нас (тоскующих по Родине) полный успех".⁸ Сам Савченко, что видно из другого его письма, с нетерпением ждет от Смирнова его рассказов, опубликованных в альманахе "Охотничьи просторы" и добавляет: "Это должно быть интересно не только мне, но и многим моим друзьям, часто вспоминающим охоту "доброго старого времени" на Родине".⁹ А вот оценка рассказов Смирнова из противоположного лагеря эмиграции. Сотрудник газеты "Русская мысль" А.Сионский пишет: "Ваше здоровье, дорогой земляк. Ваша

страдная жизнь нас всех очень беспокоит. Нет Ваших статей в "Русских новостях", которые многие любили и лишь из-за этого покупали эту газету, которую здесь, в Париже, прозвали "Парижская правда".¹⁰

Отмечая заметную роль Смирнова в газете, редакция помещает несколько материалов о самом писателе и его творчестве. По случаю его 70-летия было опубликовано приветствие редакции, а также обширная статья "Художник, натуралист, охотник", написанная А.Кременским¹¹. Рецензию на книгу Смирнова "Золотой Плес", являющуюся итогом его послевоенного творчества, напечатал в газете литератор из Таллина Ю.Шумаков¹². О книге "Осень" (в серии "Охотничьи времена года") писал журналист "Русских новостей" А.Дедов. В ней автор утверждал, что очерки и рассказы Смирнова "неизменно привлекают простотою, легкостью и изяществом языка. В них живет русский лес, даже русский быт, в них - русский дух, и поэтому книгу читаешь, как слушаешь рассказ о далекой, всегда дорогой родине".¹³ Закончил свои публикации в "Русских новостях" Смирнов в № 1276 статьей "О Вл. Соловьеве (К 70-летию его смерти)". Вскоре газета прекратила свое существование. Последним был, по-видимому, № 1288 (13 нояб. 1970 г.).¹⁴

Выступая в качестве наследницы "Последних новостей", газета "Русские новости" повторяет ее форму (обычно 8 полос малого формата), внутренне расположение материалов и даже название некоторых рубрик. На первых полосах ее обычно давались политические новости в форме пересказа советских и зарубежных газет, далее располагались разнообразные литературные материалы, на последних полосах — хроника культурной жизни русского Парижа и различные объявления.

Не все ясно с редактором издания. Струве называет им А.Ф. Ступницкого. Но он скончался в 1951 году¹⁵. Есть сведения, что с № 605 (1957г.) по № 1287 (1970г.) им был М. Бисноватый¹⁶. Однако из переписки Н.П. Смирнова с редакцией и его дневников видно, что в 1960-е годы редактором был Е.В. Ратнер¹⁷.

Газету 1950-60-х годов обделяло отсутствие в ней остро публицистических статей, полное отсутствие на ее страницах

стихотворных текстов, мизерное количество фотографий. Но в целом материалы подавались на хорошем уровне, ибо костяк авторов состоял из оставшихся верными газете до конца старых опытных сотрудников, пришедших в журналистику из разных сфер деятельности.

Материалы газеты группировались в рубрики: "Вести с Родины", "За неделю" (в СССР и в мире), "Литература и искусство", "В русском Париже", "На парижских экранах", "По выставкам", "Русский театр", "Церковная жизнь", "Хроника дискофилы", "Балетные заметки". Наиболее солидные по объему материалы давались в газете в рубриках, посвященных книге: "Новые книги", "Книжная полка", "Possica". В них выступают почти все сотрудники, рецензируя и пересказывая как западные, так и советские издания. Обычно это книги близкие авторам по их первоначальной специальности. Один лишь А. Дедов работает исключительно на эту рубрику, обращаясь с равным успехом к книгам по истории, литературе, дипломатии, театру и т.д. Принимает участие в рубрике упоминавшийся уже историк К.Грюнвальд. Еще он пишет популярные статьи на темы русской истории, о театре, рецензии на книги по своей специальности и даже на поэтические сборники.

Целая группа авторов пишет на театральные темы: это Гр.Хмара, режиссер, артист театра и кино; О. Кожевникова, актриса; К.Константинов, актер и импресарио. Музыкальные темы освещает профессор русской консерватории им. Рахманинова в Париже Г.Гришин, а также С.Трофимов. Много и на различные темы писал в газете Е.Хохлов.

Не забывала газета важную для эмиграции тему чистоты русского языка. Об этом часто писал А.Бурнашев. Нередки были статьи о народном русском искусстве, принадлежавшие перу Н.Эренбург-Маннати. Встречаются также материалы о начале русского книгопечатания, присылавшиеся из Польши Пантелеимоном Юрьевым. Множество в газете очерков, рассказывающих об интересных уголках Франции и самого Парижа, под которыми стоит подпись "Дессоназ". Хроникально представлены в "Русских новостях" темы "Советское кино в

"Париже" и "Советский спорт в Париже". Первую освещала К.Грундт, а вторую А. Красовский.

В газете зафиксированы события франко-советских связей, освещается жизнь русских эмигрантских организаций, коллективов и отдельных деятелей культуры. Имеются также многочисленные отклики на спектакли не только русских, но и французских драматических трупп. Очень полно зафиксированы и часто пространно прорецензированы балетные постановки в театрах столицы Франции, чemu газета обязана А.Шайкевичу.

Многие из сотрудников газеты последних десятилетий начинали свою деятельность еще до революции в России, где были свидетелями исторических событий, общались с выдающимися людьми. Их воспоминания - ценнейшие материалы на страницах "Русских новостей". Гр.Хмара был некогда артистом МХАТа. Он вспоминает о В.Ф.Комиссаржевской, о Ф.И.Шаляпине на съемках фильма "Дон-Кихот", об А.Блоке в Художественном театре, о встречах с Бунином. Актер К.Константинов вспоминает о начале русской эстрады. Музыкант И.Корвин-Хорватский пишет о Шаляпине на чужбине. А. Красовский, ветеран русского и украинского спорта, о первой русской Олимпиаде и первых русских чемпионатах тяжелоатлетах. Сюда же следует отнести обширные воспоминания художника М.Ф.Ларионова о Дягилеве, опубликованные знакомым художника А.Шайкевичем и т. д.

Имеются в газете некрологи, юбилейные статьи и прочие материалы, из которых можно извлечь биографические сведения о ряде русских эмигрантов-парижан, в том числе и о некоторых сотрудниках газеты.

Часто рекламируется в газете продукция русских книжных магазинов в Париже, из чего можно узнать о том, что читали в эмиграции во времена существования "Русских новостей".

В итоге можно утверждать, что в газете "Русские новости" на всем протяжении ее существования работали квалифицированные журналисты и сотрудничали способные, а порой и талантливые авторы. И вне зависимости от направления

газеты в ней публиковались ценные материалы по русской истории и культуре, культурному быту русского Парижа, театральной жизни французской столицы. На ее страницах "затеряны" художественные произведения разных авторов, впервые там напечатанные.

¹ Струве Г. Русская литература в изгнании. — Нью-Йорк: Изд. имени Чехова, 1956. С.383.

² Лавров В. Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции(1920-1953). - М.: Мол. гвардия, 1989.С.319.

³ Струве Г.... С.383.

⁴ От редакции // Русские новости. 1945. №1 (18 мая). С. 1.

⁵ Бердяев Н. Власть прошлого и грядущее // Русские новости. 1945. № 10 (20 июля). С.1-2.

⁶ Покушения на эмиграцию // Русские новости. 1948. № 177 (22 окт.). С.1.

⁷ Письма В.Н.Буниной. (Публ. Н.П. Смирнова) // Новый мир. 1969. № 3. С.212.

⁸ Письмо А.Савченко к Н.П. Смирнову от 6 августа 1961г. (Хранится у З.П. Смирновой).

⁹ То же, от 21 сент. 1962 г. (Хранится у З. П.Смирновой).

¹⁰ Письмо А.Сионского к Н.П.Смирнову от 6 марта 1966г. (Хранится у З.П.Смирновой).

¹¹ Кременской А. Художник, натуралист, охотник (К 70-летию со дня рождения Н.П.Смирнова) //Русские новости. 1968. № 1168 (16 марта). С. 5.

¹² Шумаков Ю. Глазами охотника // Русские новости. 1969. № 1244 (21 нояб.). С. 2.

¹³ Дедов А. Рассказы об охоте // Русские новости. 1967. № 1135 (17 марта). С. 5.

¹⁴ № 1288 "Русских новостей" - последний в комплекте газет, имеющихся в Российской государственной библиотеке.

¹⁵ Струве Г.... С. 383. Перечень авторов.

¹⁶ Сводный каталог русских зарубежных периодических изданий в библиотеках - С.- Петербурга (1917-1992). - Спб., 1993. С.112.

¹⁷ Письмо А.Савченко к Н.П.Смирнову от 23 июня 1961г. (Хранится у З.П.Смирновой).

Л.А. Шлычков

**Н.П. СМИРНОВ В АЛЬМАНАХЕ
"ОХОТНИЧЬИ ПРОСТОРЫ" И ЖУРНАЛЕ
"ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО"**

Творческое наследие писателя Н.П.Смирнова обширно и разнообразно. Лишь часть его собрана в книгах, прочее разбросано по страницам периодической печати, сборников и альманахов 1910-х - нач. 30-х и 1940-х - 1970-х годов. В послевоенный период творчества писатель наиболее активно печатался в русскоязычной парижской газете "Русские новости", в альманахе "Охотничьи просторы" и журнале "Охота и охотничье хозяйство". Сотрудничеству писателя в двух последних изданиях и посвящена настоящая работа.

Широко известный ныне альманах "Охотничьи просторы" явился продолжением трех сборников "Очерков об охоте и наблюдений на охоте"¹. В первом из них, составленном Л.С.Ларским и вышедшем в издательстве "Физкультура и спорт" в 1950 году под общей редакцией проф. С.И.Огнева, Н.П.Смирнов является лишь автором очерка. Но уже второй сборник составлен им совместно с писателем Е.Н.Пермитиным. И уже в единственном числе Смирновым составлены 4 - 8 и 10 - 12 книги альманаха. С 4 по 35 номер (1954 - 1978) писатель входит также в его редакционную коллегию, причем с 13 по 27 номер в качестве заместителя редактора.

Главным редактором издания до начала 70-х годов являлся Е.Н.Пермитин. Ему Смирнов в своих воспоминаниях отдает пальму первенства в организации и ведении альманаха.² Но, по-видимому, это не вполне соответствует действительности. Редакция альманаха, например, в приветствии Н.П.Смирнову по поводу 75-летия писала о том, что "он был подлинной его душой, неутомимо работавшим над его совершенствованием."³ В биографической же справке Смирнова, опубликованной в

возобновленном первом номере альманаха за 1994 год, утверждается более категорично: "И пусть не будет ни у кого сомнений - литературно-художественный отечественный дух альманаха "Охотничьи просторы" с самого начала его основания создавал и поднимал, конечно, Николай Павлович Смирнов"⁴.

Не вдаваясь в дальнейшие подробности степени участия писателей в альманахе, согласимся с тем, что они были ведущими его сотрудниками и несли огромную нагрузку по изданию. Здесь важнее отметить то, что писатели были знакомы еще с начала 30-х годов, оба имели опыт составления сборников произведений об охоте и имели единый взгляд на охоту и охотничью литературу, что видно из их совместных статей.⁵

Через пять лет после выхода в свет сборника, обозначенного позднее как первый номер альманаха, в 1955 году, начинает издаваться журнал Министерства сельского хозяйства СССР "Охота и охотничье хозяйство". Он адресовался специалистам и освещал практические вопросы отрасли. Но в нем с самого начал было введен литературный раздел, для руководства которым в редколлегию был приглашен Е.Н.Пермитин. Вместе с Пермитиным в качестве активного сотрудника и автора в журнал пришел и Н.П. Смирнов. Таким образом, практическое руководство "Охотничими просторами" и литературным отделом журнала оказалось в одних руках, что позволило проводить в них единую редакторскую политику. И если "Охотничьи просторы" были солидным по объему изданием и в нем могли публиковаться крупные вещи, то в "Охоте и охотничьем хозяйстве" могла печататься и "мелочь", и такие неожиданные формы вроде юбилейных статей, рецензий, библиографических обзоров, интервью. Таким образом, издания дополняли друг друга и давали возможность активным авторам проявляться творчески разносторонне.

Н.П.Смирнов должен был много сил отдать изданиям в качестве редактора. Но эта его работа скрыта в архивах и говорить о ней пока можно лишь по фрагменту в воспоминаниях писателя. Говоря о совместной с Пермитиным работе,

он пишет: "Без ложной скромности могу засвидетельствовать, что редактируя совместно с Ефимом Николаевичем "Охотничьи просторы", мы открыли немало писательских имен, прочно оставшихся в литературе. Стоит назвать хотя бы Ю.Казакова, Л.Фомина, горьковчанина А.Красильникова, свердловчан И.Акимова, О.Волкова, В.Архангельского, А.Ливеровского, Н.Сладкова и др."⁶

Ставясь с альманахом и журналом в эпицентр охотничьей жизни страны в атмосфере нарастающей год от года в обществе экологической тревоги, Н.П. Смирнов должен был прежде всего обосновать свое пристрастие к жестокому виду спорта. И он это делает в ряде публикаций, в том числе совместных с Е.Н. Пермитиным. Писатель видит в охоте школу мужества, смелости и выносливости. Охота для него неотделима от природы, которая относится к числу непреходящих эстетических категорий. "Охотник, — цитирует он своих предшественников из "Журнала охоты", — наблюдатель и исследователь, берущий от избыток природы столько, сколько нужно для удовлетворения радости созерцания и пытливой деятельности". "Охота, продолжает писатель, — это поэзия, романтика, сказка. Она не ожесточает, доказательством тому натюрморт в искусстве. Убийство же в охоте облагораживается и искупается страстью. В литературе охота — это материал для самостоятельного жанра. При этом писатель-охотник не изображает процесс ее сам по себе, уклоняется от его жестокой стороны и берет лишь материал для общений — философских, патриотических и научно-фантастических." Писатель дает и примеры этих разновидностей охотничьей литературы.⁷

Исходя из общего взгляда на охоту и охотничью литературу, писатель строит свою работу в изданиях. Сборники, предшествовавшие альманаху, составлялись из очерковых произведений современных авторов. Но уже собственно альманах (с 4 кн.) становится художественным по содержанию, а с 6 кн. в нем появляются научно-публицистические статьи и стихи, и он начинает знакомить читателей с творчеством лучших писателей-охотников прошлого. Как следствие, на

страницах издания появляются произведения А.В-ва, Е.Пракудина-Горского, Н.Фокина, Н.Н.Толстого, публикующиеся с предисловиями Н.П.Смирнова, который и был инициатором введения в альманахе рубрики "Охотник-библиофил". В рубрике перепечатываются произведения на тему охоты и более близких по времени авторов: И.Бунина, А.Куприна, А.Н.Толстого, Э.Багрицкого и др. В многочисленных обзорах охоты в жизни и творчестве классиков русской литературы и искусства Смирнов публикует серию очерков, сводя их в цикл "Певцы родной природы". Он также пишет обзоры русской охотничьей литературы 19-20 веков, прослеживает охотничью тему в средневековом искусстве, обращаясь по этому поводу к "Слову о полку Игореве", летописям, фрескам киевской Софии. Наконец, в альманахе начинают публиковаться прозаические произведения об охоте и природе западных писателей, помещаются обширные подборки стихов западных поэтов на эту тему. Во всем этом заметно определенное стремление, предвещавшее в будущем появление антологии охотничьей литературы. К сожалению, с уходом из альманаха Е.Н.Пермитина (1971г.) и Н.П.Смирнова (1978г.), он вновь превращается в сборник произведений об охоте современных авторов. И отчетливо наметившаяся тенденция не получила развития.

Занимаясь организаторской и редакторской работой в альманахе и в журнале, Н.П.Смирнов широко использует их возможности и как автор. И надо отметить, что ни в каких других изданиях в послевоенные годы он не проявлялся в этом качестве столь разносторонне. В "Охотничьих просторах" он опубликовал самое крупное свое произведение — повесть "Золотой Плес". В альманахе и журнале неоднократно появлялись циклы его рассказов и очерков, в альманахе опубликована его научная работа под названием "Охотничий язык как разновидность народной речи". В журнале часто появляются его рецензии на новые книги об охоте и природе, а также разнообразные статьи, говорящие о сущности охоты и ее влиянии на литературу. Здесь же он опубликовал несколько мемуарных работ. Наконец, только в этих изданиях,

за редчайшим исключением, печатал писатель в послевоенный период свои стихи.

Читатель Н.П.Смирнова не может не отметить его пристрастия к изображению картин детства, охоты, быта родного дома и стремлению к краткости. Это порождает вопрос о жанровом своеобразии произведений писателя. В ряде публикаций в журнале и альманахе автор, по-видимому, озабоченный этим вопросом, дает определение своим работам. Чаще всего это "рассказы-воспоминания", иногда "маленькие рассказы", "маленькая повесть", "маленькая поэма". Здесь же мы обнаруживаем склонность писателя к циклам, два из которых "Певцы родной природы" и "Любимые птицы" публикуются в изданиях.

Особо необходимо говорить о Смирнове как поэте по произведениям, представленным в альманахе и журнале. Литературоведам Н.П.Смирнов известен в качестве стихотворца, активно печатавшегося в ивановских и кинешемских изданиях 1920-х годов. Считалось, что в позднее время он не обращался к поэтическому творчеству.⁸ Лишь в последние годы, с открытием доступа к архиву писателя, выяснилось, что в нем имеются многочисленные рукописи (более 150) стихотворений, написанных в послевоенные годы. Однако бытовало мнение, что писатель творил стихи для себя, не предназначая их для печати. Обратившись же к нашим изданиям, видим, что в них опубликовано в общей сложности 37 оригинальных и 2 переводных (с украинского) стихотворений писателя. Здесь же мы находим самооценку писателем своего поэтического творчества. В одном из номеров журнала, предупредив публикацию цикла своих стихов, писатель говорит о том, что начал писать стихи в 1915 году, что много писал их в начале 1920-х годов, когда работал в Иваново-Вознесенске, что оставил их, переехав в Москву, где "целиком отдался прозе". Пишет он и о технологии своего поэтического творчества и дает ему самооценку в следующих словах: "Оценивая свои стихи как критик, - а это моя вторая литературная ипостась, - я могу сказать, что качество их среднее, но некоторые из них, как мне кажется, все же достойны печати". В этой

же публикации писатель раскрывает псевдонимы, под которыми печатался как поэт: "Н.Никольский" - в первый период творчества и "Сергей Вьюгин" - во второй.⁹

Псевдоним "Сергей Вьюгин" он использует и в журнале, и в альманахе, подписывая им свои стихи. Следует добавить, что он использует этот псевдоним, подписывая материалы, посвященные творчеству И.Бунина, о котором часто пишет на страницах изданий. Можно с большой долей уверенности говорить, что писатель пользуется здесь еще одним псевдонимом - "Библиофил". А когда в номере помещается несколько его материалов, то он использует криптоним "Н.С.", а однажды вовсе оставляет материал без подписи.

Альманах и журнал стали местом общения писателя с широким кругом литераторов. Общение это происходит как очно, так и заочно. На их страницах публикуются воспоминания Смирнова об охоте с А.Новиковым-Прибоем на мордовских озерах, о Е.Пермитине, А.Формозове, Дм.Зуеве и др. Непосредственно он мог общаться с публиковавшимися в изданиях К.Паустовским, М.Пришвиным, В.Бианки, Вл.Лидиным, Остапом Вишней, И.Соколовым-Микитовым, М.Рыльским, Ю.Нагибиным, Е.Евтушенко, К.Ваншенкиным, К.Кулиевым, М.Лисянским и др. Здесь же он помещает ряд развернутых рецензий на произведения близких ему по духу писателей: В.Солоухина, Е.Пермитина, К.Паустовского.

Здесь же, в одном из юбилейных развернутых интервью с писателем, мы находим неизвестные до того факты его творческой биографии, а также оценку его главного послевоенного труда - книги "Золотой Плес", которую он не считал итоговой. Имеется там и указание на любимые его собственные произведения. Наконец, в этих же изданиях мы находим наметки обобщенного взгляда на творчество Н.П.Смирнова в одной из юбилейных статей. Статья эта принадлежит В.Чехарину, который говорит о Смирнове-писателе как об "ученике И.Бунина, последователе М.Пришвина, имеющего кое в чем сходство с И.Соколовым-Микитовым и К.Паустовским. Он - исследователь и эссеист, - утверждает Чехарин, - новеллист и критик. Но главное, он охотник-романтик, неустанный

искатель цветущего папоротника и синей птицы".

¹ Альманах "Охотничьи просторы" выходил в 1950 - 1991 гг. Возобновлен в 1994 г.

² Смирнов Н. Друг и охотник // Охота и охотничье хозяйство. 1975. № 1. С. 36.

³ Н.П. Смирнову 75 лет // Охотничьи просторы. 1974. Кн. 31. С. 38.

⁴ Справка о Н.П. Смирнове // Охотничьи просторы. 1994. Кн. 1. С. 14.

⁵ Охота и охотничье хозяйство. 1957. № 12. С. 56 - 59; 1962. № 9. С. 53 - 54; 1964. № 5. С. 47 - 48; 1965 № 1. С. 51 - 52; № 10. С. 52 - 53; № 11. С. 30 - 32; 1968. № 2. С. 34 - 36.

⁶ Смирнова З.П. Автографы заговорили. Настоящее издание. С. 77.

⁷ Охотничьи просторы. Кн. 5. С. 3; Кн. 9. С. 303.

⁸ Охота и охотничье хозяйство. 1968. № 2. С. 34 — 36.

⁹ Дм. Семеновский и поэты его круга. - Л.: Сов. писатель, 1989. С. 334.

¹⁰ Смирнов Н.П. О природе и охоте // Охота и охотничье хозяйство. 1969. № 11. С.35.

Л.А. Шлычков

ПЛЕС - ПАРИЖ

На протяжении 1960-х годов имена Плес и Париж часто соприкасались между собой. Упоминание Плеса встречалось тогда в письмах парижан - русских эмигрантов первой волны, его можно было часто встретить напечатанным в русскоязычной парижской газете "Русские новости"...

Сблизил же Плес с Парижем уроженец волжского городка, писатель Н.П.Смирнов. Все началось в 1912 году, когда юноша Смирнов прочел первые произведения И.А.Бунина и стал страстным почитателем его таланта.

В 1920-х годах Н.П.Смирнов сам становится профессиональным литератором, переезжает на жительство в Москву, где сотрудничает сначала в газете "Известия", а затем в журнале "Новый мир". При этом он много пишет, в том числе и как критик. В разных изданиях (в "Известиях", "Новом мире", "Красной нови") появляются его статьи об эмигрантской литературе. При этом нельзя было обойти имени Бунина, жившего к тому времени уже в Париже. Н.П.Смирнов писал позднее по этому поводу: "Восхищаясь художественностью его (И.А.Бунина - Л.Ш.) творений, не мог не критиковать его политических позиций. Это очень сердило Бунина, и однажды он с большой резкостью ответил мне в берлинской (кадетской) газете "Руль".¹

Отношения Н.П.Смирнова с Парижем намечались и по другой линии, авторской. Его книга прозы "Человек и жена" была замечена эмигрантской критикой, о ней писал Г.Адамович в обзоре советской литературы в 1934 году в парижском журнале "Встречи".²

В том же 1934 году Смирнов оказался в ссылке, затем прогремела война. В 1953 году не стало Бунина. А вскоре тира-

жи его книг в СССР стали стремительно расти, Н.П.Смирнов пристально следит за этим процессом, собирает разнообразные материалы, относящиеся к жизни творчеству любимого писателя, часто выступает с этой темой в печати.

В 1958 году выходит в Париже в свет книга жены покойного классика - В.Н.Муромцевой-Буниной - "Жизнь Бунина". Смирнов пишет ей письмо и вскоре получает ответ и экземпляр книги с автографом. Завязывается переписка, продолжавшаяся до самой кончины Веры Николаевны в 1961 году. В основном она посвящена творчеству И.А.Бунина, но постепенно внимание распространяется на работы самого Н.П.Смирнова и на Плес.

Вот несколько фрагментов из писем Веры Николаевны:

31.1.59 г. - "Спасибо за "Охотничьи просторы". Жду их. Жду и "Золотой Плес".³

8.4.59 г. - "Жду с нетерпением продолжения Вашего "Золотого Плеса". Ваше описание Плеса меня восхитило, и я очень жалею, что там не бывала, Я только побывала в нем, читая Вашу весть. Но вижу: и природу и людей".⁴

7.12.59 г. - "Леонид Федорович (Зуров — Л.Ш.) ... с наслаждением читал Вашу весть и говорил мне, что Вы вложили в нее много души и сердца. Ценит он в Вас чувство к природе. Любовался фотографиями, присланными Вами, как бы побывал в Ваших местах".⁵

14.1.61 г. - "Какое у Вас было прекрасное детство, юность, да и теперь вы можете наезжать в материнский дом, в свою природу. Мы здесь всего этого лишены".⁶

По-видимому, хороший прием повести "Золотой Плес" и других рассказов Смирнова Верой Николаевной и Зуровым был одной из причин приведших его в парижскую русскоязычную газету "Русские новости" в качестве автора. Влекло и другое. С газетой был некогда связан И.А.Бунин. В кабинете Н.П.Смирнова на самом видном месте висела фотография знаменитого писателя, запечатленного сидящим за редакторским столом в газете "Последние новости", предшественнице "Русских новостей".

Н.П.Смирнов начал печататься в "Русских новостях" в 1961 году. К тому времени это было явно просоветское издание. В ней давалась хроника политической жизни СССР, освещались официальные юбилеи и празднества. Однако в области культуры, которой издание уделяло большое внимание, была свобода выбора тем. Здесь можно было говорить о том, о чем замалчивалось в печати Союза, вспоминать имена, которые не принято было упоминать на родине.

Смирнов появился на страницах "Русских новостей" в качестве "нашего корреспондента", опубликовав обзор музыкальной жизни Москвы. И очень скоро становится одним из самых плодовитых авторов газеты. Он пишет о русских писателях, художниках, философах прошлого, вспоминает о друзьях-литераторах 20-30-х годов, о театре того времени, отмечает капитальные издания по литературе, искусству и истории на родине, пишет рецензии на книги, выходившие в эмигрантских изданиях.

Но, пожалуй, наибольшим успехом пользовались у читателей "Русских новостей" многочисленные рассказы и очерки Смирнова, в которых он описывал среднерусскую природу, охоту, безмятежное детство в уютном родительском доме в маленьком городке на берегу Волги и традиционные русские праздники в "том" ушедшем мире. Нередко под рассказами вместе с именем автора стояло указание на место создания вещи: "Плес на Верхней Волге". Здесь в Плесе Смирнов ежегодно проводит несколько летних месяцев, здесь же пишутся многие корреспонденции для "Русских новостей".

По-видимому, настроение рассказов Смирнова совпадало с настроением читателей-парижан, с их тоской по прошлому. Не случайно то, что рассказы эти часто публиковались в предпраздничных номерах газеты, когда чувство ностальгии особенно обострено. Материалы Смирнова вызывали столь пристальный интерес среди читателей, что в случаях длительного перерыва в их появлении в газете, в редакции раздавались тревожные звонки читателей, беспокоящихся об авторе.⁷

Можно полагать, что авторство в "Русских новостях" открыло возможность знакомства для Смирнова со многими

литераторами эмигрантского Парижа, среди которых его прежде всего интересовали лица, общавшиеся с И.А. Бунином: Г. Кузнецова, И. Одоевцева, Б. Зайцев, Г. Адамович и др.

С ними начинается переписка. И им Плес дорог еще по "той" жизни, связанной с творчеством Левитана, и он, оказывается, еще "жив", не очень изменился и питает творчество автора, темы и настроения которого желанны для эмигрантов.

Г. Кузнецова, например, пишет Смирнову в письме от 10.1.69 г.: "Благодарю Вас за Ваше письмо из Плеса — от него повеяло на меня незнакомой, но всегда такой желанной Северной Русью, которой мне так и не привелось увидеть".⁸

Еще в 1960 году Л.Зуров вносит правки в журнальный вариант повести "Золотой Плес" в надежде, что они пригодятся тогда, когда работа выйдет отдельной книгой.⁹ В 1969 году книга избранных произведений Смирнова вышла из печати. В ней опубликованы рассказы, эссе, воспоминания и повесть "Золотой Плес", давшая название книге. Книга вскоре попадает в Париж и производит сильное впечатление. Л.Зуров, например, пишет в письме от 10 июля 1969 года: "Сердечное спасибо за подарок. "Золотой Плес" лежит на письменном столе. Поздравляю от всей души" ...¹⁰ А литератор В.Могилевский не только выражает восторг, но и предпринимает попытку издать книгу в Париже на французском языке. Вот его письмо от 21.7.71 г.

"Дорогой Николай Павлович!

Вчера мы получили Ваше письмо, а сегодня Вашу книгу. Я мог ее только перелистать, прочитать смогу только после того, как прочитает моя жена.

Но из того, что я мог заметить, книга очень интересная, и я не удивлюсь, что она была очень быстро раскуплена. Между прочим, тираж в 30 тысяч для Франции колоссален... но, мне кажется, что и для России он не мал: ведь это книга по-своему содержанию не для массового читателя, а для человека более высокой культуры.

Сегодня же напишу переводчику (фамилия его Филиппон), возьму с ним свидание, и мы поговорим, нельзя ли

действительно из многих рассказов выбрать несколько для того, чтобы поместить их в литературном приложении "Фигаро" или каком-нибудь еженедельнике из наиболее культурных. Это будет хорошим вступлением к изданию книги" ...¹¹

Таким образом, имя Плеса было известно в эмигрантских кругах Парижа 1960-х - начала 70-х годов, вошло в культурный обиход этой среды, в нем угадывались черты "той" знакомой России, сохранившейся в недрах России советской, и в какой-то степени примиряющей с ней.

Из Плеса в Париж, как мы видели, шли письма. В Париже можно было увидеть газету "Русские новости" с работами Н.П.Смирнова, написанными в Плесе, героем которых был часто тот же Плес. Но факт этой связи двух городов не стал, к сожалению, в те годы фактом плесской культурной жизни: ни на бытовом, ни на официальном уровне. Не говоря здесь о причинах этого, скажем, что пришло время, когда тема "Плес - Париж" должна быть освоена как факт истории.

¹ Письма В.Н.Буниной. / Публикация Н.П.Смирнова. // Новый мир. 1969. № 3. С. 209.

² Переверзев О.К. Н.П.Смирнов и Г.В.Адамович // Настоящее издание. С. 37.

³ Письма В.Н.Буниной... С.212.
Повесть Н.П.Смирнова была опубликована в кн. 11 (1958) и кн. 12-13 (1959) альманаха "Охотничьи просторы".

⁴ Письма В.Н.Буниной... С. 214.
⁵ Там же. С. 222.

⁶ Там же. С. 228.
⁷ Письмо редактора "Русских новостей" Ратнера Е.В. к Н.П.Смирнову от 25. 11. 68 г. - Воспроизведено в дневнике Н. П. Смирнова. Тетр.2, с. 186. / Архив З.П.Смирновой/.

⁸ Н.П.Смирнов в переписке с русским зарубежьем. / Публикация В.А.Смирнова // Рабочий край. 1994. 17 июня.

⁹ Письмо Л.Зурова к Н.П.Смирнову от 19 июня 1960 г. - Коллекция В.В.Лаврова.

¹⁰ Н.П.Смирнов в переписке с русским зарубежьем./ Публикация В.А.Смирнова// Рабочий край. 1994. 17 июня.

¹¹ Там же.

Л.А. Шлычков

Н.П. СМИРНОВ О СЕРГЕЕ ЕСЕНИНЕ.
К БИБЛИОГРАФИИ ПОЭТА

Материалы по нашей теме попали в библиографию и наиболее полно зафиксированы в указателе "Русские советские писатели. Поэты. Т.8". Некоторые пункты ее повторены в книге П.Ф.Юшина "Сергей Есенин" и в статье А.Н.Захарова "Научная Есениана".¹ Библиография эта не полна и не включает имеющиеся воспоминания Смирнова о Есенине и важные высказывания о творчестве поэта.

Впервые Н.П. Смирнов упоминает имя Есенина в 1919 году в рецензии на книгу А. Марленгофа "Кондитерская солнца", опубликованной в кинешемской газете "Рабочий и крестьянин" (подпись - Н.С.). В рецензии говорится о том, что имажинисты теперь в моде и собирают под свое знамя многих поэтов. И далее: "К ним перешел, например, Сергей Есенин - в недавнем былом хороший, скромный народный поэт, тепло и задушевно воспевший деревню и мужицкий быт, а в настоящем литературный хулиган, разменявший свое дарование на грошевые мелочи".²

Быть может, Смирнов следит за Есениным издавна. Косвенным подтверждением этого может служить и взвешенный взгляд на раннее творчество Есенина в упомянутой рецензии, и книга поэта в библиотеке Смирнова, в которую вклеены тексты отсутствующих в ней стихов, переписанные от руки и в виде вырезок из дореволюционных журналов и газет.³

В бытность свою в "Известиях", Смирнов часто печатает в них литературные обзоры и одновременно активно сотрудничает в журналах "Красная новь" и "Красная нива" в качестве критика, рецензента и очеркаста. Интересно, что в те же годы в этих изданиях часто печатался Есенин. Смирнов встре-

чает поэта в редакциях, наблюдает его на литературных собраниях, вечерах и встречах. Позднее Смирнов сожалел, что не познакомился с поэтом лично, к чему был повод. Однажды Есенин "прислал мне привет и благодарность за высокое упоминание его имени в одной статье (в "Известиях")", - запишет он в дневнике.⁴

Статья эта - обзор "толстых" журналов, опубликованный в августе 1924 года. Смирнов упоминает в ней о тогдашней литературной молодежи, к которой причисляет и Есенина. "Процесс постепенного отмирания, - перехода в творческую окаменелость старой литературы, - говорит он, - и роста литературы молодой - особенно ярко отражается в поэзии... Перелистайте наши журналы. Здесь вместо листопадной кротости увяданий - буйная, хмельная сила весны, благоуханный яблоневый цвет распускающейся жизни. Молодость живет на земле и творит во славу прекрасной радости. Это блестящее выражено в последних стихах своеобразного, шаткого, но лучшего поэта современности - Есенина, посвященных памяти Ширяевца".⁵

В 1926 году в "Заметках об эмигрантской литературе" Смирнов защищает Есенина от нападок Бунина, объясняя их незнанием классиком творчества поэта.⁶ В следующем году Смирнов пишет предисловие к сборнику частушек родины Есенина. При этом содержание книги он соотносит с творчеством поэта, заключая очерк выводом: "Не утверждая положительно, - все же можно полагать, что на них (частушках - Л.Ш.) отразилось влияние есенинских песен, как, наоборот, в творчестве великого поэта чувствуются отзвуки песен, распеваемых "под тальянку" на цветущих приокских лугах".⁷

Имеется высказывание Смирнова о творчестве поэта в период борьбы с так называемой "есенинщиной". В частном письме он замечает: "О Есенине рано судить. Тем более преждевременно осуждать его... Есенин предельно искренен и чрезвычайно талантлив. Это душистый черемуховый куст поэтического слова, и его нельзя не любить. Время очистит и навсегда смоет с него паутину так называемого упадничества. Моло-

дость, свежесть и росистая чистота его поэзии останутся навсегда". Здесь же Смирнов сравнивает Есенина и Бальмонта, отмечая вслед за любимым им Буниным искусственность Бальмонта и заключая словами: "Бальмонт и Есенин несравнимы, как несравнимы бумажный "розан" и наш чудесный русский подснежник".⁸

В двадцатые годы по роду службы в качестве сотрудника "Известий" и "Нового мира", участника литературной группы "Перевал" и члена правления Московского Товарищества писателей Смирнов общается с большим кругом писателей, с некоторыми из них завязываются дружеские отношения. В конце 1950-х и в 1960-х годах Смирнов пишет воспоминания о ряде литераторов, и в них иногда встречаются упоминания о Есенине, высказывания о его творчестве.⁹

Лидия Сейфуллина в воспоминаниях Смирнова сравнивает суть поэзии Маяковского и Есенина и называет любимые его стихи.¹⁰ Однажды Смирнов задавал вопрос Маяковскому об отношении к Есенину. Маяковский ответил: "Есенина я принимаю далеко не целиком, но отношусь к нему как к настоящему поэту, чего не могу сказать о его окружении - Орешину, Клычкову и прочим "самобытникам" (он намеренно произносил эти фамилии с маленькой буквы)". Отмечал также Маяковский у Есенина как наиболее совершенное и сильное "Москву кабацкую".¹¹ В другой раз Смирнов пишет о Маяковском, читающем "Черного человека", при этом присутствует Асеев, высказывающийся о произведении.¹² Имя Есенина в воспоминаниях Смирнова упоминает М.И. Калинин.¹³

Много внимания уделяется Есенину в неопубликованных воспоминаниях Н.П. Смирнова об А.К. Воронском. В них поэт описывается в обстановке редакции "Красной нови", дается его портретная зарисовка и психологическая характеристика, упоминается чтение поэтом стихотворения "Не жалею, не зову, не плачу", говорится об отношении к поэту и его творчеству Воронского и Клычкова.¹⁴

В 1964 году Н.П.Смирнов публикует в парижских "Русских новостях" воспоминания о самом Есенине, составившие 250 строк газетного текста. В них он говорит о прижизненном

отношении читающей публики к поэту, об одном из вечеров в Политехническом музее с участием поэта, повторяет сцену чтения стихов в "Красной нови", пытается объяснить трагедию Есенина и дать ее внешние проявления, дает обзор событий дня похорон поэта.¹⁵ Последняя часть воспоминаний была повторена в газете в следующем году.¹⁶

В 1966 году в тех же "Русских новостях" Смирнов публикует очерк "На родине Есенина", в который вставляет небольшой фрагмент мемуарного характера, где говорит о том, что поэт пользовался при жизни среди литераторов "чуть ли не всеобщей любовью" и что он был поэт "возможно небывалой лирической силы".¹⁷ Позднее Смирнов повторит мемуарную часть очерка в другой публикации.¹⁸ В этой же газете он помещает воспоминания о Б.Пастернаке, в которых замечает параллель в его поэзии и стихах С. Есенина.¹⁹ В следующем упоминании имени Есенина в обзоре советской охотничьей литературы за 50 лет отмечается, что он - "Поэт-лирик неотразимой силы" и выделяются его стихи о животных.²⁰

Наконец, одно из интереснейших обращений Н.П.Смирнова к творчеству Есенина. В его архиве обнаружена неопубликованная обширная статья-обзор советской поэзии за шесть первых лет, в которой большое внимание уделено поэту. "Есенин-поэт, заслуживающий серьезнейшего и вдумчивого внимания, — пишет в ней Смирнов. — Не будет преувеличением отнести его к наиболее талантливым (после Блока) современным русским поэтам".²¹

Таким образом, вновь обнаруженные материалы по нашей теме значительно увеличивают объем написанного Н.П.Смирновым о Сергее Есенине и резко повышают их удельный научный вес.

¹ Русские советские писатели. Поэты: Библиографический указатель. Т.8. - М.: Книга, 1965. С. 108, 127, 137, 167, 171, 204, 212, 213. (Далее - Русские советские писатели); Юшин П.Ф. Сергей Есенин. - Московский университет, 1969. С.456; Захаров А.Н. Научная Есениана: Предварительные итоги. К 100-летию со дня рождения С.А. Есенина// Библиография. 1995. № 1. С.76.

² Н.С. Библиография: Анатолий Мариенгоф. "Кондитерская солнца" (поэма). - Книгоиздательство "Имажинисты" при Всероссийском союзе поэтов, 1919 // Рабочий и крестьянин. (Кинешма), 1919. № 194 (7 сент.).

³ Есенин Сергей. Собрание стихотворений. Т.1. Изд. 3-е. - М., 1927.

На с. 68 вклейка вырезки стих. "Колдунья" из журнала "Весь мир". 1915. № 51.

Между с. 122 и 123 вклейка переписанного от руки стих. "Без шапки с лыковой котомкой", помеченное датой "1911-1912 ?"

Там же. Переписанное от руки стих. "Есть радость под сенью кустов." Пометка: "Газета "Во имя свободы". 1917".

Между с. 138-139 вписано стих. "В темной роще на зеленых елях". Пометка: "Нива". 1918. № 3. Название "Мечта". Из книги "Стихи о любви".

Между с. 294 и 295 вырезка со стих. "Тихий вечер. Вечер синехмурый". Пометка: "Кр. газета", 27- III -26".

⁴ Дневник (Медальоны памяти). Тетр. № 5, лист 80 об. Запись 10.10.1969. (Хранится у З.П.Смирновой).

⁵ Смирнов Ник. Литература и жизнь. (Толстые журналы) // Известия ВЦИК. 1924. № 186 (17 авг.). С.5.

⁶ Смирнов Ник. На том берегу: Заметки об эмигрантской литературе / / Новый мир. 1926. № 6. С. 149. (Русские советские писатели, с. 108).

⁷ Смирнов Ник. Предисловие // Частушки родины Есенина - села Константинова. Собрали Е. и А.Есенины. - М.: Современные проблемы. М.А.Столляр. С. 3-6. (Русские советские писатели, с. 167).

⁸ Григорьева Н.А. На озере Имарка// А.С.Новиков- Прибой в воспоминаниях современников. - М.: Сов. писатель, 1980. С. 475-476.

⁹ Воспоминания опубликованы лишь частично.
¹⁰ Смирнов Н. Из воспоминаний о Лидии Сейфуллиной // Л.Н.Сейфуллина в жизни и творчестве. - Новосибирск, 1957. С. 101.

То же. - Новосибирск, 1958. С. 130.

То же. // Сейфуллина в воспоминаниях современников. - М.: Сов. писатель, 1961. С. 158. (Русские советские писатели, с. 212, 213).

¹¹ Дневник (Медальоны памяти). Тетр. № 1, с. 35. Запись 13.01.1968. (Хранится у З.П.Смирновой).

¹² Смирнов Ник. Первые годы "Нового мира" // Новый мир. 1964. № 7. С. 190. (Русские советские писатели, с. 127).

¹³ Там же. С. 196.
¹⁴ Смирнов Ник. Александр Воронский. Машинопись. С. 15-18. (Хранится у З.П.Смирновой).

Переверзев О.К. С.Есенин и С.Клычков в воспоминаниях Николая Смирнова // Два Сергея. Сборник. - Талдом, 1995. С. 46 -55.

¹⁵ Смирнов Ник. Двадцатые годы. Есенин. (Из записной книжки) // Русские новости. 1964. № 986 (24 апр.). С. 4.

¹⁶ Смирнов Ник. У гроба Есенина: Воспоминания // (Русские новости. 1965. № 1065 (12 нояб.). С. 5.

¹⁷ Смирнов Ник. На родине Есенина: Дорожные записи // Русские

новости. 1966. № 1111 (30 сент.). С. 4.

¹⁸ Смирнов Ник. По Оке к Есенину // Литературная Россия. 1975. № 39 (26 сент.). С. 10. (Русские советские писатели, с. 204).

¹⁹ Смирнов Н.О Пастернак: Размышления и воспоминания. (К 80-летию со дня рождения) // Русские новости. 1970. № 1252 (27 февр.). С. 5. - Начало. То же // Там же. 1970. № 1253 (6 марта). С. 4. - Окончание.

²⁰ Смирнов Н. Охотничья проза и поэзия за 50 лет // Охотничьи просторы. - М.: 1967. Кн.25. С.37, 40, 41. (Русские советские писатели, с. 137).

²¹ Советская поэзия за шесть лет (?) Гранки. Л. 252-264. (Хранятся у З.П.Смирновой).

* * *

Выражаю благодарность за помощь в работе над материалом О.К.Переверзеву.

З.П. Смирнова

АВТОГРАФЫ ЗАГОВОРИЛИ

В библиотеке моего брата Николая Павловича Смирнова сохранилось много книг с автографами, некоторые из них изданы в 20-30 годы. Это было во время, когда Николай Павлович работал секретарем редакции в газете "Известия" и был литературным секретарем журнала "Новый мир". Несмотря на молодость, брат к тому времени отличался энциклопедическими знаниями, имел опыт редактора, обладал тонким художественным вкусом и литературным чутьем. Вместе с тем он был уже известен как опытный журналист, писавший литературно-критические статьи многочисленные рецензии. Все это не могло не привлекать внимания к молодому человеку. К тому же от него как секретаря редакции зависела в какой-то степени возможность напечататься в "толстом" журнале, а их во всей Москве было два: "Новый мир" и "Красная новь". Поэтому у Николая Павловича было много знакомых среди писателей, которые дарили ему свои книги с автографами. С некоторыми же из них у него завязались дружеские отношения.

Здесь прежде всего следует назвать М.Пришвина, А.Новикова-Прибоя, Л.Сейфуллину, В.Правдухина, Е.Пермитина, А.Перегудова, Н.Зарудина, И.Катаева. Всех их связывали и литературные вкусы, и любовь к природе и охоте. В компании Новикова-Прибоя, Сейфуллиной, Правдухина, Перегудова Николай Павлович ездил на охоту как в Подмосковье, так и в более отдаленные места: на Урал и в Мордовию — родину Новикова-Прибоя...

В 1932 году в "Новом мире" появился уже известный, написавший три части "Тихого Дона", М.Шолохов. В своих "Литературных воспоминаниях" Николай Павлович так опишет

этот эпизод: "Тяжесть славы нисколько не отразилась на нем... Он держался с обаятельной непосредственностью и простодушностью как с "начальством", так и с рядовыми сотрудниками, и с большим вниманием прислушивался к тем советам и рекомендациям, которые давались ему редакцией". В "Новом мире" была напечатана первая часть "Поднятой целины" под редакцией брата. В благодарность Шолохов подарил книгу с надписью: "Т.Смирнову. Охотнику от охотника. 28-2-33 г. М.Шолохов".

С.М.Пришвиным Николай Павлович познакомился в 1924 году, когда еще работал в "Известиях". Туда Пришвин принес несколько очерков и, как пишет Николай Павлович в своих воспоминаниях, очень волновался от того, что ему придется пойти к главному редактору, но, узнав, что этого делать не нужно, сразу повеселел, неожиданно разговорился и даже пригласил на охоту. С тех пор их связывала и литературная, и охотничья дружба. Сохранились "Записки охотника" с дарственной надписью: "Николаю Павловичу Смирнову на память совместной работы в "Новом мире" и охотничьих сборниках. М.Пришвин. Москва, 20-1-33 г."

Писатель Л.Кассиль, будучи еще никому не известным, принес в редакцию "Нового мира" рукопись книги "Кондукит и Швамбрания". Николай Павлович дал ей высокую оценку, что открыло произведению дорогу на страницы журнала. С тех пор Кассиль стал много печататься и сделался популярным детским писателем. В библиотеке Николая Павловича имеется книга Кассиля "Маяковский сам", предваряемая авторской надписью: "Николаю Павловичу Смирнову - с искренним уважением и добрыми воспоминаниями о сером доме на Страстной. Лев Кассиль. 6-4-42г."

На протяжении многих лет Николая Павловича связывала дружба с А.Новиковым - Прибоем. А началась она также в "Новом мире". Там была напечатана повесть писателя "Соленая купель". Николай Павлович, вспоминая об этом, пишет: "Отдавая рукопись, он безнадежно махнул рукой: думаю не пойдет, толстые журналы меня не жалуют"...А когда он пришел полу-

чать авторский экземпляр журнала, радость его сквозила во всем... А узнав, что я охотник, бодро потряс мне руку. Значит, обязательно съездим как-нибудь вместе". На книге "Две души" оставлена им такая надпись: "Ярому охотнику Николаю Павловичу Смирнову от охотника А.Новикова-Прибоя. 2-1-28 г. Москва." А знаменитая "Цусима" сохраняет такой автограф: "Дорогому соратнику по перу Николаю Павловичу Смирнову с лучшими чувствами. А.Новиков-Прибой. 23-10-32."

Знакомство с Л.Сейфуллиной и ее мужем В.Правдухиным началось в 1923 году. Николай Павлович опубликовал в журнале "Красная новь" хвалебную рецензию на сборник Л. Сейфуллиной "Повести и рассказы". Он рано рассмотрел то, что "в лице Л.Сейфуллиной советская литература имела дело с крупным и самобытным талантом, свежим, как молодость и чистым, как лесной родник". С тех пор начались их частые встречи и не только в редакции, но и дома. В "Литературных воспоминаниях" Николай Павлович пишет: "Безукоризненная правдивость и принципиальность Лидии Николаевны быстро завоевали ей глубокое уважение в литературных и общественных кругах, и ее московская квартира сделалась "салоном", где собирались представители самых разнообразных и противоположных литературных течений." Среди книг библиотеки Николая Павловича сохраняется и "Перегной" Л.Сейфуллиной с надписью: "Николаю Павловичу Смирнову от его верного друга Л.Сейфуллиной. Москва. 1933 г., 8 января".

С творчеством И.Соколова-Микитова Николай Павлович познакомился в 1923 году, прочитав в журнале "Красная новь", в котором он активно печатался как критик, небольшую новеллу "В лесу". Позднее он познакомился в редакции и с ее автором. Это было начало их многолетней и искренней дружбы, подтверждением которой служит автограф на книге "Детство" следующего содержания: "Дорогой Николай Павлович! Посылаю книгу в знак моего непременного к Вам расположения, дружбы и благодарности. 3 сент. 1931 г. И.Соколов-Микитов."

В добрых отношениях был Николай Павлович и с писателем из Палеха Е.Вихревым. На книге "Освобождение раба"

последний оставил такую надпись: "Николаю Павловичу Смирнову - книголюбу, истинному поэту. Ефим Вихрев. 4-3-34".

На книге А.Малышкина "Февральский снег" такой автограф: "Благожелательным глазам Николая Павловича! А.Малышкин. 31-7-24 г."

С писателем И.Арамилевым Николая Павловича связывала большая охотничья дружба. Он очень ценил его "Охотничьи рассказы". Эта книга тоже сохраняется в библиотеке Николая Павловича. На ней надпись автора: "Николаю Павловичу Смирнову с охотничьим приветом и пожеланиями ни пуха, ни пера. Ив. Арамилев. 14-4-48."

С Дмитрием Семеновским Николай Павлович познакомился в 1919 году в редакции газеты "Рабочий край". Позднее, когда Николай Павлович жил в Иваново-Вознесенске, они около года вместе работали и встречались в частной обстановке. Затем он в течение всей жизни следил за творчеством поэта, никогда не терял с ним связи, и когда тот приезжал в Москву, старался непременно с ним встретиться. Он высоко отзывался о поэзии Семеновского и ценил его человеческие качества. Пейзажные стихи ивановского поэта он сравнивал с картинами любимого им И.Левитана, а иногда и Нестерова. Николай Павлович посвятил творчеству Семеновского несколько статей и написал о нем воспоминания. Очень переживал он смерть поэта-земляка. На книге "Мир хороший", подаренной Николаю Павловичу, Д.Семеновский сделал такую надпись: "Одному из лучших друзей моей музы, дорогому Николаю Павловичу Смирнову с любовью и верой в будущее. Д.Семеновский. 9-4-27г." На другой книге - "Радуга" поэт "продолжает": "Дорогому Николаю Павловичу Смирнову с глубокой благодарностью за хорошую, хотя и ненапечатанную статью. Д.Семеновский. 20-6-49." Одну из статей о Семеновском Николай Павлович заканчивает так: "При воспоминании о Д.Семеновском, этом душевно-целомудренном человеке, все видится тихое и легкое летнее поле, нежная белизна ромашек и прелест голубых васильков - скромная, простая, любимая наша Россия в цветах".

Среди писателей-охотников, с которыми Николай Пав-

лович охотился в Подмосковье, часто бывал и писатель Д.Зуев - природолюб и страстный охотник В "Литературных воспоминаниях" у Николая Павловича есть очерк, посвященный его творчеству, в котором он пишет о Зуеве как об одаренном писателе, умеющем видеть и слышать "благотворную красоту природы, тонко и влюбленно ценившем вечное очарование охоты". На книге Д.Зуева "Времена года" выражены ответные чувства: "Богу моего искусства, прямому продолжателю лите-традиций вечно живых классиков, певцу-бояну русской природы, милому, нежному человеку, стойко сохранившему в строю лет лесную ясность доброй души и охотничью зоркость чуткого, чистого сердца, моему очаровательному другу с благодарностью за товарищеский локоть благосклонного редактора, от почитателя его талантливых книг. Дм. Зуев в примерный день никольских морозов 13 декабря 1957 г."

С писателем Л.Никулиным брат познакомился в 1922 году в "Известиях", где печатался цикл очерков писателя об Афганистане. Николай Павлович отзывался о Никулине всегда с большой симпатией. В воспоминаниях он пишет так: "Человек простой и доброй души, Никулин не был подвержен ни зависти, ни зазнайству. Он встречался с Г.Уэллсом и Р.Тагором, присутствовал на встречах писателей с членами политбюро в квартире М.Горького в 1933 году и никогда "не зазнавался", будучи одинаково ровен, мил и доброжелателен в общении... Характерно, между прочим, что отдав в печать редкую фотографию (Горький, Уэллс и Никулин), Никулин отрезал себя... "А то подумают в "мэтры" лезу, - сказал он смеясь". Получив за свой роман "России верные сыны" Государственную премию, Никулин тоже нисколько не кичился: ему была решительно чужда литературная спесь... Встречаются и, к сожалению, не часто, люди, при виде которых становится как-то легче и теплее на душе. К таким именно людям принадлежал Лев Вениаминович... Вклад Никулина в советскую литературу значителен, в ней сохранится и его патриотический исторический роман "России верные сыны", и его мемуары "Годы нашей жизни". Кроме всего за Никулиным сохраняется еще одна большая заслуга: с его именем неразрывно связано

издание И. Бунина в нашей стране после тридцатилетнего перерыва." Никулин подарил Николаю Павловичу свою работу "Чехов. Бунин. Куприн", сопроводив ее надписью: "Николаю Павловичу, старому и верному почитателю Ивана Бунина. С дружеским и сердечным приветом. Л.Никулин. 1960-8-4."

В библиотеке Николая Павловича много книг Е.Пермитина. В своих мемуарах брат посвятил ему большой и яркий очерк, в котором характеризует его как талантливого, само-бытного писателя и как страстного охотника. В Москву Пермитин приехал из Сибири в самом начале 30-х годов. С братом они встречались в редакциях и у общих знакомых, а иногда ездили в одной компании на охоту. Сдружились они после войны. Особенно их сблизила совместная работа в альманахе "Охотничьи просторы". Николай Павлович вспоминает об этом так: "В последние десять лет мы встречались с Ефимом Николаевичем довольно часто и постоянно поддерживали литературные контакты. Беседовали при встречах о многом, и об охоте, взаимно делясь воспоминаниями и чувствуя себя при этом как бы у непотухающего охотничьего костра, и о родной природе, а больше, страстнее всего - о литературе" ... На книгах "Охотниче сердце" и "Первая любовь" Пермитин написал следующее: "Николаю Павловичу Смирнову - другу охотнику, превосходному писателю. С неизменной любовью. Е.Пермитин. 10-10-62 г.". "Старому добруму другу, талантливому писателю Николаю Павловичу Смирнову. С неизменной любовью. Е.Пермитин. 4-4-67 г."

С талантливыми писателями Н.Зарудиным и И.Катаевым Николая Павловича связывала большая дружба. Совпадало время их литературной молодости, связывали общие литературные интересы. Они были членами литературного объединения "Перевал". В "Литературных воспоминаниях" писателям посвящено по очерку, которые написаны Николаем Павловичем с большой теплотой и любовью. С Н.Зарудиным брата связывала еще и страстная любовь к охоте. В страшные годы сталинского террора Н.Зарудин и И.Катаев были расстреляны, а их жены сосланы в лагеря. После реабилитации писателей, Николай Павлович многое сделал для воскрешения их имен.

В 60-е годы вышло несколько книг репрессированных писателей. В библиотеке Николая Павловича есть некоторые из них с автографами их жен. На книге Н.Зарудина "Закон яблока" такая надпись: "Николаю Павловичу Смирнову в память дорого прошлого. В.Зарудина. 9-10-66 г." А на книге "Воспоминания об Иване Катаеве": "Дорогому Николаю Павловичу, тонкому художнику, рыцарю литературы. Наш общий труд. М.Терентьева. 20-6-70 г."

С ивановским писателем М.Шошиным Николай Павлович познакомился в первые годы своей литературной деятельности, когда работал в кинешемской газете "Рабочий и крестьянин". И уже тогда, будучи очень молодым редактором, Николай Павлович рассмотрел будущего талантливого писателя и благословил его на тяжелый литературный путь. В продолжении всей жизни они оставались друзьями. В архиве Николая Павловича много писем М.Шошина, а на стеллажах - книги с его автографами. На книге "Избранное" он написал: "Дорогому Николаю Павловичу Смирнову, литературному маяку моей молодости, - на добрую память о Кинешме и Волге и в знак искреннего уважения. М. Шошин. 2-4-63. Иваново." А на книге "Незабвенные друзья" написано: "Первому огоньку на моем литературном пути - Николаю Павловичу Смирнову - с глубоким уважением. 3 января 1969 г. М.Шошин. г. Иваново".

Рядом с книгами М. Шошина стоит небольшой поэтический сборник с названием "Дни нашей жизни" с таким автографом: "Николаю Павловичу Смирнову - талантливому советскому писателю и редактору, кинешемцу-земляку, моему чуткому и отзывчивому товарищу, благородной душе и обаятельному человеку - в честь нашего старинного землячества и дружеских взаимоотношений, с чувством моего искреннего и глубокого уважения и признательности. От автора. Павел Кудрявцев. 25 декабря 1960 г."

Николаю Павловичу приходилось писать рецензию на роман А.Югова "Ратоборцы". Рецензируемую книгу он высоко оценил. Позднее он получил в дар роман со следующим автографом: "Николаю Павловичу Смирнову с глубоким уважением за давнее и по сию пору самое лучшее и тонкое определение

этой книги. Алексей Югов. 10-2-1956 г. Москва."

А иногда бывало и так: Николай Павлович напишет рецензию на понравившуюся книгу, и благодарные авторы прсылают ему книгу по почте с автографом. Таким образом он получил книгу "Вокруг Пушкина" с надписью: "Николаю Павловичу Смирнову с уважением и признательностью от авторов. И.Ободовская, М.Дементьев. 3 октября 1976".

В послевоенные годы Николай Павлович много работал в журналистике: писал критические статьи, очерки, рецензии и пр. А в 50-60-е годы редактировал совместно с Е.Пермитиным альманах "Охотничьи просторы". Работал он с большим увлечением и знанием дела. В эти годы у него появились новые друзья. Вспоминая об этом времени, он писал: "Без ложной скромности могу засвидетельствовать, что редактируя совместно с Ефимом Николаевичем "Охотничьи просторы", мы открыли немало писательских имен, прочно оставшихся в литературе, - стоит назвать хотя бы Ю.Казакова, горьковчанина А.Красильникова, свердловчан И.Акимова и Л.Фомина, О.Волкова, А.Архангельского, А.Ливеровского, Н.Сладкова и др. В "Охотничьих просторах" была впервые напечатана повесть самого Николая Павловича "Золотой Плес" и ряд его рассказов, иногда там печатались и его стихи на охотничью тему под псевдонимом "Сергей Вьюгин".

В те годы нашу квартиру посещало множество интереснейших людей: писатели, поэты, критики... В кабинете Николая Павловича обсуждались новые книги, художественные выставки, театральные премьеры. Здесь бывали люди разных взглядов на действительность и искусство, и возникали жаркие дискуссии. Часто бывали Е.Осетров, Н.Банников, тогда работавший в газете "Литературная Россия", в которой брат печатался. Бывали Ю.Казаков, совсем еще молодой О.Михайлов, А.Кременской, поэт О.Колычев. А когда приезжал из Узбекистана писатель С.Бородин, беседы были просто нескончаемы. Приезжали писатели и из других городов. Бывали А.Корнеев из Тулы, А.Красильников из Горького. Многие из них дарили свои книги. Привожу некоторые их автографы: "Николаю Павловичу Смирнову - товарищу по писательству, автору превос-

ходного "Поклона русскому лесу". А.Кременской. 27-ХI-69". Это на книге "Месяцеслов". А вот он же: "Дорогому Николаю Павловичу Смирнову - старшему брату моему во Бунине - с дружбой. А.Кременской, 1964, день Крещения." - На книге "Голова медузы".

В.Белов подарил свои "Плотницкие рассказы" с надписью: "Николаю Павловичу Смирнову - почтительно. 6 июля 1969 в Вологде".

"Брату - по чувству пейзажа, по живописи, по Бунину Николаю Павловичу Смирнову на добрую память. Осип Колычев. 8-5-1958". Это на книге "Закаты и рассветы". Его же: "Николаю Павловичу Смирнову - в знак дружбы и любви. Осип Колычев. 14-9-65". И добавлено: "Очень поэтичен Ваш рассказ "Косачи", только что прочел. О.К." Все на книжке "Музыка цвета".

В литературной судьбе тульского писателя А.Корнеева Николай Павлович принимал самое живое участие, он благословил его на литературное служение. В библиотеке несколько книг с его автографами. Это на книжке "Голубые ночи": "Николаю Павловичу Смирнову - писателю, охотнику, ценителю природы - с благоговением перед Вашим талантом преподношу Вам свой первый скромный труд. Коль неудачен - отругайте. Ваш поклонник А.Корнеев. 8-1-1971." Другой на книге "Высокая Макуша": "Николаю Павловичу Смирнову, благословителю моей литературной судьбы - с благодарностью. Автор А.Корнеев. 30-6-1978".

Одним из частых посетителей у Николая Павловича в последние годы был Олег Михайлов, тогда совсем еще молодой человек, аспирант Московского университета, занимавшийся творчеством И.Бунина. О Бунине они могли разговаривать часами. При этом Николай Павлович цитировал целые страницы рассказов любимого писателя. Михайлов быстро продвигался к вершинам науки и вскоре занял в ней видное место. Свои книги он всегда дарил Николаю Павловичу с автографами: "Первому знатоку Бунина в России - дорогому Николаю Павловичу Смирнову с неизменной любовью. 24-3-77" (книга "Строгий талант"). Дорогому Николаю Павловичу, старшему

товарищу по общему нашему русскому литературному делу. Как всегда, с глубоким уважением. Олег Михайлов. 2-8-74".

С писателем А.Перегудовым Николай Павлович был знаком с конца 20-х годов. В компании Новикова-Прибоя, Правдухина, Сейфуллиной, Ширяева и др. они ездили в Мордовию на охоту. Перегудов прожил большую жизнь. В 60-70-е годы у него выходило много книг. Он жил в Подмосковье, с Николаем Павловичем он переписывался и присыпал свои книги. Одной из последних была книжка "Светлый день" с такой надписью: "Дорогому Николаю Павловичу Смирнову в знак нашей давней, давней и светлой дружбы. А.Перегудов. 18-6-77 г.". Он тяжело переживал смерть брата и рассказ "Девушка с Имарки" в книге "Золотой день осени", вышедшей в 1980г., посвятил памяти Николая Павловича.

Чаще всех, пожалуй, заходил к Николаю Павловичу "на огонек" писатель Е. Осетров, да и жил он ближе всех, в нашем же доме. Как истинный книголюб, он очень ценил библиотеку Николая Павловича, и иногда брал читать редкие книги, которых у него не было. Он много писал, долгие годы был зам. главного редактора журнала "Вопросы литературы". Был он также нашим земляком, так как родился и вырос в Костроме, и оттуда ушел на фронт. Бывал он и в нашем родном Плесе. Как самый близкий Николаю Павловичу литератор, он возглавил комиссию по литературному наследию после смерти брата. Теперь и его нет с нами, но на полках стоят книги с его автографами: "Милому и дорогому Николаю Павловичу Смирнову - поэту нашего родного Плеса. Евгений Осетров. Февраль 1971". ("Живая древняя Русь"). А на книге "Этюды о книгах" - такая надпись: "Николаю Павловичу Смирнову - блестательному человеку, великолепному прозаику - знатоку книги. Июль 1975. Е.О."

В последние годы жизни у Николая Павловича возобновилось знакомство с писателем 20-30-х годов П.Слетовым, последним из "перевальцев". Их встречи и телефонные разговоры были полны воспоминаний. За год до кончины брата у Слетова вышла книжка "Заштатная республика", которую он подарил Николаю Павловичу с такой надписью: "Ровеснику,

другу, соратнику - Николаю Павловичу Смирнову на добрую память от автора. 17 июня 1977 г. П.Слетов".

Довольно частыми гостями в последние годы жизни брата в нашем доме были критики М.Лобанов, В.Петелин, В.Чалмаев. Они иногда пользовались библиотекой Николая Павловича и пополняли ее своими книгами. В. Петелин на книге "Россия любовь моя" написал: "Дорогому Николаю Павловичу Смирнову в день 75-летия с пожеланием долгих лет жизни на благо России. С любовью. В.Петелин, март 73 г." В. Чалмаев свою книгу "Храм Афродиты" подарил с таким автографом: "Николаю Павловичу Смирнову, добросердечному и тонкому художнику родного Плеса, неутомимому радетелю бунинского наследия - необходимейшей, временно изъятой ступени нашего отечественного культурного прогресса. С уважением. В.Чалмаев - 73г."

С писателем Л.Любимовым, прожившим почти четверть века в Париже, Николай Павлович мог беседовать бесконечно. Увлекали мастерские рассказы гостя. Однажды мне посчастливилось быть дома во время посещения Любимова, и этот вечер запомнился мне надолго. Между прочим, он говорил, что его отец Д.Н.Любимов - прототип князя Шеина в рассказе Куприна "Гранатовый браслет". И он подарил несколько книг с автографами: "Глубокоуважаемому Николаю Павловичу Смирнову на добрую память от автора. Л.Любимов. 21-XI-64 г." ("На чужбине"). А на книге "Искусство древней Руси": "Глубокоуважаемому и дорогому Николаю Павловичу Смирнову с сердечным приветом от признательного автора. Л.Любимов. 23-X-74 г."

Среди книг, в основном подаренных писателями, в библиотеке Николая Павловича имеются книги с автографами известных ученых. С академиком Д.С.Лихачевым Николай Павлович был знаком заочно. У них завязалась переписка в ходе поднятой в прессе дискуссии по поводу "Слова о полку Игореве". В результате в библиотеке появились книги ученого с сопроводительными надписями. На одной из них: "Николаю Павловичу Смирнову с новогодним приветом и пожеланием здоровья. Д.Лихачев. 6-1-76 г". Есть в библиотеке две научные книжки друга Николая Павловича по реальному училищу

Бориса Аристарховича Догадкина. Однокашник брата, дружба с которым не прекращалась у него всю жизнь, стал крупным ученым - профессором в области химии, изобретателем искусственного каучука. На книге "Химия и физика каучука" он написал следующее: "Дорогому Николаю Павловичу Смирнову - на добрую память: о Кинешме, Плесе, Реальном, Волге, бунинских разговорах и прочем. От автора." На другой - "Химия эластомеров" - "Николаю - другу-однокашнику. От автора. Б. Догадкин." Среди этих работ и ученые труды дочери Николая Павловича Музы Николаевны Смирновой - профессора Грозненского нефтяного института, проработавшей там многие годы. На учебнике "Основы геологии СССР", написанном ею, автограф: "Дорогому папе от автора. Эта книга издана только потому, что мне досталась крупица твоего таланта, и ты был для меня примером бесконечного служения литературе. Любящая тебя Муза Николаевна Смирнова. 2-7-64 г. Грозный." А это на втором издании книги: "Моему дорогому Отцу - Николаю Павловичу Смирнову с любовью. М.Смирнова. 8-1-72 г."

В библиотеке Николая Павловича хранятся также книги с автографами писателей русского зарубежья. Дело в том, что в 50-е годы брат становился активным корреспондентом парижской газеты для русской эмиграции "Русские новости". Хотя газета и была просоветской, но в ней можно было напечатать то, что в нашей прессе полностью исключалось, например, статьи о Б.Пастернаке, Набокове, Бунине, Таирове и т. д., пасхальные и рождественские рассказы и пр. Эта газета была "отдушиной" и одновременно яркой полосой в последний период жизни Николая Павловича. В качестве автора многочисленных статей в "Русских новостях" Николай Павлович был замечен и приобрел известность в русском зарубежье. В результате завязалась переписка с целым рядом писателей и поэтов. Некоторые из них присыпали книги с автографами. Особенно интенсивной была переписка с В.Н.Буниной, откликнувшейся на статьи о И.А.Бунине, напечатанные в газете Николаем Павловичем. Она писала: "Я почувствовала в Вас человека, который так верно понимает творчество Бунина, что он был бы сам восхищен... Иван Алексеевич был бы доволен, что Вы больше всего цените книгу "Темные аллеи"..."

Среди присланных Верой Николаевной книг одной из первых была "Темные аллеи" с такой надписью: "Дорогому Николаю Павловичу Смирнову. Увы не от автора, который считал эту книгу самой совершенной по мастерству. В.Н.Б." А на книге "О Чехове": "Редкому ценителю Бунина. В пополнение Вашей библиотеки с наилучшими пожеланиями. На добрую память. Спасибо за письмо. В.Бунина. Париж. 17-III-59 г."

Большую переписку вел Николай Павлович с писателями Б.Зайцевым, Л.Зуровым, Ю.Терапиано, С.Прегель, И.Одоевцевой и др. И они присыпали книги с дарственными надписями. Одной из самых дорогих книг, присланных из Парижа, для Николая Павловича была книга воспоминаний Г.Кузнецовой "Грасский дневник". В его "Медальонах памяти" (дневнике) есть такая запись: "Перед самым отъездом из Москвы получил (от А.Сионского) подлинно драгоценный подарок "Грасский дневник" Г.Кузнецовой - вечерней зари И.Бунина"... Книга с автографом: "Николаю Павловичу Смирнову с приветом. Галина Кузнецова. Апрель 1968."

Из множества книг библиотеки брата, снабженных автографами, я старалась отобрать лишь те, с авторами которых у Николая Павловича были дружеские отношения. Каждую из них я брала в руки, перелистывала страницы, читала и перечитывала надписи. И случилось чудо - автографы заговорили! Перед моими глазами одна за другой воскресали картины литературной жизни прошлых лет, участником которой был мой брат Н.П.Смирнов. В продолжении всей работы я чувствовала незримое его присутствие. Я как бы вновь побывала в юности - в 20-30-х годах, испытав неповторимое чувство радости... С тех пор, кажется, прошла целая вечность. Давно ушли из жизни друзья литературной молодости Николая Павловича. В свое время он грустил по этому поводу в своих "Литературных воспоминаниях": "На мысленной перекличке друзей не обнаружилось почти никого, стараюсь утишить тоску поэтической мудростью:

Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию: были..."¹

Нет и Николая Павловича. Замолкли шумные разговоры в его кабинете. Но они живы в моей памяти, которую всколыхнули перечитанные автографы.

¹ В.Жуковский. Воспоминание.

III. ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ Н.П.СМИРНОВА

ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ. ИЗ ПИСЕМ Н.П.СМИРНОВА К ДОЧЕРИ И ВНУЧКЕ

Москва. 17. 6. 54.

Дорогая Муся!

...Я ощущаю почти физическое тяготение в Плес. Нигде больше не могу работать и нигде не нахожу хотя бы временного, хотя бы призрачного душевного успокоения. Работать же надо: из головы никак не выходит небольшая повесть "Вечерняя заря".

Какое же чудесное это место - Плес! Когда я думаю о наших местах и о Волге на закате, о Соборной горе лунной ночью и о полевых дорогах у Леваших и Спасского, - у меня начинает сильно стучать сердце и в глазах идут "золотые круги".

Москва. 31.3.55.

Милая и дорогая Муся!

Поздравляю тебя и Костю с весной и от души желаю здоровья и радости!

... К старости я особенно полюбил музыку - самое совершенное из искусств, я довольно часто хожу в те или иные концертные залы, уходя под звуки Моцарта и Бетховена, Чайковского и Рахманинова (последнего страстно люблю) в мир подлинной и беспримерной красоты. Такая же красота есть в церкви, особенно в ее великолепных службах ("Свежених грядет в полуночи" или "Чертог Твой").

Плес. 21.09.64.

Милая Мариночка!¹

... Музыкой и балетом заниматься, конечно, можно, если есть к этому влечеие и интерес, но еще лучше научиться

любить и понимать музыку (как и живопись и, вообще, как все разновидности искусства).

Но без любви к книге и, в частности, к стихам, жить трудно, и потому от всей души советую тебе: читать, хотя бы понемногу, но каждый день, и, на время чтения, не думать уже ни о чем, кроме того, что написано в книге.

Это не только помогает лучше усваивать написанное, но и тренирует (закаляет и укрепляет) память.

Москва. 26.10.64г.

Дорогая Мариночка!

...Рад, что ты учишься хорошо, но к учебе необходимо добавить самостоятельное чтение, которое даст тебе не только образованность в литературе, но приучит к наблюдательности и к тренировке (закалке) ума. Но читать надо с выбором, не набрасываться на что попало и уделять основное внимание классикам, начиная с Пушкина. Вообще не избегай стихов - они, в частности, прививают чувство музыкальности.

То, что ты учишься музыке - тоже хорошо. Только не ленись и больше слушай хорошие музыкальные передачи по радио и телевидению.

Я тоже очень люблю музыку и нередко бываю на концертах. На днях слушал, например, знаменитого американского дирижера - Лорика Маазеля.

Москва. 11. 8.67.

Дорогие и любимые мои Муся и Мариночка!

... В Мире же так много хорошего, красивого и светлого - имею в виду природу - что уже одно созерцание всего этого дает непередаваемую радость.

Москва. 01.09.67.

Милая и дорогая, любимая моя внучка Мариночка!

Поздравляю тебя с наступлением учебного года и сердечно желаю так же хорошо учиться, как и в прошлом году.

... Советую и прошу также не забывать, что одного учения в школе - недостаточно: надо одновременно всячески разви-

вать себя самообразованием, т.е. больше читать самой, дома, выбирая для чтения, главным образом классиков, начиная с Пушкина и Лермонтова. Чтение хороших книг несравненно ни с чем: оно помогает изучать жизнь и быт прошлого (и настоящего), прививает вкус к красоте, расширяет и углубляет ум и душу, возбуждает мечту о прекрасном, пробуждает самые лучшие чувства (это, конечно, зависит от выбора книг, а выбирать их надо с большой осторожностью).

Москва. 10.4.68.

Милые и дорогие Муся и Мариночка!

Поздравляю Вас с весной, у Вас в Грозном она, наверное, уже поздняя, цветущая, а здесь в Москве еще ранняя - и особенно прелестная: кричат грачи, сохнут дорожки в садах, на бульварах и в парках, охотники собираются на охоту, а первые чайки в облачном синем небе напоминают о первых пароходах на Волге и Оке.

Весна, как и всегда, волнует и тревожит, напоминает молодость, охоту, девичью красоту, теперь уже ставшую для меня предметом искусства, подчеркивает обаяние жизни, чувствуемое - и с особой остротой! - даже в старости. Как всегда нам более остро чувствуется радость уходящего дня - на закате.

Москва. 14.12.69.

Милые и дорогие Муся и Мариночка!

...Лично я мечтаю больше всего о Плесе. Если все будет благополучно, обязательно поеду туда - ведь с ним слиты не только детство-отрочество-юность, но и все, самые дорогие и заветные писания; без Плеса их никогда не было бы. Они навеяны Волгой, Соборной горой, окрестными лесами и полями.

Москва. 06.06.69.

Дорогие мои Муся и Мариночка!

... Книга моя ("Золотой Плес") вышла - завтра пошлю ее в Севастополь. Посмотри ее - кое-что можешь и прочесть: там есть рассказы о детстве и о животных.

Вообще во время каникул не забывай о книгах - читай классиков, прежде всего Пушкина и Гоголя, Л.Толстого и Некрасова, Тургенева и Чехова: все они неисчерпаемый источник мудрости и художественной красоты.

Москва. 07.07.73.

Милые и дорогие Муся и Марионочка!

...Рахманинова я страстно люблю - и в ряде случаев даже больше, чем Чайковского. Он (Рахманинов) - один из самых национальных композиторов, и музыка его (особенно 2-ой концерт, 2-я и 3-я симфонии и другие) пробуждают пронзительное чувство России, которой я очарован с детства.

Плес. 10.08.73.

Дорогие Муся и Марионочка!... Я и сейчас, как и раньше, люблю Плес всем сердцем и всем помышлением своим, люблю его горы и парки, старые дома и "кустодиевские" улицы, тихие сады и заволжские дали.

¹ Трунина Марина Константиновна - внучка Н.П.Смирнова

Ник. Смирнов

ИЗ РАССКАЗОВ О БУНИНЕ

Рассказами о Бунине Н.П.Смирнов продолжает традицию, восходящую к "Рассказам о Пушкине, записанным со слов его друзей П.И.Бартеневым в 1851-1860 годах". Собрание Смирнова, уступая бартеневскому по объему, потребовало, однако, от собирателя труда в несколько десятилетий. Его составили рассказы, записанные со слов двенадцати литераторов, встречавшихся с И.А.Бунином в 1910-1940-х годах. Критерием при отборе рассказов для собирателя являлась прежде всего значимость их содержания. Так он включил лишь один из рассказов М.К.Иорданской и тот - только для иллюстрации их незначительности.

Авторская публикация в зарубежной печати двух фрагментов - рассказы Н.А.Пушешникова и Н.Я.Рошина (См. наст. изд.), дает основание отнести работу над "Рассказами" к 1960-м годам. Прерывание изложения без какого-либо авторского послесловия, а также отсутствие среди рассказчиков А.П.Ладинского - писателя из бунинского эмигрантского окружения, который после возвращения на родину входил в число знакомых Н.П.Смирнова, позволяет сделать предположение, что "Из рассказов о Бунине" не является законченным произведением. Публикуется без купюр, по машинописи из личного архива З.П.Смирновой.

Н.С. Ашукин¹ всегда говорил о Бунине с глубоким уважением и восхищением:

- Это не только неповторимый писатель, но и последний аристократ - в самом лучшем смысле, конечно. С его внутренним аристократизмом гармонировала и сама его внешность: он был чуть выше среднего роста, очень стройный, очень ловкий и легкий в движениях. Фотографии, между

Публикация, предисловие и комментарии О.К.Переверзева

прочим, не дают полного представления о тонкости и благородстве его лица.

***

С аристократическим обликом Бунина как-то не вязалось его пристрастие к самым "крепким" русским словам. Однажды, за пасхальным столом, он, например, бурно поспорил с Шмелевым².

- У Вас, Иван Алексеевич, только мастерство, а у нас - естество, - горячился Шмелев.

Бунин, в конце концов, вскипел и ударил кулаком по столу:

- А, идите вы к ... с вашим естеством...

Нетрудно представить смущение и замешательство литературных дам и девиц, сидевших за этим праздничным столом.

***

Неприязнь к декадентам, символистам и прочим литературным "новаторам" проявлялась иногда у Бунина с большой резкостью.

Выступая однажды на литературно-художественном вечере (в Политехническом музее) после Мережковского³ и А.Белого⁴, Бунин прочитал свое стихотворение "Архистратиг средневековый", так варьируя одну из строк⁵:

"Богоискатели, гнусавые поэты"...

На вечере Любови Столицы⁶ он сказал по поводу ее стихов:

- А столица-то была недалеко от села...

***

В одном из разговоров с Брюсовым⁷, доказывавшим "многогранность и универсализм" поэзии, Бунин спросил его:

- Что ж, по-вашему, поэт должен и сальные свечи есть? Подлинно-с: должен и сальные свечи есть, - ответил со своей официально-подчеркнутой манерой Брюсов.

- Ну, и ешьте их на здоровье, а я до этого дела не охотник ...

* * *

По словам Бунина, которые я слышал от него не раз:
- Писатель должен быть плотоядным.

***

- Никогда не забуду как однажды вечером, в Рождественский сочельник, Бунин заехал ко мне... Увидев у меня на столе "Петербург"⁸ А. Белого, Иван Алексеевич подкинул его в руке и сказал с по истине сокрушительной иронией:

- Вот уж, действительно - "писали, не гуляли"...

***

- Он был очень остроумен, и в остроумии его постоянно чувствовалось изящество и легкость.

Как-то он сидел по-соседству с нами, на одном из вечеров в "Среде"⁹, и смотрел на нас - меня, Мешкова¹⁰ и нескольких дам - то с обожанием, то с восторгом, то с ненавистью ... Когда я спросил, - что его так волнует, Бунин ответил:

- Мешков, своей бородой и расширенной щелковой рубашкой похож на Распутина¹¹, и я стараюсь выразить те чувства, которые испытывают женщины в присутствии этого феномена...

Между прочим, у Бунина были несомненные актерские данные...

...Впрочем, иногда ирония Бунина была очень острой. На другом вечере, в той же "Среде", уже после революции, Бунин имел большую пикировку с Маяковским, обезоруживая его неудачными цитатами из его ранних стихов.

... Прочитав однажды начало повести одного из знаменных тогдашних писателей: "Сибирь - большая" ... - Бунин добавил в тон:

- Да и дурак-то, кажется, не маленький...

Прослушав как-то рассказ своего друга Н.Д. Телешова¹², Бунин сказал:

- Хорошо - молодо ... зелено ...

***

Удивительная и трогательная была его любовь к старшему брату - Юлию Алексеевичу¹³.

Иван Алексеевич считал, что он целиком обязан брату и развитием своего таланта, и образованием, и "самоопределением" в жизни. Живя в Москве, Иван Алексеевич встречался с Юлием Алексеевичем каждый день. На своем двадцатилетнем юбилее он с признательностью поцеловал руку у старшего брата. В литературных кругах даже ходила эпиграмма:

Иван Бунин знаменит -

За ним Юлий семенит"...

Между прочим, после февраля 1917 г. Иван Алексеевич не раз спрашивал Ю.А. - старого революционера-народника:

- Юлий, когда же студенты перестанут носить винтовки и ездить на автомобилях?

Иван Алексеевич с крайней чувствительностью любил все проявления жизни, в частности - хорошее вино и красивых женщин. Одно время у него был роман с поэтессой Адой Негри, и он посвятил ей одно из своих самых сильных эротических стихотворений. Это стихотворение не напечатано, - я видел его на титуле книги, подаренной Иван Алексеевич этой экзальтированной поэтессе.

... Он много (и со вкусом) курил - и папиросы, и "самокрутки", предпочитая тонкий и душистый египетский табак.

II

В молодости В.П. Катаев¹⁵, как он сам пишет об этом в одном из вариантов своей "автобиографии", был усердным и добросовестным учеником Бунина. Он встречался с Буниным в Одессе в 1912-15 и в 1919-20 гг.

Вспоминая о Бунине во время встреч со мной в 20-30-х гг., Катаев неизменно оживлялся и становился как-то по-гимназически молод и восторжен.

- Бунин для меня - как отец родной, - говорил Катаев. - С ним соединены и мои первые литературные опыты, и все лучшие молодые чувства. Он читал каждое мое стихотворение, каждый рассказ, заботливо правил их и давал незабы-

ваемые по точности и ясности советы. Но когда Бунин прочитал мой рассказ "Сэр Генри и черт", он вздохнул с сожалением:

- Вы, Валя, уходите от меня к Андрееву¹⁶.

***

Однажды, во время ночной прогулки в степи, Иван Алексеевич спросил меня: "Как-бы вы описали эту степную ночь?" Я, конечно, наговорил целую кучу подробностей, - и то, и се, и пятое, и десятое, но Иван Алексеевич перебил меня:

- Прежде всего, избегайте многословия и старайтесь добавить в самом сжатом виде характерную и осязательную картину. Чтобы описать эту ночь, по-моему, вполне достаточно отметить теплоту и легкость воздуха, полосу лунного света на море и дальнее ржание лошади в степи...

***

Стихотворение "Памяти друга" (Чехова) рождалось на моих глазах, - мы, помню - долго гуляли по берегу моря, наслаждаясь удивительно ясным предосенним днем.. Между прочим, строка "шел гимназист в сандалиях..." - относится ко мне¹⁷.

***

Бунин недолюбливал Блока¹⁸, - это были люди разных литературных направлений, - но по прочтении "Двенадцати", он сказал с большой горечью:

- И это - Блок, этот Рыцарь Прекрасной Дамы, этот последний трубадур на нашей грешной Земле!

***

В личной жизни он был исключительно мнителен - мнительность его была беспредельна, - и несколько скровит. Как-то мы с ним ели яичницу с одной сковородки, проведя по середине твердую "разграничительную черту", и Иван Алексеевич, хотя и в шутку, неоднократно предупреждал:

- Держитесь, Валя, своих пределов... не стремитесь к захватам.

***

Увидев у меня (в редакции "Нового мира") бунинский сборник "Солнечный удар"¹⁹ и прочитав первые строки: "... пароход с волжским щегольством подплывал к пристани..." - Катаев горячо воскликнул:

- С волжским щегольством... Великий, неувядаемый писатель!

По возвращении из Франции (кажется в 1932 или 1933 году) Катаев рассказывал:

- Видеть Ивана Алексеевича, к сожалению, мне не пришлось. Мы с ним как-то все разъезжались - он - в столицу, я - в "провинцию", я - в Париж, он - к себе, в Приморские Альпы.²⁰ Но, судя по рассказам, он в своих бытовых привычках остался прежним и, прежде всего, мнительным до чрезвычайности... Стоит у него заболеть пальцу - и он уже несется из Канн к парижскому врачу...

***

Когда Бунин получил Нобелевскую премию²¹, Катаев, помнится, был искренне рад. Он говорил:

- Действительно, если уж кто из русских писателей достоин Нобелевской премии, дающей право на всемирное признание, - это, в первую очередь, Бунин!

***

Бунин, видимо, до конца сохранил добрые чувства к своему старому и добросовестному литературному ученику. Н.Я.Рощин²² однажды (в 1955 году), показывая мне одно из писем Ивана Алексеевича, обратил внимание на приписку: "Привет милому Катаеву"...

***

В 1947 году Бунин прислал Катаеву отдельное издание "Лики"²³ с надписью:

- Вале Катаеву от академика с золотым пером²⁴.

О "Лике" Катаев отзывался (при встрече со мной в 1954 г.) так:

- Это на ту же тему, что "Вертер" Гете²⁵, но - выше...

Однако, Катаев, не дооценил "Темные аллеи"²⁶.

***

О рассказе Катаева "Золотое перо"²⁷ Бунин говорил:

- Надо бы, конечно, обидеться, но как написал, как написал, сукин сын!

III

Среди людей старшего (а иногда и молодого) поколения сохранилось немало искренних, восторженных и глубоких любителей блестящего творчества Бунина.

Переводчик Д. Бродский²⁸, - подлинная ходячая "литературная энциклопедия", - знает наизусть не только поэмы Бунина ("Листопад", "Веснянка", "В Венеции" и т.д.), но и некоторые рассказы. Любовь его к неподражаемому бунинскому слову поистине безгранична.

***

Как и Катаев, Бродский встречал Бунина в Одессе (в пореволюционные годы), но лично как-будто не был знаком с ним. В частности, Бродский передавал, будто Бунин "лютой ненавистью ненавидел Багрицкого"²⁹. Насколько это верно - сказать трудно: Бродский говорил это в пору своей остройшей вражды с Багрицким. С другой стороны, от Багрицкого мне пришло слышать:

- Бунин косился на меня за то, что я однажды, на литературном собрании, критиковал его, и добавил даже:

- Мы заставим вас, Иван Алексеевич, подчиняться товарищеской дисциплине.

***

Бродский уверял, что ряд персонажей бунинских рассказов "списан с натуры".

- Помните, в "Казимире Станиславиче" "полного господина", который, разбушевавшись в публичном доме, кричит, что его знает "вся мыслящая Россия"? Ведь это никто иной, как наш замечательный писатель А.Н.Толстой³⁰.

- А герой "Легкого дыхания" - пятидесятишестилетний помещик с двойной бородой, первый "возлюбленный" гимна-

зистки Оли Мещерской - это Н.Г. Гарин-Михайловский...³¹

* * *

Бесспорно также, что в образе героя "Иды" (композитора) описан Глазунов³², а в рассказе "Визитные карточки" - Н.Телешов. Несомненные намеки на Брюсова имеются в чудеснейшей новелле "Генрих". В той же новелле одна из героинь - Надя - тоже, видимо, взята из жизни: по-моему, это рано умершая поэтесса Н.Львова (некролог о ней, написанный А.Ахматовой, помещен в "Русской мысли", год... №...³³).

IV

Н.Г.Шклляр³⁴, напечатавшийся однажды, благодаря Бунину, в "Слове"³⁵, вспоминал об этом с благоговением. И, хотя он всячески подчеркивал свою якобы близость с Буниным, близости этой, по точным данным, не было. Во всяком случае, рассказы Шклляра о Бунине обычно не представляли существенного интереса. Среди них мне запомнились лишь те, в которых отразились крайняя "вспыльчивость", крайняя неуравновешенность Бунина.

* * *

В одну из поездок, в вагоне, Бунин резко поспорил с соседом по купе - кадровым офицером. Началось с каких-то пустяков, - обычные вагонные мелочи, - а кончилось взаимными оскорблениеми, перечислением всяческих титулов, связей и имен... Вспылив, Бунин бросился на офицера со стеклом. Из разняли. Офицер официально вызвал Бунина на дуэль. Потом "врагов" как-то помирили.

* * *

Весенней ночью, 1918 года, во время прогулки по Москве, у Бунина вышла ожесточенная перепалка с одним подвыпившим дворником. Спорщики взялись "за грудки", затем дворник, замкнув дверь, стал грозить Бунину через стекло. Бунин с бешенством налетел на дверь, но она не поддалась. "Мы несколько раз отзывали Ивана Алексеевича, - добавлял Шклляр, - но он опять возвращался и начинал трясти дверь и переругиваться с дворником. Чуть ли не вся прогулка и заключалась в

этом"...

V

Вскоре после смерти Есенина³⁶ (видимо в январе 1926 года) мне пришлось, чуть ли не целый вечер, говорить с Маяковским³⁷ о поэзии, - мы встретились с ним в секретариате "Известий".

Маяковский, помнится, был в "ударе" - мило шутил, иронизировал, говорил по телефону изысканные комплименты знакомым, неторопливо прохаживался по комнате своими важными, широкими шагами. Бритый, высокий, в сером шерстяном костюме, он казался гигантом.

Маяковский неподражаемо прочитал "Незнамому" Блока и, помолчав, добавил с каким-то особым теплом:

- Эти стихи - вечные... Да, да, именно вечные, хотя это слово, вероятно, и странно звучит в моих устах...

Потом он читал отрывки из баллады А.К.Толстого³⁸ "Василий Шибанов", строфы из "Шмидта" Пастернака³⁹ ("Долго с бурей борется оратор..."), кое-что из молодых поэтов, а также из своих стихов (главным образом - сатирических).

Я спросил Маяковского об его отношении к Есенину.

Маяковский ответил:

- Мнеое в нем мне чуждо, но Есенин - поэт чистой воды, и это определяет все. Это - не какой-нибудь Орешин⁴⁰ или Клычков... У Есенина были и талант, и темперамент, и мастерство.

- А как вы относитесь к поэзии Бунина? - продолжал я.

Маяковский, в ответ, прочитал:

- Дымится поле, рассвет белеет,

- В степи туманной кричат орлы,

И дико звонок их плач голодный

Среди холодной, плывущей мглы...⁴²

Подумав, он добавил:

- В Бунине я тоже не воспринимаю многое, но, оставаясь справедливым, должен сказать, что это тоже крупнейший поэт своего времени...

VI

В.Г.Лидин⁴³ начал свою "литературную деятельность" с прямого (почти неприличного) подражания Бунину. Бунин, - по свидетельству Ашкуина, - однажды даже бросил номер журнала с рассказом Лидина:

- До чего дошли литературные нравы - рассказа нельзя написать, тут же украдут, сукины дети...

Лидин, впрочем, скоро выбрался из пут безоговорочного подражания неподражаемому образцу - и остался просто одним из восторженных ценителей Бунина.

В частности, Лидин рассказывал:

- Беспокойной зимой восемнадцатого года собрались мы как-то тесным кругом - говорили, грустили, мечтали о путешествиях. Кто-то, помню, попросил Ивана Алексеевича что-нибудь прочесть, - Бунин был изумительным мастером чтения, - и он прочитал новый рассказ "Сны Чанга". Боже мой, что мы только почувствовали, когда зазвучал этот волшебный русский язык, отточенный до настоящей музыкальности!

Иван Алексеевич и сам был, очевидно, доволен рассказом, хотя в этом его довольстве и проглядывала чисто дворянская гордость. Он, например, обнял, Крандиевскую⁴⁴, тогдашнюю жену А.Н.Толстого, - и сказал ей:

- Как все же хорошо, Наташа, что в нас с тобой течет древняя голубая кровь...

VII

М.К.Иорданская⁴⁵, - древняя литературная Мессалина, - в свое время хорошо знала Бунина: она была фактическим редактором "Современного мира", где печаталась бунинская "Деревня"⁴⁶.

Я несколько раз пытался говорить с Марией Карловной о Бунине, но, - странное дело, - она или, действительно, ничего не помнит, или, по каким-то причинам, не хочет делиться воспоминаниями. Если же она что-либо и вспоминала, то очень незначительное, и главным образом "эдакое", например:

- Приходит как-то к нам Бунин, и на нем - лица нет: бледный, испуганный, нервный... - Ваничка, - спрашиваю, -

что это с вами? А он:

- Дня два назад согрешил с одной девушкой, а она, говорят, больна - теперь предстоят три недели сплошной пытки...

Прошла неделя. Опять спрашиваю: - Ну, как дела? - Он только разводит руками:

- Пока ничего, но ведь срок-то не прошел. Жду - не работаю.

Однако, все кончилось благополучно.

VIII

Б.А.Пильняк⁴⁷ начал блестяще: первые его книги по-настоящему талантливы.

Бунин предрекал ему большой успех.

- Моя первая встреча с Буниным была замечательной, - рассказывал Пильняк. Это было в 1918 году, в год всяких кризисов и разруш, и поэтому Иван Алексеевич явился со своим вином. Он достал из жилетного кармана плоскую серебряную фляжку со спиртом, налил, выпил и сказал:

- Старикам надо выпить, молодые могут и поговеть...

Потом начал исповедовать меня, начиная с седьмого колена, и когда узнал, что одна из моих прабабушек была еврейкой, щутливо насупился и сказал как-бы с укором:

- Вот уж это, дорогой мой, не хорошо...

* * *

У Бунина была привычка брать для своих героев нравившиеся ему фамилии из круга знакомых. Фамилию Пильняка он тоже использовал в одном из рассказов ("Петлистые уши").

IX

В 1932-34 гг. мне приходилось иногда встречаться с Н.А.Пушешниковым⁴⁸ - племянником И.А.Бунина (по женской линии). Пушешников был тесно связан с Буниным не только родственной, но и литературной связью: он долго выполнял обязанности секретаря Бунина, не раз бывал с ним в заграничных путешествиях и энциклопедически знал все бунинское творчество. Кроме всего, Пушешников был хорошим переводчиком, - его переводы Р.Тагора⁴⁹ и Р.Киплинга⁵⁰ (под редакцией

Бунина) отмечены настоящим мастерством. В то время, когда я знал Пушешникова, он жил на пенсии.

Н.А.Пушешников был обладателем настоящего "сундука сокровищ". В этом сундуке, обитом тюленьей кожей, хранилась часть литературного наследия Бунина: юношеский роман "Путешествие по Днепру", около 30 сонетов Леконта де Лилля⁵¹ (в переводах Бунина), неопубликованные стихи и записи, варианты рукописей, черновики, дневники и свыше 20 писем из Франции 1922-24 г.г. (одно письмо, с описанием Приморских Альп, составляло около 20 страниц убористого бунинского шрифта).

Кроме того, в сундуке хранилось свыше 500 писем к Бунину (среди них - письма Горького, Андреева, Куприна).

И все это, или почти все - видимо пропало безвозвратно...

***

И.А.Пушешников так характеризовал литературные симпатии Бунина:

- Он благоговел перед "Словом о полку Игореве", перед Пушкиным, Гоголем и Толстым, - перечитывал их постоянно, в каждую свободную минуту. Когда он читал "Слово", у него дрожал голос. Картину первого ранения князя Андрея Болконского ("Небо, только небо видел он...") Иван Алексеевич знал наизусть и часто твердил ее вслух. Не мог он также хладнокровно слушать начало "Страшной мести" Гоголя - "Шумит, гремит конец Киева"... и - любого места из "Онегина" или "Нулина"⁵².

- Лермонтова он особенно любил в юности, к Тютчеву⁵³ был почему-то более или менее равнодушен, у Баратынского⁵⁴ ценил элегии, у Ал.К.Толстого - отдельные лирические стихи. Очень любил он еще, видимо, как поэта-земляка, Никитина⁵⁵ и Николая Успенского⁵⁶. Об Успенском и Никитине он даже собрал материалы - думал писать о них...

Нравились еще Ивану Алексеевичу греческие повести К.Леонтьева⁵⁷.

- А Чехова Иван Алексеевич очень любил? - спросил я.

- Как вам сказать... Он восторгался и "Студентом", и "Архиереем" и рядом других рассказов, но вместе с тем, и в

этих рассказах находил отдельные погрешности. Но, в общем, всегда вспоминал о Чехове с большим теплом.

- А каково было отношение Ивана Алексеевича к современной прозе?

- Кое-что ему нравилось, но многое и отталкивало. Он не переносил ходульности Андреева, самодовольства Арцыбашева⁵⁸ и глупости Сергеева-Ценского⁵⁹. Впрочем, отдельные вещи и этих писателей читал иногда с удовольствием. Всего больше ценил он Куприна⁶⁰, А.Н.Толстого, а из молодых - Сургучева⁶¹ (в особенности его "Мельницу"). Любил Зайцева⁶². "Он пишет как бы лунным светом" ... и Шмелева - за его тонкое знание жизни.

- А кто нравился ему из поэтов современников?

- Целиком пожалуй, никто. Декадентов в те годы он по-настоящему презирал. О Бальмонте⁶³, например, говорил:

- Мне кажется, что он упал к нам из какой-то небесной парикмахерской...

Я интересовался симпатиями и привязанностями Бунина в области иностранной литературы.

Н.А. Пушешников отвечал:

- Иван Алексеевич очень любил древних персидских лириков, особенно Саади⁶⁴ и Хайяма⁶⁵, ценил Данте⁶⁶ и Боккачо⁶⁷, но к Шекспиру⁶⁸ был холоден, - в этом он несколько следовал Толстому. Гете⁶⁹ он тоже особенно не превозносил, - относился к нему довольно сдержанно. Из американских поэтов любил Лонгфелло⁷⁰, из английских - Байрона⁷¹ и Киплинга (у Киплинга он чрезвычайно ценил и прозу). Но наибольшими его симпатиями пользовались, пожалуй, французы - Леконт де Лилль, Эредиа⁷², Флобер⁷³ и Мопассан⁷⁴. Флобера и Мопассана он часто перечитывал...

***

Как натура артистическая, Иван Алексеевич легко поддавался воздействию всех родов искусства.

Кроме литературы и поэзии, он особенно любил музыку

- Моцарта и Бетховена, Шопена и Грига, Чайковского и Рахманинова. Он мог слушать музыку часами, целиком и полностью погружаясь в ее волшебную глубину.

В изобразительном искусстве его больше всего трогал пейзаж. Картины Левитана он мог любоваться бесконечно.

Менее всего он был склонен к театру, - ходил довольно часто, смотрел все выдающиеся спектакли, но оставался холоден: он считал это искусство слишком условным.

* * *

Работал Иван Алексеевич, по словам Пушешникова, совершенно регулярно, не менее 6-7 часов в день (и притом, в любой обстановке). Если не писал чего-либо нового, то занимался старыми вещами, обрабатывая и варварикуя их.

* * *

- Одно время среди писателей была мода - не писать "от руки", а диктовать, - говорил Пушешников. - Иван Алексеевич тоже поддался этой "моде", и свой замечательный рассказ "Легкое дыхание" целиком (одним "заплом") продиктовал мне.

* * *

Чуть ли не каждое лето Бунин проводил у своего брата Евгения⁷⁵, в Елецком уезде.

Пушешников шутил по этому поводу:

- Евгений Алексеевич был довольно скуповат и Иван Алексеевич не раз жаловался на его скучные "харчи". Иногда он седлал лошадь, ехал в соседнее село и закупал там целую сетку продуктов - сыры, ветчину и т.д. Все это он складывал в печке-лежанке, которая летом, естественно, не топилась, и, как говорил, "подкармливала" во время работы.

* * *

Случилось как-то так, что Евгений Алексеевич приревновал знаменитого брата к своей жене, - ничем не замечательной, но еще молодой и довольно интересной женщине.

- Помню, - смеялся Пушешников, - как мы ехали однажды с Иваном Алексеевичем (в экипаже), среди густых ржей, и вдруг навстречу нам показался крайне возбужденный Евгений Алексеевич, который, остановив нашу лошадь, закричал:

- Сознавайся, Иван, ты ... Настасью?... Иван Алексеевич, конечно, успокоил его...

Помолчав, Пушешников посмотрел на меня своими острыми серыми глазами и опять засмеялся:

- А, пожалуй, не без огня был тут дым...

* * *

В молодости Иван Алексеевич очень любил охоту - и псовую, и ружейную, но в зрелые годы оставил ее. Живя в деревне, он все же часто бродил с ружьем, стреляя все, что попадалось на пути - ворон, сорок, галок и т.д..

* * *

Пушешников, как и другие мои собеседники, тоже отмечал крайнюю вспыльчивость Бунина.

По словам Пушешникова, Иван Алексеевич так обострил свои отношения с начальником местной сельской почты, что даже жаловался на него... великому князю Константину Константиновичу⁷⁶ (тогдашнему президенту Академии наук).

* * *

- Минительность Ивана Алексеевича не знала никаких приделов, отмечал Пушешников - Как-то в ухо ему ухитрилась попасть блоха, и он положительно выходил из себя, говоря:

- Во мне гудят все колокола мира... В другой раз ему показалось, что чем-то отравился и он решительно отказался от обеда:

- Теперь, говорит, все равно - конец...

Его всячески уговаривали и потчевали, но он только кивал головой:

- Что умирающему до всех этих яств?

Постепенно он, однако, стал успокаиваться - и потихоньку придвигать к себе цыпленка (которого и съел с аппетитом):

- А цыпленок-то ничего... - сказал он с удовольствием.

- Ругался он иногда тоже совершенно классически, - подтверждал Пушешников. - Раз, в Константинополе, ехали мы (Иван Алексеевич, Вера Николаевна⁷⁷ и я) в лодке к пассажирскому пароходу. Было очень бурно, гребец попался молодой, неопытный, - лодку почти захлестывало волнами.

Иван Алексеевич оттолкнул гребца, сел на весла и, с неимоверной руганью, - подобной виртуозности я не слыхал больше никогда, - благополучно довез нас до парохода.

* * *

Однажды в Риме, в гостинице, мы вдруг услышали лихой полупульянный русский голос: "А где живет здесь Бунин?" Это был Андреев ("Андрюшка", как называл его Иван Алексеевич). - Полюбуйтесь: "наши за границей" с неподражаемым артистизмом сказал нам Иван Алексеевич - В другой раз он передавал нам, что Брюсов как-то говорил ему:

- Сегодня провел ночь с красавицей-женщиной и, знаете, под утро она показалась мне трупом.

Иван Алексеевич добавлял:

- Он ... (...) - как свинья, вот она и показалась ему трупом...

* * *

В одном из писем (из Парижа, в 1923 г.) Иван Алексеевич писал Пушешникову, как он, по приезде за границу, обратился за "вспомоществованием" в какой-то эмигрантский благотворительный комитет. Начальник этого "комитета", спросив у Бунина фамилию, добавил:

- А занятие? - "Так, стишки пописываю", - ответил взбешенный Бунин.

* * *

К сожалению, я виделся с Пушешниковым всего несколько раз, и не сумел ни ознакомиться с архивом Ивана Алексеевича, ни получить более или менее исчерпывающих биографических данных о Бунине.

После своего возвращения с Севера (в 1939 г.), я первым же делом навел справки о Н.А.Пушешникове, но узнал печальную весть: он скончался в 1937 (или 1938) году.

Я вспоминаю о нем с теплом и грустью: это был простой, скромный и милый человек. Именно через него я как-то особенно остро чувствовал Иван Алексеевича Бунина.

Те немногие встречи, которые я имел с Пушешниковым, я запомнил на всю жизнь. Помню его типично "мелкопомест-

"фигуру, - он был сухощав, легок, порывист; лицо у него было небольшое, подвижное, глаза серые, острые; смеялся "взрывами" - весело и гулко; страдал астмой - часто и надсадно кашлял; на голове, постоянно бритой, носил что-то вроде "шляфрука".

И.А.Бунин не раз упоминал о нем в своем творчестве, в частности - в рассказах "Без заглавия" и "Божье древо" (в первой публикации).

Наконец, история одной юношеской любви Н.А.Пушешникова целиком легла в основу "Митиной любви". - Эта история сходна до мелочей, - смеялся Николай Алексеевич, - у меня не было только самоубийства (хотя мысли о нем и были) ...

В эмиграции, по словам Н.Я.Роцина, Бунин вспоминал о Пушешникове ("Коле") чуть ли не каждый день.

X

А.С.Новиков-Прибой⁷⁸, несмотря на его чисто крестьянскую хитрость, бывал иногда непосредственным и наивным, как дитя. Очень наивным было и его удивление талантом Бунина:

- Я даже не понимаю, как можно так писать!

Новиков-Прибой не раз встречал Бунина на Капри у А.М.Горького (в 1912-13 гг.)⁷⁹. Он (Новиков-Прибой) тогда только еще пробовал свои литературные силы, и был в числе тех, кого Бунин (по словам Пушешникова) называл "подмаксимками".

Новиков-Прибой рассказывал:

- Мне пришлось присутствовать на чтении Буниным своего рассказа "Захар Воробьев". Это было настолько потрясающее - и сам рассказ, и мастерское чтение, - что все мы сидели, как оглушенные. Горький плакал навзрыд и то и дело повторял: "До чего же это хорошо"...

- При мне же читал у Горького свою "Повесть о днях"... И.Вольнов⁸⁰. Все были очень довольны повестью, в том числе и Алексей Максимович. Но вот взял слово Бунин и пошел, и пошел громить повесть... Кончилось тем, что и Горький согласился с ним. "Конечно, - сказал Горький, - в повести есть доброе начало, но - Иван Алексеевич прав: в ней столько

сырого, что надо работать и работать..."

***

Лично с Бунином Новиков-Прибой не имел каких-либо отношений. К первым произведениям Новикова-Прибоя он отнесся хладнокровно, посоветовав ему лишь попробовать описать картину прихода морского парохода в порт.

Злые языки (Д. Бродский и другие) утверждают, что Бунин "зарисовал" (в "Худой траве") Новикова-Прибоя в образе матроса, который побывав на войне и в японском плену, говорил о море: "Воды много, а пить нечего"...

Однако, это вряд ли соответствует действительности: А.С. Новиков-Прибой был умным человеком.

***

От А.С. Новикова-Прибоя я не раз слышал такой рассказ: "Один писатель спросил как-то Бунина: "Что сейчас поделываете, Иван Алексеевич?" "Правлю Анну Каренину", - отвечал Иван Алексеевич".

XI

И.С. Соколов-Микитов⁸¹, в творчестве которого особенно сильно сказывается Бунин, при каждой встрече со мной неизменно вспоминает своего учителя.

- Как художника, я ношу его в своем сердце с юности, - говорил Соколов-Микитов, - как человека - тоже люблю глубокой любовью. Я встречался с ним два-три раза за границей (в 1920-21 г.г.) и навсегда запомнил крайнюю его заботливость в отношении нас, молодых, начинающих писателей.

***

Рассказывая (в 1948 г), что Бунин прислал К.А. Федину⁸² свою книгу "Речной трактир"⁸³, Иван Сергеевич добавлял:

- Стареет, видимо, Иван Алексеевич - и почерк старческий, и манера старческая... Между прочим, слово "оформление" он густо зачеркнул и надписал просто: "Художник такой-то"...

***

Федин - один из немногих советских писателей, получав-

ших дарственные книги Бунина (из-за рубежа).

В первом томе собрания сочинений ("Петрополис", 30-ые годы), присланном Федину, Бунин написал:

- К.А.Федину

его давний и усердный читатель

И.В.Б. 1.3.1946 Париж.

Бунин в разное время присыпал свои книги также Н.Д.Телешову, К.М.Симонову, К.Г.Паустовскому, В.П.Катаеву и А.Т.Твардовскому⁸⁴.

Вообще, Бунин внимательно следил за советской литературой.

XII

Н.А. Рощин - писатель-эмигрант, близко знавший Бунина, обладал замечательной ценностью - альбомом с многочисленными и разнообразными фотографиями великого русского писателя (не менее 400 снимков). Когда я впервые увидел этот альбом, у меня подлинно "разбежались глаза": это - великолепная панорама, изображающая - год за годом - жизнь Бунина за границей, начиная с 1922-23 г.г. И.А. Бунин снят и в парижской, и в дачной, и в природной обстановке (в самых непринужденных положениях и позах). На одной из фотографий (1929 г.) он снят вместе с Шаляпиным и Рахманиновым - на фоне синего Средиземного моря; на этот снимок нельзя смотреть без глубочайшего волнения... Сейчас из этих трех гениев старой России ни одного нет в живых, и воспоминание о них отзывается в сердце и неисходной болью, и неостывающей печалью, и живейшей благодарностью.

***

Чрезвычайно интересны те фотографии, где Бунин запечатлен вместе со своей "вечерней зарей" - своей последней любовью, - Галиной Кузнецовой⁸⁵; характерно, что на тех же снимках "присутствует" жена Бунина - Вера Николаевна (Муромцева).

Бунин встретился с Кузнецовой случайно, на пляже, в 1925 году (ему было тогда 55 лет, ей - 24). Она обратилась к нему, как молодая поэтесса к великому поэту - и эта встреча

предопределила длительный и тяжелый (для Бунина) роман.

Роман Бунина с Кузнецовой относился к тому времени, когда Буниным были написаны лучшие вещи - "Митина любовь", "Дело корнета Елагина", "Жизнь Арсеньева" (обе части) и, частично, "Темные аллеи".

Кузнецова, дочь киевского купца, попала в эмиграцию совсем молодой девушкой. Одно время она "служила" в фешенебельном кабаке "Черная роза" (в Константинополе). Была замужем за научным работником, который очень любил ее. Бунин боялся, что он его застрелит.

Сила этой любви, очень глубокой и острой, безусловно отразилась в ряде произведений Бунина, особенно в "Деле корнета Елагина" (в образе Сосновской воплощены многие черты Кузнецовой), и в "Темных аллеях" (новеллы "Руся", "Муза", "Гая Ганская" и др.). Отсюда - удивительная свежесть и молодость этих произведений. И трудно сказать - были бы столь пряны, терпки и остры произведения Бунина тех времен, если бы не эта любовь, потрясшая его до глубины души...

* * *

Все время, пока продолжался этот роман, Кузнецова жила в доме Бунина, где продолжала жить и Вера Николаевна.

- Без тебя, Вера, жить я не могу, - говорил Бунин Вере Николаевне, - но и Галина необходима мне, как воздух... Будем жить вместе...

Так и жили вместе. Внешне все было вполне благопристойно, - многие из окружающих принимали Галину (*mademoiselle*)⁸⁶ за воспитанницу, а иностранцы - и за дочь Буниных. Но в глубине души Вера Николаевна, конечно, глубоко ревновала и считала себя кровно обиженной. Кроме того, ее постоянно "подзуживала" неразлучная ее приятельница - Вера Алексеевна Зайцева (жена Бориса Константиновича Зайцева)⁸⁷. Я не раз слышал, - говорил Рощин, - как Зайцева напоминала Вере Николаевне: "Когда же ты выгонишь эту б....? (Зайцева выражалась сильно и резко).

- Трогательно было наблюдать, - продолжал Рощин, - с какой исключительной нежностью относился Бунин к Галине, любившей, кстати говоря, и дорогие туалеты, и изысканные

вина, и детские капризы. Бунин, помню, не раз говорил мне, возвращаясь с прогулки в горах, со своей молодой женой: "Ах, Капитан, я самый счастливый человек на свете" ... - Никогда не забуду выражения его лица, - оно было совсем юношеским, просветленным и одухотворенным; в глазах Бунина чувствовалась даже благородные слезы...

Однажды, помню, я спросил его:

- А каковы, все же, ваши взаимоотношения с Галиной?

Он ответил:

- Самые идиллические... бродим по горам и вместе читаем "Отче наш"...

По-моему, Бунин даже несколько потерял чувство реальности, - он взял с собой Кузнецову в Стокгольм, когда поехал получать Нобелевскую премию (в 1933 году). Однако провести ее в Королевский дворец Бунину не удалось, - это противоречило этикету: - туда можно было идти только с женой, *madame*, но не с *mademoiselle*... Получилось, вообще некоторое неудобство, но шведские и мировые газеты нашли выход из положения: они сообщили, что "Жан" Бунин, знаменитый русский писатель, приехал за получением Нобелевской премии в сопровождении своей очаровательной дочери.

- Роман Бунина с Кузнецовой мог окончиться трагически...

Первые годы до 1929-30, все шло хорошо, затем "*mademoiselle*" стало скучно, - Бунин держал ее дома, - ей стали надоедать и туалеты, и книги, и длительные прогулки в горах, откуда было видно беспредельное Средиземное море. К тому же начала сказываться и разносторонняя порочность "*mademoiselle*", имевшей склонность и к ... лесбиянству. Кончилось тем, что Бунин, во время одной из острых ссор, хотел ударить Галину бутылкой с шампанским, но мне - благодарю судьбу! - удалось отвести его руку, чем я избавил Галину от верной смерти, а Ивана Алексеевича - от вечной каторги.

* * *

Галина Кузнецова, - "вечерняя заря" Бунина, - выглядит на снимках совсем девочкой - больной и капризной. У нее - несколько удлиненное лицо, большие, растерянно-одинокие глаза, короткие волосы, маленькие руки и хрупкий, изящный

стан. Что-то безвольное и болезненное, пленительное и влекущее... Именно такие девушки возникают в воображении, когда слушаешь песенки Вертина⁸⁸ об осенних листьях и неугасимой звезде, о золотоволосой Ирэн и розовом вечернем море... Вместе с тем, в облике "вечерней зари" Бунина чувствуется и надрыв героинь Достоевского - Неточки Незвановой и Аглаи, Грушеньки и Настасьи Филипповны⁸⁹.

Галина Кузнецова изменила Бунину с сестрой Ф. Степуна⁹⁰. Она оставила в сердце Бунина глубокий и острый след: в письмах к Рощину 1941-45 гг. он часто с большой горечью упоминает о ней...

***

Живя в эмиграции, Бунин, - как утверждал Рощин, - постоянно тосковал о России. Иногда эти приступы тоски были очень острыми.

- Сколько раз я видел, как он, лежа на берегу Средиземного моря, смотрел - неотступно, часами - на восток, в сторону Родины, и, полузакрыв глаза, думал, думал и думал о чем-то своем, затаенном, интимном: сердце его было наглоухо замкнуто даже для самых близких людей...

Не раз видел я еще, как Бунин, оставаясь один, подолгу смотрел на портрет И.В. Сталина - пристальным, внимательным, изучающим взглядом.

В 1937 году Иван Алексеевич встречался в Париже с А.Н.Толстым, приезжавшим туда, и чрезвычайно подробно расспрашивал его о жизни в Советском Союзе. Внимательно читал он советские журналы и книги, довольно объективно и беспристрастно выделяя в них интересное и талантливое: он никогда не страдал злостью и "преднамеренностью" взгляда.

Во время войны жил он в материальном смысле ужасно... Рощин порылся в письмах Бунина и прочитал: "Сейчас все утро занимался тем, что срезал ножницами траву для супа... Есть решительно нечего, от голода постоянно кружится голова"... (1944 г., Приморские Альпы). - После войны Бунин имел советский паспорт и несколько раз собирался ехать на родину. Но все же не поехал...

- У меня, - говорил он, - не осталось там в живых ни

одного близкого человека, я буду ходить, как по кладбищу... Все, кто знали меня - умерли, а для большинства молодежи имя Бунина ничего не говорит...

***

- Работал он, живя в эмиграции, совершенно неутомимо, героически, используя время с исключительной бережностью. Утром, как только заканчивался завтрак, он отдавал нам приказание: "- По каютам!" И, уходя в свой кабинет, неотрывно занимался до обеда: писал, редактировал старые вещи, приводил в порядок архив и т.п.

В 2 часа дня был обед, непременно с хорошим французским вином, которое приобреталось бочонками (и заметно "отливалось" Зайцевым), а после обеда - отдых до 4-х часов. Потом Бунин опять работал до 7-8 часов, а вечер посвящался прогулке, - ходили обычно или к морю, или в горы. Возвращаясь, читали, и в 12 или час ночи ложились спать. Впрочем, Бунин нередко засиживался и позднее: я не раз замечал в его комнате свет и около 3-х часов ночи. Зайдешь иногда в это время к нему, - он сидит, пишет... - Спать пора, Иван Алексеевич - Пора, конечно, но хочется написать хоть еще одну страничку: время не ждет... - Случалось, что, вслед за этим, Бунин доставал из ящика стола бутылку коньяку - и мы залпом выпивали по стакану... - Вот теперь можно и спать...

- Когда наступал период дождей, прогулка была очень короткой - только по саду, и вечера сплошь посвящались чтению. Мы собирались в комнате Ивана Алексеевича, и он, лежа на диване, под пледом, вслух читал то Мопассана, то Доде⁹¹ - своих любимых французских писателей. Одну осень мы - из вечера в вечер - читали еще "Отверженных" Гюго⁹². Чтение (и обсуждение) производилось только на французском языке.

Помню: за окном льет и льет гулкий южный дождь, в углу горит камин, слышится артистический голос Бунина, а на душе - тоска о России...

***

- Материально Бунин жил за границей, как говорится,

вполне正常но. В Каннах он снимал постоянную дачу в 8 комнат, в Париже имел четырехкомнатную квартиру. Имел очень широкие связи и знакомства среди эмиграции. Чаще других бывали у него Зайцев, Алданов⁹³ и Шульгин⁹⁴ (последний и жил по-соседству). Заходили и люди из враждебного когда-то литературного лагеря - в частности, З.Н.Гиппиус⁹⁵ (Мережковский-Гиппиус и в Париже, как и в Петербурге, имели свой литературный "Салон"). Между прочим, Мережковский, Гиппиус и некоторые их приверженцы сделали недобро дело: они уверили Бунина, что он - замечательный прозаик, но плохой поэт - Бунин поверил им, и, под их влиянием, совсем бросил, начиная с конца 20-х годов, писать стихи...

* * *

- Как работал Бунин?

- Он работал с крайней усидчивостью и с исключительной требовательностью к себе. Целиком, до конца, он не был доволен ни одним своим произведением, - постоянно улучшал и совершенствовал их. Так, он переработал и сократил "Деревню" для собрания сочинений 1935 года⁹⁶, и существенно "подновил" для того же издания "Митину любовь". Можно быть уверенными, что и эту переработку он не считал окончательной.

* * *

- Из своих произведений Бунин особенно ценил "Деревню" - и по ее стилистическим данным, и по содержанию. В частности, он очень любил все места "Деревни", связанные с образом "Серого". Любил он "Митину любовь", "Дело корнета Елагина", "Божье древо", "Жизнь Арсеньева" и "Темные аллеи" (хотя о последней книге отзывался неоднокаково).

Неизменна была долголетняя его любовь к Пушкину и Лермонтову, к Гоголю и Толстому, к Гаршину и Чехову. Но "придти" к Достоевскому он не мог до конца дней: считал его большим писателем - и не любил до какой-то странной ненависти.

Бунин очень ценил талант Куприна, но относился к нему тоже с большим холодком. Он говорил по этому поводу: "Я выдвигался в литературу с огромнейшим трудом, а Куприн,

хотя он и писал левой ногой, как-то сразу, без всякого труда, стал знаменитым писателем. У них не было даже личных отношений. Но если Бунину и Куприну приходилось встречаться где-либо на "банкете", они дружески обнимались и несколько секунд "пританцовывали". Это называлось: "танец медведей"..."

Бунин был редактором первых произведений Ал.Н.Толстого, но потом тоже держался от него "на известном расстоянии"...

Из писателей-эмигрантов Бунин признавал, в первую очередь, Алданова, Дона Аминадо (Аминада Шполянского)⁹⁷, Тэффи⁹⁸ и Сирена-Набокова⁹⁹. О Сирине он говорил так:

- Это даже не писатель, а настоящий убийца... Он как бы ворвался в литературу с револьвером... бац, бац - и положил всех на месте, в том числе и меня...

- Из советских писателей Бунин регулярно читал Федина, считая его большим художником, исключительно высокоставил "Далекие годы" Паустовского и "Василия Теркина" Твардовского. Не любил - и упорно - Пришвина¹⁰⁰ ("наш елецкий мещанин") и решительно не признавал даровитости Леонова¹⁰¹:

- Не писатель, а копиист...

С интересом читал Шолохова¹⁰², обращая особенное внимание на его пейзаж:

- Пейзаж у него идет от меня...

* * *

- Бунин никогда не был библиофилом, никогда не собирал книг ради книг. Он держал дома только книги, которые были ему необходимы или в творческом плане, или - для периодического перечитывания по зову души.

* * *

На письменном столе у Бунина лежала масса перьев - и самопищащих, и золотых... Писал он, однако, самым обычным пером - "ведущим пером", как говорил Иван Алексеевич.

* * *

До глубокой старости Бунин умел по-детски непосред-

ственno радоваться даже мелочам. Так, в 1945 году, после окончания войны, я достал и принес ему бутылку спирта, - он шутливо прижал ее к груди и протанцевал что-то вроде "фокстрота".

***

После Бунина остался богатейший архив, - он привез из России очень много писем к нему (в частности - от академика Павлова)¹⁰³, и огромное количество писем получал, живя за границей (очень ценные, кстати, письма от Шаляпина и Рахманинова). С Шаляпиным, правда, особой близости у Бунина не было, но Рахманинов был одним из самых любимых друзей Бунина. Рахманинов ("Король клавишней", как называли его в Америке) приезжал во Францию почти каждое лето, и Бунин ждал его приезда, как праздника...

***

О религиозности Бунина, Рощин говорил:

- Глубокой, органической религиозности у него не было, но была очень теплая любовь к мудрости древних, религиозных книг и к красоте всех наших православных обрядов. В большие праздники Бунин ходил в церковь, слушал рождественские и пасхальные службы, как самые совершенные симфонии... Кстати, недавно - и совсем неожиданно - я получил от архиепископа Алексия (из Чехословакии) копии писем Бунина к нему. Между прочим, в одном из писем Бунин спрашивал у него благословление на труд...

Вот это письмо:

Архимандриту Алексию (Дегтяреву)¹⁰⁴

"Русский дом"

Villa le Fonuelle

9 марта 1948 г.

Дорогой и высокочтимый
отец Алексий!

На днях случайно прочел Ваше "Огненное небо" и большую радость дали мне Ваше прекрасное сердце и художественный талант Ваш.

Да хранит Господь пути, дни и труды Ваши и вперед!

Прошу молитв Ваших, целую Вас от всей души с братской любовью.

Преданный Вам
И.В. Бунин

***

Во время революции (в бытность в Одессе, при белых) Бунин почувствовал в себе дворянина. За границей это чувство укрепилось в нем еще сильнее.

В прихожей его загородного дома "на почетном месте" лежала дворянская фуражка.

Когда к Бунину приезжал принц Ольденбургский (молодой)¹⁰⁵, писатель принимал его с подчеркнутой торжественностью и с явным удовольствием произносил:

- Ваше высочество!

С удовольствием посещал Бунин и дома знати, где сразу завладевал разговором и как бы "вещал", заметно гордился своим древним родом.

***

Актерские способности Бунина были столь велики, что Станиславский полусерьезно приглашал его в Художественный театр. Но театра он не любил - очень ценил кино, говоря:

- Кто не плачет в кино, тот подлец...

***

Бунин не раз участвовал в своеобразных "соревнованиях" - импровизировал частушки и тут же распевал их.

При случае мог сплясать "русского".

***

В Приморских Альпах (в Грассе) он был в добрых отношениях с юродивым Жераром. Когда однажды, Жерар, воодушевляя зрителей, шел по кругу с дудочкой, Бунин, точно имитируя его, пошел за ним, так же трубя: Ду-ду-ду...

- Это ты, Жан? - спросил Жерар Бунина. Я, Жерар, я, - ответил Бунин, продолжая идти за ним под одобрения зрителей.

***
Н.Я.Рощин, как правило, читал многие вещи Бунина в рукописях и делал иногда кое-какие замечания. Бунин в некоторых случаях соглашался.

Черновиков Бунин обычно не оставлял, - оставлял лишь окончательный вариант (видимо не учитывая, что он уничтожает "драгоценности!").

***

Рассказ Бунина "На Кавказе", где герой стреляется из двух револьверов, почерпнут из действительности: так именно застрелился в эмиграции князь Кугушев¹⁰⁶ (о чем Бунин узнал из газет). Рошин сказал по этому случаю:

- Репортерствуете, Иван Алексеевич!

***

Однажды он принялся за чтение одного нашумевшего романа, но бросил на 2-ой или 3-ей странице, сказав:

- Для того, чтобы узнать вкус г..., достаточно проглотить один кусочек.

***

Мнительность Бунина вошла в известных литературных кругах в поговорку.

Он, например, ходил в парикмахерскую со своей машинкой и бритвой - из боязни заразиться.

Как-то во время разговора по телефону - один знакомый сказал, что он болен гриппом. - Какого же черта вы разговариваете со мной! - ответит Бунин и тот час же бросил трубку.

***

В одежде он любил простоту, соединенную с изяществом: носил легкие шляпы, пушистые, почти невесомые кэпи, удобные блузы ярко-алого цвета.

***

- А вы не ведете Дон-Жуанский список? - обратился однажды Бунин к Рошину.

- Нет. А Вы?

- А я веду.

- И сколько же у Вас на счету женщин?

- Около 200, не считая профессионалок... - засмеялся Бунин.

***

Метерлинк¹⁰⁷ приезжал знакомиться с Буниным. Знакомство вышло неудачным и закончилось скандалом. Два знаменитых писателя, будучи крайне вспыльчивыми, тут же резко повздорили - и Метерлинк даже схватился за пистолет.

***

Бунин очень болезненно переживал присутствие в своем доме Зурова (между прочим, талантливого писателя), которого Вера Николаевна, в отместку за Галину Кузнецова, приблизила "к себе". Позвав как-то Рошина, - они были вдвоем в доме, - в комнату Зурова, Бунин показал до десятка добрых чемоданов с "обиходными вещами", несколько костюмов в шкафах и т.п. - и сказал с горечью:

- Вот куда идут трудовые денежки!

После этого он стал выдавать Веру Николаевне на расходы строго ограниченные суммы.

... Мне пришлось прочесть у Рошина одно письмо Бунина о ссоре с Зуровым (1943 или 44 г.), - оно было поистине ужасно: Зуров чуть ли не физически оскорблял его... Письмо написано в плаксиво-ироническом тоне и чуть напоминает жалобы дедушки из "Суходола" на Герваську.

***

Большое мужество проявил Бунин в период 1941- г.г., скрывая у себя в доме журналиста Бахраха¹⁰⁹, которого должны были арестовать нацисты (Бахрах, между прочим, - двоюродный брат нашего небезызвестного Ал. Исбаха¹¹⁰).

¹ Ашукин Николай Сергеевич (1890 - 1972) - поэт, литературовед, соавтор сборника "Крылатые слова" (1955 и др.). В декабре 1916 г. Бунин подарил ему книгу "Господин из Сан-Франциско" с инскриптом: "Милому и талантливому Николаю Сергеевичу. Ив.Бунин".

² Шмелев Иван Сергеевич (1875 - 1950) - прозаик, после революции жил в эмиграции.

³ Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866 - 1941) - поэт, прозаик, драматург, после революции жил в эмиграции.

⁴ Белый Андрей (наст. фам. Бугаев Борис Николаевич, 1880 - 1934) - поэт, прозаик, мемуарист.

⁵ "варьируя одну из строк" - вероятно, первую из строк:

Текли года. Посадские мещане

К нему ходили на поклон.

⁶ Столица (Ершова) Любовь Никитична (1884 - 1934) - поэтесса, после революции - эмигрантка.

⁷ Брюсов Валерий Яковлевич (1873 - 1924) - поэт, прозаик, теоретик стихосложения.

⁸ "Петербург" А. Белого - роман солидного размера.

⁹ "Среда" - московский литературный кружок (собирался в 1899 - 1916 гг., после революции - эпизодически), объединявший писателей: Л.Андреева, И.Бунина, В.Вересаева, А.Куприна, А.Серафимовича, Н.Телешова и др.

¹⁰ Мешков Николай Васильевич - критик, поэт, эпигон Бунина, из младшего поколения участников "Среды".

¹¹ Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1872 - 1916) - авантюрист, фаворит императора Николая II и императрицы Александры Федоровны.

¹² Телешов Николай Дмитриевич (1867 - 1957) - прозаик, на квартире которого по средам собирались участники "Среды".

¹³ Бунин Юлий Алексеевич (1857 - 1921) - журналист, редакторский работник.

¹⁴ Негри Ада (1870 - 1945) - итальянская поэтесса, известная экстравагантным поведением.

¹⁵ Катаев Валентин Петрович (1897 - 1986) - советский писатель.

¹⁶ Андреев Леонид Николаевич (1871 - 1919) - русский писатель.

¹⁷ "Памяти друга" (Чехова) - адресат посвящения указан неверно. Стихотворение посвящено памяти друга Бунина, художника В.П.Курковского (1880 - 1915), покончившего с собой. "Шел гимназист в сандалиях..." - строка из первоначального варианта стихотворения (И.А.Бунин. Собр. соч. в девяти томах. т. 1. М., 1965, с. 499).

¹⁸ Блок Александр Александрович (1880 - 1921) - русский поэт. Поэма "Двенадцать" (1918) разрушила утверждавшуюся за Блоком репутацию Рыцаря Прекрасной Дамы.

¹⁹ И. Бунин. Солнечный удар. Париж, 1927. "... пароход с волжским щегольством..." - цитата из одноименного рассказа.

²⁰ В эмиграции Бунин жил попеременно то в Париже, то в г. Грассе, близ Канн.

²¹ Бунин стал лауреатом премии Нобеля в области литературы за 1933 год.

²² Рошин (наст. фам. Федоров) Николай Яковлевич (1896 - 1956) - писатель-эмigrant, служил капитаном в белой армии, за что получил от Бунина прозвище "Капитан". С 1924 г. жил на вилле "Бельведер" у Бунина. В 1946 году вернулся на родину. Печатные воспоминания Рошина об эмигрантской жизни (устные - записанные Н.П.Смирновым, см. в наст. публикации) вызы-

вали возмущение Буниных. Вера Николаевна называла его человеком низких моральных качеств. Иван Алексеевич находил слова покрепче. Он говорил, что Рошин теперь стал ... в то корыто, из которого столько лет "жрал". // Г.Кузнецова. Грасский дневник. М., 1995, с. 388.

²³ И.Бунин. Жизнь Арсеньева. Роман. П. Лика. Изд-во "Петрополис", Брюссель, 1939. Книга прислана в 1946 году.

²⁴ Вале Катаеву ... первом". - В другой публикации: "Валентину Катаеву от академика с золотым пером". - В.Катаев. Собр. соч. в пяти томах. т. 4, М., 1956, с 610.

²⁵ И.Гете. Страдания молодого Вертера. Роман.

²⁶ И.Бунин. Темные аллеи. Париж, 1946 - последняя книга Бунина.

²⁷ Золотое перо - образ Бунина послужил В. Катаеву прообразом героя рассказа "Золотое перо" (1921) - писателя-академика Шевелева.

²⁸ Бродский Давид Григорьевич (1899 - 1966) - советский писатель-переводчик.

²⁹ Багрицкий (наст. фам. Дзюбин) Эдуард Георгиевич (1895 - 1934) - советский поэт, одессит по рождению.

³⁰ Толстой Алексей Николаевич (1882 - 1945) - писатель. Бунин посвятил ему очерк-памфlet "Третий Толстой" "с большими похвалами его таланту писательскому и меньшими - таланту житейскому" (Андрей Седых. Далекие, близкие. Нью-Йорк, 1962, с. 231).

³¹ Гарин Н. (наст. имя и фам. Николай Георгиевич Михайловский, 1852 - 1906) - русский писатель.

³² Глазунов Александр Константинович (1865 - 1936) - русский композитор, после революции жил в эмиграции.

³³ Львова (Полторацкая) Надежда Григорьевна (1891 - 1913) - поэтесса, покончила самоубийством. Упоминается статья: Анна Ахматова. О стихах Н.Львовой // "Русская мысль", 1914, № 1. Ахматоведами подвергается сомнению авторство Анны Ахматовой.

³⁴ Шклляр Николай Григорьевич (1878 - 1952) - прозаик и драматург, испытывал сильное влияние Бунина на свое творчество.

³⁵ "Слово" - литературные сборники "Книгоиздательства писателей в Москве" (1912 - 1917).

³⁶ Есенин Сергей Александрович (1895 - 1925) - советский поэт.

³⁷ Маяковский Владимир Владимирович (1893 - 1930) - советский поэт.

³⁸ Толстой Алексей Константинович (1817 - 1875) - русский поэт, прозаик, драматург.

³⁹ Цитата из поэмы Б.Пастернака "Лейтенант Шмидт". Об авторе см. прим. 17 (стр. 13 наст. изд.)

⁴⁰ Орешин Петр Васильевич (1887 - 1938) - советский поэт.

⁴¹ Клычков Сергей Антонович (1889 - 1937) - советский поэт и прозаик.

⁴² "Дымится поле, рассвет белеет..." - стихотворение И. Бунина (1901).

⁴³ Лидин Владимир Германович (1894 - 1979) - советский писатель.

⁴⁴ Крандиевская-Толстая Наталья Васильевна (1888 - 1963) - поэтесса, жена А.Н. Толстого с 1914 по 1935 гг.

⁴⁵ Куприна-Йорданская Мария Карловна (1880 - 1966) - издательница

журнала "Современный мир" (до сентября 1906 г. - "Мир Божий"), в 1902 - 1909 г.г. жена А.И. Куприна, автор мемуаров "Годы молодости" (1960, 1966).

⁴⁶ И.Бунин. Деревня // "Современный мир", 1910, №№ 3, 10, 11.

⁴⁷ Пильняк (наст. фам. Богау) Борис Андреевич (1894 - 1938) - советский писатель.

⁴⁸ Пушешников Николай Алексеевич (1882 - 1939) - племянник Бунина, переводчик, мемуарист.

⁴⁹ Тагор Рабиндранат (1861 - 1941) - индийский поэт.

⁵⁰ Киплинг Джозеф Редьярд (1865 - 1936) - английский поэт, прозаик.

⁵¹ Леонтьев Константин Николаевич, см. примеч. с. 42.

⁵² "Онегин" и "Нулин" - роман "Евгений Онегин" и поэма "Граф Нулин" А.С. Пушкина.

⁵³ Тютчев Федор Иванович (1803 - 1873) - русский поэт.

⁵⁴ Баратынский (Боратынский) Евгений Абрамович (1800 - 1844) - русский поэт.

⁵⁵ Никитин Иван Саввич (1824 - 1861) - русский поэт, жил в Воронеже.

⁵⁶ Успенский Николай Васильевич (1837 - 1889) - русский писатель.

⁵⁷ Леонтьев Константин Николаевич, см. примеч. с. 42.

⁵⁸ Арцыбашев Михаил Петрович (1878 - 1927) - русский писатель, прославившийся романом "Санин" (1907).

⁵⁹ Сергеев - Ценский Сергей Николаевич (1875 - 1958) писатель, романист.

⁶⁰ Куприн Александр Иванович (1870 - 1938) - русский писатель, после революции - эмигрант, в 1937 году вернулся на родину.

⁶¹ Сургучев Илья Дмитриевич (1881 - 1956) - русский писатель, прозаик, после революции - эмигрант.

⁶² Зайцев Борис Константинович, см. примеч. с. 42.

⁶³ Бальмонт Константин Дмитриевич (1867 - 1942) - русский поэт, один из родоначальников русского символизма, после революции - эмигрант.

⁶⁴ Саади (между 1203 и 1292) - персидский писатель, мыслитель.

⁶⁵ Омар Хайям (ок. 1048 - после 1122) - персидский и таджикский поэт.

⁶⁶ Данте Алигьери (1262 - 1321) - итальянский поэт, автор "Божественной комедии".

⁶⁷ Боккаччо Джованни (1313 - 1375) - итальянский писатель, автор "Декамерона".

⁶⁸ Шекспир Уильям (1564 - 1616) - английский драматург. Л.Н.Толстой "отвергал" его творчество.

⁶⁹ Гете Иоган Вольфганг (1749 - 1832) - немецкий поэт, прозаик, естествоиспытатель.

⁷⁰ Лонгфелло Генри Уодsworth (1807 - 1882) - американский поэт, автор поэмы "Песнь о Гайавате", переведенной на русский язык И. Буниным (1896).

⁷¹ Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788 - 1824) - английский поэт. Бунин перевел на русский его мистерии "Каин", "Небо и земля" и драматическую поэму "Манфред".

⁷² Эредиа Жозе Мария (1842 - 1905) - французский поэт.

⁷³ Флобер Густав (1821 - 1880) - французский писатель, романист.

⁷⁴ Мопассан Ги де (1850 - 1893) - французский писатель, мастер новеллы.

⁷⁵ Бунин Евгений Алексеевич (1858 - 1935) - старший брат писателя, акцизный чиновник, преподаватель рисования.

⁷⁶ Романов Константина Константинович (псевд. К.Р., 1858 - 1915) - великий князь, поэт, драматург.

⁷⁷ Муромцева-Бунина Вера Николаевна (1882 - 1961) - писательница, переводчица, жена И.А. Бунина, автор книги "Жизнь Бунина" (1958).

⁷⁸ Новиков-Прибой (Новиков) Алексей Сильч (1878 - 1944) - писатель-маринист.

⁷⁹ Высланный из России за участие в революции 1905 года М. Горький в 1906 - 1913 г.г. жил в Италии, на острове Капри.

⁸⁰ Вольнов (Владимиров) Иван Егорович (1885 - 1931) - писатель, автор "Повести о днях моей жизни".

⁸¹ Соколов-Микитов Иван Сергеевич (1892 - 1975) - советский писатель. С Буниным познакомился в 1919 г. в Одессе. Бунин прислал в Берлин, где до

1922 г. находился в эмиграции Соколов-Микитов, книгу "Господин из Сан-Франциско" с инскриптом: "Дорогой Иван Сергеевич, от души желаю всяческих успехов Вашему таланту! Ив.Бунин. Париж, 21 июня - 4 июля 1921 г."

⁸² Федин Константин Александрович (1892 - 1977) - советский писатель.

⁸³ И.Бунин. Речной трактир. Нью-Йорк, 1945. Инскрипт: "Константину Александровичу Федину сердечно Ив. Бунин. 1.3.1946 Париж".

⁸⁴ Сведениями о присыпке книг Паустовскому Константину Георгиевичу (1892) и Твардовскому Александру Трифоновичу (1910 - 1971) комментатор не располагает.

⁸⁵ Кузнецова Галина Николаевна (1900 - 1976) см. примеч. 7, с. 136.

⁸⁶ mademoiselle (фр.) - мадемуазель, девушка.

⁸⁷ Зайцева (Орешникова) Вера Алексеевна (1878 - 1965) - жена писателя Б.К. Зайцева.

⁸⁸ Вергинский Александр Николаевич (1889 - 1957) - эстрадный певец, автор и исполнитель собственных песен.

⁸⁹ Неточка Незванова ... Настасья Филипповна - героини произведений Ф.М. Достоевского "Неточка Незванова", "Идиот", "Братья Карамазовы".

⁹⁰ Степун Маргарита Августовна (1877 - 1972) - певица, сестра писателя и философа, эмигранта Федора Августовича Степуна (1884 - 1965).

⁹¹ Доде Альфонс (1840 - 1897) - французский писатель.

⁹² Гюго Виктор (1802 - 1885) - французский писатель, автор романа "Отверженные".

⁹³ Алданов Марк (Марк Александрович Ландау) (1889 - 1957) - писатель, автор исторических романов, после революции - эмигрант.

⁹⁴ Шульгин Василий Витальевич (1878 - 1976) - политический деятель, монархист, писатель.

⁹⁵ Гиппиус Зинаида Николаевна см. примеч. с. 42.

⁹⁶ И.Бунин. Собр. сочин., т.т. I - XI, изд. "Петрополис", Берлин, 1934 - 1936.

⁹⁷ Дон Аминадо (наст. имя и фам. Аминад Петрович Шполянский, 1888 - 1957) - поэт, "один из самых выдающихся русских юмористов" (Бунин), прозаик, после революции - эмигрант.

⁹⁸ Тэффи (Лохвицкая) Надежда Александровна (1876 - 1952) - поэтесса, прозаик, драматург, после революции - эмигрантка.

⁹⁹ Набоков (до 1940 псевд. Сирин) Владимир Владимирович (1899 - 1977) - поэт и прозаик, после революции - эмигрант.

¹⁰⁰ Пришвин Михаил Михайлович (1873 - 1954) - советский писатель, прозаик, родился в имении Хрущево, Елецкого уезда, Орловской губернии.

¹⁰¹ Леонов Леонид Максимович (1899 - 1994) - советский писатель.

¹⁰² Шолохов Михаил Александрович (1905 - 1984) - советский писатель.

¹⁰³ Павлов Иван Петрович (1849 - 1936) - ученый-физиолог, лауреат Нобелевской премии.

¹⁰⁴ Алексий (в миру Дегтярев) - архимандрит русской церкви в Чехословакии.

¹⁰⁵ Ольденбургский - в августе 1931 г. Бунин написал фельетон о принце Ольденбургском (Петре Александровиче). См.: И.Бунин. Воспоминания. Париж, 1950.

¹⁰⁶ Правильно "Кавказ" (1937), рассказ из книги "Темные аллеи". Кугушев Дмитрий, князь, близкий знакомый Бунина в 1930-е г.г.

¹⁰⁷ Метерлинк Морис (1862 - 1949) - белгийский драматург, прозаик.

¹⁰⁸ Зуров Леонид Федорович см. примеч. с. 136.

¹⁰⁹ Бахрах или Бахрак Александр Васильевич (1902 - 1985) - журналист, автор книги "Бунин в халате".

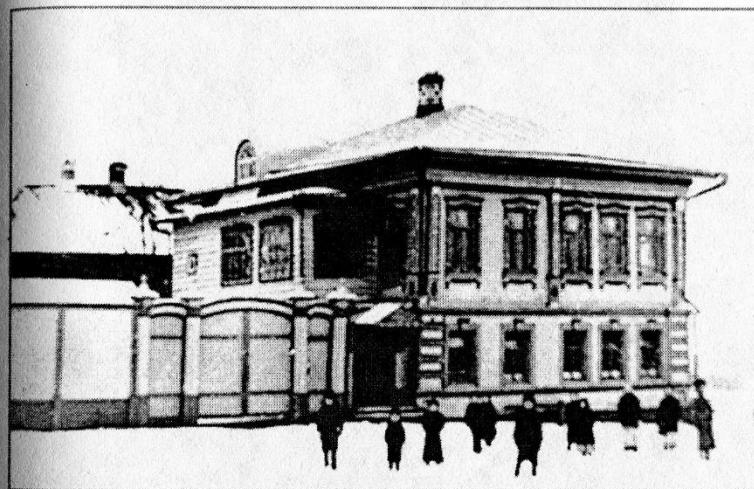
¹¹⁰ Исбах Александр Ильич (Исаак Абрамович Бахрах) (1904 - 1977) - советский писатель, литературовед.

Н.П. Смирнов. 1923 год.

Павел Николаевич и Евдокия Феоктистовна,
родители Н.П. Смирнова.
Конец 1890-х годов.

Дом Смирновых в Плесе.
Начало 1900-х годов.

Коля Смирнов (в центре) с дядей Виктором
Николаевичем и двоюродным братом Борисом.
Начало 1900-х годов.

Ученики Кинешемского реального училища.
1910-е годы.
Второй слева стоит Н.П. Смирнов.

**Н.П. Смирнов на охоте.
Конец 1920-х годов.**

**Н.П. Смирнов в газете “Известия”.
Середина 1920-х годов.
Карандашный рисунок неизвестного художника.**

Живописный портрет Н.П. Смирнова времен ссылки.
1930-е годы. Художник Л. Соколов.

Надпись на обратной стороне портreta:
“Дорогому Николаю Павловичу недорисованный
портрет сомнительной работы от сомнительного
художника. 29.4.36 г. Л. Соколов”.

На охоте в Мордовии.
1933 год.
Слева направо: П.Г. Низовой, А.В. Перегудов,
А.С. Новиков-Прибой, Н.П. Смирнов,
Л.Н. Сейфуллина, В.П. Правдухин.

Н.П. Смирнов.
Начало 1940-х годов.

Н.П. Смирнов в годы
Великой отечественной войны.

Н.П. Смирнов. 1970-е годы.

ХРАНИТЕЛЬ ДРЕВНОСТИ

Письма из "русского зарубежья" и письма Д.С.Лихачева к Н.П.Смирнову

И снова лес, а там на повороте
В тиши столетних дедовских берез
Весь в солнечной, лучистой позолоте
Зеленый, звонкий и душистый Плес.

Душа опять подобна вольной птице,
Опять дышать и думать сладко мне.
Как хорошо еще раз поклониться
Родной земле, родимой стороне.

Ник. Смирнов

За последние годы мы все больше узнаем о русском зарубежье, все больше осознаем, что русская культура, русская литература по существу неразделимы. В 1926 г. выдающийся русский философ И.А. Ильин опубликовал в Белграде ставшую вскоре широко известной среди русской диаспоры статью "Родина и мы", в которой в частности писал: "Мы, русские, мы, белые, все мы вынужденно оторвавшиеся от нашей родной земли, - мы не оторвались от нашей Родины и, слава Богу, никогда не сможем оторваться от нее. Всмогрите и вслушайтесь в "пустоту" нашей тоски и в "темноту" нашей скорби: ведь мы сами - живые куски нашей России; ведь это ее кровь тоскует в нас и скорбит; ведь это ее дух молится в нас и поет, и мечтает о возрождении, и ненавидит ее врагов".

В этой связи особо остро встает вопрос о тех, кто уже в далекие, ставшие уже историей пятидесятые годы, поддерживал связи с русской эмиграцией, активно сотрудничал с зарубежными изданиями, подвергая себя известному риску.

Публикация писем и предисловие В.А.Смирнова.
Комментарии О.К.Переверзева

Их сравнительно немного, тем более для нас важен факт такого сотрудничества нашего земляка Н.П.Смирнова.

Смирнов уже в 1926 году по поручению редактора "Нового мира" В.П.Полонского подготовил обзор эмигрантской печати, в котором, в частности, содержался нелицеприятный отзыв о творчестве И.А.Бунина. Бунин этот обзор читал и с раздражением откликнулся на него в берлинской газете "Руль". Этот конфликт был обусловлен временем, работой Н.П.Смирнова в советской прессе двадцатых годов. Но примечательно, что в своей ранней прозе, относящейся к раннему периоду (1926–28 гг.) он иной, не столь просоветский, как в публицистике и критике (положение обязывало).

В сборнике его рассказов и очерков "Человек и жена", вышедшем в издательстве "Московское товарищество писателей" в 1933 г., мы находим следующие строки: "...я вырос на старых песнях, обычаях и обрядах - и отсюда непрестанная смена настроений. Новое, - полная противоположность тому, на чем воспитывалось наше поколение, - уже прочно и крепко вошло в наш быт: от прошлого, от его культуры, остались одни осколки, кажущиеся, к сожалению, осколками алмазов или рубинов, на которые хочется взглянуть еще раз".

В 1934 году Н.П.Смирнов был арестован, попал в лагеря, сначала в Бадоложное в Сибири, а затем в Воркуту. Реабилитирован он был лишь в 1959 году, тогда же восстановлен в Союзе писателей. Однако арест, лагеря, отлучение от литературы не могли прервать внутренней напряженной жизни.

С 1958 года он вступает в переписку с Верой Николаевной Муромцевой-Буниной (опубликована в журнале "Новый мир", 1969, №3), с ближайшим окружением Ивана Алексеевича Ириной Одоевцевой, Галиной Кузнецовой, Леонидом Зуровым, Борисом Зайцевым. В начале 60-х годов он начинает активно сотрудничать в парижской газете "Русские новости".

Ниже публикуются письма к Н.П.Смирнову, приходившие на его московский адрес из Парижа, Мюнхена от самых разных людей с тем, чтобы показать читателю насколько близкими и доверительными были эти отношения, как дорог был "русскому Парижу" писатель из Плеса. Ведь воспринимали его

не только как московского литератора, одного из пишущих, а как хранителя "заповедной древности", духовных сокровищ, без которых скучеет душа.

Плес в этой связи воспринимался не только как его духовная родина, но и как град Китеж, увидеть который можно только праведными очами. Право на такой исповедальный разговор, на выход к "русскому зарубежью" и своеобразное представительство всей русской культуры Николай Павлович заслужил всей своей жизнью.

И не случайно за обстоятельные, добрые рецензии, которые помогали ленинградским ученым выстоять в их нелегкой борьбе с чиновничеством от идеологии, от культуры, благодаря им Д.С.Лихачев. В письмах, с нашей точки зрения, достаточно полно предстает облик самого Н.П.Смирнова, отношения к нему тех, чьими книгами сейчас зачитываются, чьи имена становятся широко известными. В годы же самой переписки такое сотрудничество и такое общение, разумеется, могли привести к определенным последствиям, и нужно было обладать мужеством, внутренней стойкостью, чтобы пройдя лагеря ГУЛАГа, испытав все его ужасы, вновь дерзнуть. Но, очевидно, была потребность, убежденность в таком представительстве. Публикуя переписку Н.П.Смирнова, отдааем скромную дань памяти его светлого имени.

1

27 апреля 1961 г.
Париж

Дорогой Николай Павлович!

Спасибо за телеграмму. Вера Николаевна исключительно тепло относилась к Вам.

Ваше последнее письмо - доброе и умное - было для Веры Николаевны утешением. О Вас мы всегда говорили, как о человеке родном. Мечтали, что Вы нас навестите.

Мне очень тяжело. Обнимаю Вас. Благодарю от всей души, желаю Вам здоровья и творческой работы.

Л. Зуров¹

5 мая 1969 г.
Париж

Дорогой Николай Павлович!

Спасибо за Ваше письмо - оно доставило мне большое удовольствие. Мне уже давно хотелось познакомиться хотя бы эпистолярно. Я ведь много слышала о Вас от С.Ю.Прегель² и Ю.К. Терапиано.³

Я рада, что в "Берегах Сены" Вы нашли "нового Бунина". Я действительно хорошо его знала и много и часто разговаривала с ним, и он любил рассказывать о своем прошлом, считая меня "идеальной слушательницей", а хороших слушателей, - их, по его мнению, мало - он чрезвычайно ценил. Для него, - особенно в периоды, когда он не писал, рассказывать было просто необходимо, - изустные рассказы являлись для него своего рода творчеством.

Ю.К. (очевидно, Терапиано — В.С.) послал Вам вырезку моего последнего отрывка о Бунине. Мне очень приятно, что вам нравятся стихи моего покойного мужа. К сожалению, не удается найти издателя для его собрания сочинений, а прежние его книги все распроданы, их почти невозможно достать у букинистов.

Нет, в Америку я дважды летала не для издания стихов Георгия Иванова⁴, а для чтения лекций в университетах и для выступления на литературных вечерах. Собираюсь лететь в Америку и в Канаду этой осенью.

Задавайте мне, пожалуйста, вопросы, интересующие Вас, о Бунине, Галине Кузнецовой и других писателях. С удовольствием расскажу Вам все, что знаю.

С самым сердечным приветом и наилучшими пожеланиями.

Ирина Одоевцева⁵

10 декабря 1969 г.
Мюнхен

Многоуважаемый Николай Павлович!

Благодарю вас за Ваше письмо из Плеса - от него повеяло

на меня незнакомой, но такой всегда желанной Северной Русью, которой мне так и не привелось увидеть! Я ведь никогда не "подымалась" выше Харькова, даже Москвы не успела увидеть - это моя большая грусть.

Все, что Вы пишете о Вашем юношеском "открытии" Бунина мне очень близко. Я сама подростком-гимназисткой, прочтя книгу его рассказов (были там и "Антоновские яблочки" и "Надежда"), так восхитилась, что затеяла с другими гимназистками издавать журнал: мне тогда и в голову не приходило, что настанет день, когда Бунин будет читать и критиковать мои рукописи...

С Терапиано полемизировать не стоит - в его кругу скорее отрицательно относятся к Бунину (особенно к его стихам), здесь сказалось, как Вы правильно заметили, влияние Мережковских, не признававших "чистого искусства". Очень интересуюсь Вашей статьей, надеюсь, она будет напечатана и дойдет до меня.

Бунин всегда выше всех ставил Пушкина, но в тридцатых годах задумал было писать биографию Лермонтова и стал восхищаться им все больше, особенно его стихами после смерти Пушкина. "Тамань" же называл замечательным началом русской прозы.

Есенин раздражал Бунина своей непростотой, "лубочностью", своими шелковыми поясами, гребешками, наигранностью театрального пастушка. Эта лубочность, вероятно, мешала ему вглядываться в поэзию Есенина.

О Некрасове ничего особенного не помню, кроме того, что Бунин считал его на редкость умным.

О причинах нелюбви Бунина к Достоевскому столько уже написано, что трудно сказать что-нибудь новое на эту тему.

Рахманинов и Бунин были связаны воспоминаниями молодости. Был ли Бунин поклонником музыки Рахманинова, не могу судить. Во всяком случае Бунин охотно бывал на вилле Рахманинова на Ривьере в 1926 году и любил слушать его игру.

Часто он говорил мне, что особенно его трогает Григ и почему-то "Песнь Сольвейг", которую, по его словам, он не

мог слушать без тайных слез.

Что и когда ценил Бунин из своих произведений? Это было так разно и так трудно уловимо, что об этом не могу точно написать. В его письмах это будет, надеюсь, впоследствии вполне выражено.

Я передала Ваши советы писать воспоминания о Бунине С.Ю. Прегель и Н.В.Кодрянской. Что касается Зурова... я никакого влияния на него не имею.

Соринский портрет не имел ничего общего с отражением в зеркале. Он написал меня с книгой, раскрытой на коленях. Портрет с отражением у меня есть и сейчас: этот снимок сделан с него до моего знакомства с Буниным и Сориным⁶ - в 1925 году.

Вот, кажется, все. Напишите мне, как подвигается работа над томом "Литературного наследства", посвященного столетию Бунина. Когда предполагается его выход в свет?

Здесь стоит снежная зима. Воображаю, какая она в Москве. Это письмо придет к вам уже перед праздниками. Желаю Вам приятно провести их и встретить Новый год в мире и радости.

Галина Кузнецова⁷.

P. S. Книгу моих рассказов пошлю Вам на днях.

4

1 марта 1963г.
Ленинград

Глубокоуважаемый Николай Павлович!

Спасибо Вам большое за альманах "Охотничьи просторы" с Вашим рассказом "В поле незнаемом"⁸. Рассказ мне очень понравился. Как художник вы имеете право на некоторые воображаемые предположения, и они не кажутся мне недопустимыми. Я бы сейчас только воздержался назвать Ярославну Ефросиньей. Данные Любецкого Синодика, использованные Татищевым, могут быть и ошибочными.

Работу А.А. Зимины⁹ я прочел. Я настаиваю на том, чтобы она была напечатана. Иначе создается впечатление, что в его руках есть серьезные доводы. Между тем в работе множество домыслов, непроверенных толкований, тенденциоз-

ного освещения некоторых вопросов и пр. Ее очень легко разбить по всем пунктам.

Подлинность "Слова" можно доказать текстологически, на основе текстологического изучения отношения "Задонщины" к "Слову". Этим наш сектор древнерусской литературы занимается в последнее время. Переводы будут изданы в виде одной книги (40 п.л.)¹⁰.

Спасибо вам за доброе слово о моих работах. Мне очень, очень приятно, что Вы любите древнерусскую литературу и древнерусское искусство.

С искренним уважением и приветом

Ваш Д. Лихачев*

5

16 января 1964 г.
Ленинград

Глубокоуважаемый Николай Павлович!

Большое Вам спасибо за "Русские новости" и за рецензии. Они нам очень важны. Труды отдела древнерусской литературы все время находятся на грани жизни и смерти.

Письма Вашего я не получил. Вероятно потому, что я был в октябре в Югославии, а в декабре начался переезд на новую квартиру.

Статья Ваша написана очень хорошо. Показали ли Вы ее Б.А. Рыбакову?¹¹

Искренне Ваш

Д. Лихачев.

6

11 января 1968г.

Глубокоуважаемый Николай Павлович!

Большое спасибо Вам за статью обо мне в "Русских новостях"¹². Мне прислали вырезку, но там не указано числа, когда эта статья вышла.

* Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906) - литературовед, исследователь наследия Древней Руси, академик. Разрешение на публикацию писем получено от Д.Лихачева в апреле 1993 г.

Вы очень и очень преувеличили мои достоинства и заслуги, но, я понимаю, что таков жанр юбилейной статьи. Хоть я и понимаю, что приходится преувеличивать, но мне все же было очень приятно читать статью, а главное сознавать, что она написана Вами. Поэтому не сомневайтесь в искренности моей самой большой Вам благодарности.

Удалось ли Вам опубликовать новую статью о "Слове о полку Игореве" в "Русских новостях", которую Вы когда-то присыпали мне?¹³ Как можно было бы подписать на "Русские новости"? Франков у меня нет, но я мог бы написать им какую-либо статью и гонорар по ней обратить в подпись. Я получил как-то осенью один их номер, но затем больше не получал.

Шлю Вам самые сердечные пожелания здоровья и новых писательских успехов.

Искренне Ваш

Д. Лихачев

7

29 февраля 1968 г.

Дорогой Николай Павлович!

Спасибо Вам большое и от всего нашего авторского коллектива за рецензию на "Слово" в "Библиотеке поэта"¹⁴. Это, кажется, первая рецензия на нас. Нам очень и очень приятно, что рецензию написали именно Вы.

Искренне Ваш

Д. Лихачев

8

10 января 1970 г.

Ленинград

Дорогой Николай Павлович!

Очень приятно было получить от Вас письмо. Вы совершенно правы - в "Изборнике"¹⁵ не хватает "Слова" Иллариона. Нам пришлось многое исключить, что было приготовлено (по совету издательства) из-за необходимости сократить объем книги. Мы исключили "Хождение" Афанасия Никитина, "Домострой", "О причинах гибели царств" (очень интересное сочинение XVII века), Епифания и многое другое. Обиднее всего,

что все было приготовлено (переводы, комментарии, тексты).

Остается надеяться, что памятники эти войдут в 12-ти томную "Библиотеку древнерусской литературы", на издание которой мы подаем заявку в "Художественную литературу". Если Е.И.Осетров¹⁶ и Вы видите необходимость переиздать "Изборник" в расширенном виде, мы все будем Вам очень и очень благодарны.

Мы живем сейчас на даче (каникулы нашей внучки). Здесь встречаем праздники.

От души желаю Вам таких же книг, как "Золотой Плес", в 1970 году. Очень, очень хорошо.

Искренне Ваш

Д.Лихачев.

9

1 октября 1970 г.

Дорогой Николай Павлович!

Давно Вам не писал, а между тем я Ваш должник: до сих пор я изредка получаю "Русские новости" и очень за них Вам благодарен. Там попадаются интересные заметки - в том числе и Ваши.

Посылаю Вам очерк Олега Базунова¹⁷ "Курья суть". Не могли бы вы посодействовать его напечатанию (допустим даже в каком-либо охотниччьем журнале). Мне эта вещь понравилась. Прилагаю и отзыв.

Высылаю Вам второе издание своей книги "Человек в литературе Древней Руси"¹⁸. Если откликнитесь на него, буду Вам очень благодарен.

С искренним приветом

Ваш Д. Лихачев

10

7 января 1967г.

Мендона, Франция

Дорогой и милый Николай Павлович!

От всей души желаю Вам удержать в себе Ваше юное сердце в Новом году, которое обязательно и всегда будет Вашим щитом, Вашими песнями и очарованием!

Увы, увы! Пишу Вам сейчас в постели, повернувшись на живот, так что, пожалуйста, извините, если что-нибудь не так, как надо. А как надо? Только сердечно, не правда ли?

Ваши "Праздничные рассказы" в "Русских новостях", конечно же, читал с тем же наслаждением, как если бы в Вашей радости был Вами. Потому-то и Николая узнал в Антоне ("На ночь глядя").

Между прочим, я никогда не сомневался в том, что Бунин бессмертен именно в русском народе, что его божественная прелест не может быть изгнаницей родной земли.

Понимал я и "недоразумения", которые делятся кое-как еще и до сего дня, как бы не желающие разуметь трагизм патриотизма русской культуры в зарубежье... "Муза Диаспоры" земли русской до сих пор проповедует на Западе свою "Божественную комедию". И хорошо, когда нет неверия или лжи, подлости или озлобления.

Ремизова, как мне кажется, Вы не вполне поняли. Ремизов - это Хлебников в прозе, это школа русского синтаксиса, но, конечно же, не беллетристики. Бунин удивленно как-то ему симпатизировал, как проклятому труженику, как какому-то злому уроду - Сальери. Типографские наборщики часто исправляли его, но от Бунина я ни одного дурного слова не слыхал о Ремизове, ни о его писательском стиле.

Ремизов умел - легко и просто! - написать изящную вещь, но не хотел простоты и легкости, - тоже, как какой-то проклятый. Говорю так "ради истины", а не потому, что он мне нравится. Боже мой, сколько ругани и стучаний по столу кулаком (и извинений) бывало! Вряд ли Вы читали его "Беснование", "Повесть о двух зверях", "Тристан и Изольда", "Бова Королевич" и т.д., то есть истинно бесноватые его вещи, захлестнутые кровью, спермой и смертью, в которых стилистически точны его "выкрутасы". Можно только пожалеть, что он свою демоническую сложность не претворил в святую простоту. Как и Хлебников. Как и Маяковский тоже.

Ну, а К. Леонтьев чем "проще"(по-своему, конечно)? Или Розанов? Нет, не всем дается гармония при рождении..! А как "цыганщину" любил Ремизов, ах! Его, между прочим,

очень полюбили в Пушкинском Доме (Ленинград), крепко связав с протопопом Аввакумом.

Полюбил я очень позднего Заболоцкого - его "Некрасивую девочку", "Лебедя в зоопарке", "Верблюда" (из "Города в степи"), его "Журавля" (Вам, охотнику, в упрек!) его "В степи Магаданской", что читать без слез невозможно! Чудесный поэт, - погублен.. А ведь он моложе меня!

Как мне кажется, напрасно Вы настаиваете на К.Леонтьеве, потому что это все равно, как если бы Вы захотели утверждающее писать о Д.Мережковском (Бунин К.Леонтьева по-своему понимал и принимал).

Вышел в свет Сборник зарубежных русских поэтов (75 человек!) в изд. В.Камкина (Вашингтон)¹⁹, в которых и моих 5 или 6 стихотворений. "Оригинальность" - никогда стихи не публиковались, то есть впервые — но без гонорара поэтам. Делец старой формации: предложил старым поэтам прислать ему в сборник стихов (он же и книгопродавец, самый крупный в трех Америках), каковые у них еще не проданы, заплатив за них максимум, без удержания процентов торговых, а за это - пожалуйте в сборник (толщеннейший, как говорят!), на котором, конечно же, он наживет все упущенное.

Больше дюжины моих сборников где-то стинули на границе, поэтому я не решаюсь что-нибудь посыпать Вам (да и не Вам только, и не только мои книги, из которых кое-что печатается в Москве), а почему так - ини аллах, то есть Вам более известно.

Очень хочу издать еще один сборник стихов, может быть последний, только времени нет для сердечной работы,— опускает круговортье.

Дорогой Николай Павлович, сердечно обнимаю Вас крепко, тем самым сочувствую Вашему сердцу, такому певучему! Пусть будет все наше добрым счастьем для людей, да и нам, пожалуй, надо быть немножко счастливыми в Новом году... Будьте же счастливы!

Ваш В. Мамченко²⁰

P.S. Ю.Д.Шумаков²¹ хорошо должен знать С.А. Ретенберга, который иногда бывает в Париже, но дольше и более в СССР. Какое-то время был редактором журнальчика.

10 ноября 1969 г.
Париж

Дорогой земляк, Николай Павлович!

Ваше письмо из "Золотого Плеса" от 28.Х получил в госпитале, где я начал третью неделю своего в нем пребывания из-за желтухи, которая почти пройдя, снова залила меня желчью. Еще не прочитав письма, но увидев откуда, почувствовал сразу его содержание и не ошибся. Наша жизнь в разных местах связана не только с городом, домом, природой, но с людьми, окружавшими Вас. Все меняется: люди, обстановка, а годы дают себя чувствовать.

Вы пишете о Пучеже, где жила моя тетя по отцу, у которой я гостил и почти каждый день ел стерлядку. Ведь Пучеж - это место ловли стерлядей.

Встречался в Париже и с А. Коноваловым²². Но его уже давно нет - ушел. Толковый был человек.

Жду, когда вы побываете в Костроме. Может быть, можно будет снять эти два дома на быв. Дворянской, на углу Ивановской, дом, в котором я родился.

Когда я выйду из госпиталя, не знаю. Может быть, в конце недели?! Лишь тогда смогу заняться подысканием книг для Вас. Их много, но подбор для отправки крайне затруднителен. Теперь даже возвращают Камю, Набокова...

Я не понимаю этих строгостей, которые создают отсталость страны во всех областях - культуры, промышленности и науки. Я вот сейчас сижу в госпитале, пишу и, будучи оторванным от своих архивов, - просто страдаю, не имея их под рукой.

О "Золотом Плесе" писал Ю.Терапиано, но плохо. Я говорил об этом, но другую статью они не захотели поместить, т.к. масса другого материала. Но "Золотой Плес" это лучшее, что я читал из Ваших произведений. Я бы хотел эту книгу послать дочери, но и сам не хочу расставаться с Вашей. Если она у Вас найдется лишней, то буду очень благодарен, если пришлете.

Узнал, что Ипатьевская слобода переименована в

"Трудовую". Не понимаю смысла, т.к. все это связано вместе. Мне прислали альбом Ипатьевского монастыря, в котором я так часто бывал еще мальчиком с отцом. А в слободе жил мой прадед по отцу и похоронен в ограде перед алтарем.

Много интересного читаю про СССР. Сейчас появились в печати статьи с беседами ваших руководителей промышленности, признающих некоторую отсталость (химическая промышленность). Страна, даже с такими возможностями и богатством, будет всегда в отсталости, если не раскрепостить таланты, дать широкие возможности творческим силам культуры, науки, промышленности во всех областях.

Ну, дорогой земляк, кончу свое послание Вам. Желаю здоровья, успеха в Ваших литературных трудах и крепко жму Вашу руку.

Ваш сердечно

В. Могилевский.²³

8 марта 1970 г.
Париж

Дорогой Николай Павлович!

Вчера написал Вам большое письмо, а сегодня, когда начал перечитывать, решил не посыпал. В последнее время мой единственный глаз начал бунтовать: после 15 минут чтения или письма все становится, как в тумане. Надо бросать чтение и дать отдых глазу. А так как я решил писать Вам стилем, то чтение письма оказалось Сизифовой работой, и я решил письма Вам не посыпал и написать другое на машинке, чего многие так не любят.

Второй Ваш пакет получил и от своего имени и имени редакции приношу Вам большую благодарность. Все Ваши статьи всегда очень интересны, на этот раз они дали характеристику двух любимых писателей (очевидно, Б. Пастернака и К.Паустовского - В.С.) и написаны особенно блестящие. Читал я их вслух жене, которая бедняжка из-за своего катаракта читать уже не может. Оба мы были даже взволнованы, особенно читая второй очерк (воспоминание) о Паустовском.

Как не благодарить Вас редакции, когда Ваши статьи являются украшением газеты и искупают много ее грехов. А грехов много, хотя редакция в них неповинна. Взять хотя бы корректуру, вызывающую негодование читателей. Галичанин - он на нашей газете научился русскому языку, не научился, а подучился.

К счастью, пришла в редакцию одна дама и говорит: "У вас, видно, нет корректора. Я предлагаю Вам мои услуги. Я москвичка, была в Москве корректоршей, вышла замуж за француза, который учился в Москве, с ним приехала в Париж".

Прямо с неба упало счастье. К сожалению, она может приходить для корректировки только раз в неделю, но успевает многое сделать. Остальное, с грехом пополам, делается своими средствами. Выход газеты, как будто, обеспечен. Во всяком случае оплата типографии. Вознаграждение сотрудников и служащих в руzech божиих. Надеемся все-таки, что перерывов в работе и в выходе газеты не будет. Они нам принесли огромный вред. Подписчики и читатели, получив в 1969 году из 52 номеров только 20, потеряли веру в нее. Многие постепенно возвращаются, но мы будем еще долго ощущать последствия такого ужасного для газеты явления. Положение осложняется еще тем, что база нашего существования, хотя у нас имеются и французские читатели, остаются все-таки эмигранты, а они стареют и уходят в иной мир, где, несомненно, газет нет. Этот естественный демографический процесс не возвращается притоком молодых, предпочитающих читать французские газеты, язык которых они понимают лучше.

Во времена "Последних новостей" Милюкова²⁴ мы были пятой по тиражу газетой в Париже (во время знаменитого дела Кутепова²⁵ наш тираж доходил до 40 тысяч), а теперь мы плетемся в хвосте.

Те, кто заинтересован в выходе "Русских новостей", должны были бы понимать, что условия существования газеты особенные. Мы существуем только потому, что все работающие в газете приносят жертвы, о которых мне не пристало говорить.

Вы писали, что Вас интересуют письма Бунина, Ремизова, Бальмонта, Дон-Аминадо и др. (Есть у меня даже одно милое письмо Ахматовой). Но наиболее интересные погибли во время немецкой оккупации. Те, которые остались, касаются вопросов будничной жизни: гонорары, бедственного положения и пр.

У меня много писем Дон-Аминадо, тоже трактующих обыденные вопросы, но не без свойственного ему юмористического таланта. Я мог бы Вам их послать, но при условии, что при жизни не только моей, но и его жены, они не будут использованы. Мы были с ним и его семьей очень близки, но разошлись потому, что большой талант не всегда сопровождается и высокими душевными качествами.

Если бы Вы знали из-за чего он взял инициативу перестать даже раскланиваться со мною, а жили мы визави, и я оказал ему много огромных услуг. Ему однажды один хороший его знакомый и коммерсант, не очень щепетильный, сказал: "Вы очень талантливый журналист, но Вы еще лучший коммерсант, бросьте литературу, и Вы никогда не будете ни в чем нуждаться". Что он отчасти и сделал и умер не бедняком, как большинство писателей-эмигрантов (те же Бунин, Бальмонт, Ремизов и многие ученые и общественные деятели).

Есть у меня еще много писем от одного очень известного политического деятеля теперешнего режима, многие написанные во время первой мировой войны, когда он еще не был коммунистом. При его жизни (он не намного моложе меня), но эти письма я не передам никому, а после его смерти передам в архив.

Утомил я Вас своей болтовней, но еще хочу просить Вас по поручению Евсея Владимировича (Ратнера — управляющего конторой "Русских новостей" - В.С.) вообще не забывать нас и при случае попросить о том же Ал. Ал. (Храбровицкого - литератора - В.С.) и Вас, в частности, прислать нам обещанные страницы Шульгина. Наши читатели просят продолжать их печатание.

Завтра мы едем с женой к хирургу-окулисту. Решится вопрос: сделают ли ей операцию катаракты, чего мы очень

хотим. Очень мучительно жить полуслепым.

Последняя неделя у нас снежная. В среду ночью выпал такой снег, покрывший наш сад до 30 см толщины, что в четверг я не мог добраться до железной дороги и в Париж не поехал, а в пятницу уже не было и следов его. Сегодня же ночью снег опять покрыл наш сад и опушил деревья. Когда я открыл ставни и увидел сад, я помолодел на 65 лет, вспомнив Сибирь, ее леса в снегу и свежий мороз от тех давних времен. Сколько же было пережито с тех пор. Трудно поверить, что все это можно было вместить в себе и продолжать жить и работать в Париже над выпуском "Русских новостей".

Кончаяю, хотя сколько еще можно сказать! Уж одно наше сближение - не сказка ли?

Привет сердечный от жены и наилучшие пожелания

Ваш В. Могилевский

***

Все публикуемые письма находятся в личном архиве
З.П.Смирновой

¹ Зуров Леонид Федорович (1902-1971), писатель-эмигрант. С осени 1929 г. жил в семье Буниных, исполнял обязанности лит. секретаря И.А. Бунина. Наследник бунинского архива.

² Прегель Софья Юльевна (1904—1972), поэтесса, один из членов редколлегии парижской газеты "Русская мысль".

³ Терапиано Юрий Константинович (1892-1980), поэт, литературный критик. Ему посвящена книга И.В. Одоевцевой "На берегах Сены".

⁴ Иванов Георгий Владимирович (1894-1958), поэт, прозаик, в 1923 г. эмигрировал.

⁵ Одоевцева Ирина Владимировна - псевдоним Ираиды Густавовны Гейнике (1895 - 1990). Автор книг "На берегах Невы", "На берегах Сены". Жена поэта Г.Иванова.

⁶ Сорин Савелий Абрамович (? - 1953) - художник-эмигрант, "пользовавшийся исключительным успехом" (А.Н.Бенуа).

⁷ Кузнецова Галина Николаевна (1900-1976), поэт, прозаик. С 1927 по 1942 гг. жила в семье Буниных. Автор воспоминаний о Бунине - "Грасский дневник" - Вашингтон, 1967, М., 1995.

⁸ В рассказе Н.П.Смирнов в художественной форме излагает свою версию авторства "Слова о полку Игореве".

⁹ Зимин Александр Александрович (1920 - 1980) - советский историк. Отрицал подлинность "Слова о полку Игореве", относил его к подделкам XVII в. Речь идет о работе: А.Зимин. Приписка к псковскому Апостолу 1307

года и "Слово о полку Игореве" // Рус. лит-ра, 1966, №2, с. 60-74.

¹⁰ "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла, М.-Л., 1966.

¹¹ Рыбаков Борис Александрович (р. 1908) - советский археолог, историк, исследователь "Слова о полку Игореве".

¹² Н.Смирнов. Благодарный поклон (К 60-летию Д.С.Лихачева) - см. наст. изд. с. 128.

¹³ Вероятно, речь идет о статье Н.Смирнова: "Спор продолжается" (о времени создания "Слова о полку Игореве") - см. наст. изд. с. 127.

¹⁴ Смирнов Н. [Рец. на кн.: Слово о полку Игореве. Сост. и подг. текстов Д.А.Дмитриева и Д.С.Лихачева. Л., 1967] // В мире книг, 1968, № 1, с. 38-39.

¹⁵ "Изборник" [Сост. и общая ред. Л.А.Дмитриева и Д.С.Лихачева]. М., 1969. Рец: Смирнов Н. Истоки // Сибирские огни, 1971, № 5, с. 178-180.

¹⁶ Осетров Евгений Иванович (1923-1996) - литературовед.

¹⁷ Базунов Олег Викторович (р. 1927) - ленинградский писатель. В предисловии к книге О.Базунова "Окно" (М., 1987) Д.Лихачев ставит все написанное автором "в один ряд с произведениями таких писателей, как Распутин, Белов, Носов - на уровень советской прозы первого класса".

¹⁸ Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси, 2-е изд., М., 1970. Рецензия Н.П.Смирнова не обнаружена.

¹⁹ Содружество. Из современной поэзии русского зарубежья, Вашингтон, 1966.

²⁰ Мамченко Виктор Андреевич (1901 - 1982), поэт, журналист. Публиковался в парижской периодике начал в середине 1920-х годов.

²¹ Шумаков Юрий Дмитриевич (1914 - 1997) - поэт, литературовед, исследователь жизни и творчества И.Северянина, И.Бунина. Жил в Таллине. Находился в близких отношениях с Н.П.Смирновым.

²² Коновалов Александр Иванович (1875 - 1948) - крупный текстильный фабрикант, лидер партии прогрессистов, член IV Государственной думы, министр торговли и промышленности во Временном правительстве. После революции - эмигрант.

²³ Могилевский Владимир Андреевич (1884-1977), сотрудник парижских газет "Последние новости" и "Русские новости". Эмигрировал во Францию в 1906 году, уроженец г. Костромы.

²⁴ Милюков Павел Николаевич (1859 - 1943) - лидер кадетской партии, член III и IV Государственной думы, министр иностранных дел во Временном правительстве. Эмигрировал в 1918 г., редактировал газету "Последние новости" (Париж, 1920 - 1940).

²⁵ Кутепов Александр Павлович (1882 - 1930) - генерал, с 1928 г. возглавлял "Русский общевоинский союз". В конце января 1930 г. бесследно исчез. Газеты писали, что его похитили агенты ЧК.

Н.П. Смирнов

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ.

Стихи Н.П. Смирнова еще не все собраны. Они публиковались в начале 1920-х годов в кинешемской газете "Рабочий и крестьянин", в иваново-вознесенской газете "Рабочий край", местных сборниках и альманахах тех лет.

Считалось, что в эти годы Смирнов больше всего писал и печатал стихов (См.: Дм. Семеновский и поэты его круга. - Л.: Сов. писатель, 1989. С. 334-336). Однако разыскания последних лет показывают, что он писал их на протяжении всей творческой жизни и довольно много печатал в альманахе "Охотничьи просторы" и журнале "Охота и охотничье хозяйство" в 1950-70-е годы.

Здесь дается подборка избранных стихотворений, которые частично печатались в упоминавшихся выше изданиях, частично в ивановских газетах последних лет, некоторые публикуются впервые.

Дочери

Вот и жизнь осталась за плечами,
И душа уходит в сон и в ночь.
Всюду и всегда перед глазами
Ты - отрада, мука, счастье: Дочь!

Горькие этапные скитанья,
Бабочки и первые цветы,
А в цветах, в их радужном сияньи
Вновь царишь, грустишь, смеешься - ты.

Степь и горы древнего Алтая,
Тихие, зеленые леса.

Публикация Л.А. Шлычкова и В.А. Смирнова

Даль прозрачная и голубая,
Как твои любимые глаза.

Крики чаек. Розовая свежесть -
Как на Волге. - Милый, нежный друг.
Чуть проглянет солнце, и меня приветит
Теплота твоих любимых рук.

Мысленно твои целую руки.
С ласточкой, летящей в даль и свет,
Шлю тебе из дальней тьмы разлуки
Страстный и томительный привет.

Кемчуг¹. 1936 г.

* * *

Дикий ветер, облачные скалы,
Их обвалы, пропасть, цепи пик,
А за ними - золотой, усталый,
Истомленный, нежный лунный лик.

Голубыми легкими мехами
Светятся пушистые снега
И, космато вея над снегами,
Завывает древняя тайга.

Семафор. Огнистый дальний поезд.
Упывающий, лучистый прошлый мир.
Ни о чем не мыслю, успокоясь, -
Годы,

Одиночество,
Сибирь

Кемчуг. 1936 г.

* * *

Лес, долина, церковка на взгорье,
Легкая, прозрачная луна.

Утишает боль, тоску и горе
Теплая родная сторона.
Тучки светят золотом и синью,
Запад - ослепительной зарей.
Пахнет сеном, горькою полынью
И прохладной вянущей листвой.

И, забыв раздумья и тревоги,
Тишиной вечернею объят,
Я бреду неспешно по дороге,
Грустно уходящей на закат.

Плес. 1956 г.

***

Алмазный, пленительный воздух.
На улицах блеск и ручьи.
В березах, на солнечных гнездах
Кричат и хлопочут грачи.

Небо - совсем голубое.
Ветер бродяжить зовет.
И тешится звучной стрельбою
На Волге сплошной ледоход.

Впервые распахнуты окна
На солнце, на ветер, на пруд,
Где нежно, как девичьи локоны,
Атласные вербы цветут.

А сердце - в тревоге заветной:
Ведь утром, в сияньи зари,
Как в древности тысячелетней,
Играют в бору глухари...

Плес. 1956 г.

140

Охотничьи костры

Грусть и думы о волшебных странах,
Рог, ягдташ, охотничье ружье,
Блеск костра на боровой поляне, -
Счастье незабвенное мое!
Все проходит: боль, мечты, желанья, -
И все чаще через грань годов
Светят и зовут воспоминанья,
Как огни охотничьих костров.

Плес. 1956 г.

Осенняя мечта

Побродить бы по глухим дорогам,
Окликая златозвучным рогом
Чащи, сечи, заповедный дол...

Упиваться музыкальным гоном,
Раскатиться выстрелом, как звоном,
И старинным возгласом:

-Дошел!

Плес. 1956 г.

***

Юности, далекой и счастливой,
Вечным блеском молодого дня -
Голубые, ласковые нивы
Благодатно веют на меня.

Пролегает давняя дорога
По волнам высокой ржи и льна.
Тонкий месяц розоватым рогом
Смотрит с юга. В поле - тишина.

Я иду, легко дыша полынью,
Выветренным сеном и землей, -

141

Всей чудесной, нежною теплынью
Стороны любимой и родной.

И с холма, любовью освещенный,
Вижу круг лесов, равнин и гор, -
Русский, и могучий, и раздольный,
Светлый и торжественный простор.

Плес. 1957 г.

* * *

Звонкий рог в старинной позолоте
И его певучий, милый зов,—
Вековая музыка охоты,
Светлая симфония лесов...

Помню осень, запах палых листьев -
Словно винный, сладостный настой.
Плакал рог, и день, седой и мглистый,
Был пронизан русской красотой.

А потом в чащобе, за туманом,
Будто бы из сумрака времен,
Золотым торжественным органом
Зазвенел и заструился гон.

Он звенел все радостней и звонче,
Окликая дальние леса:
Закружила неотвязных гончих
Хитрая красавица лиса.

Легкая пушисто-огневая,
Вся - как ветром взвеянный костер -
Заметалась хищница лесная
Средь овражных потаенных нор.

А за ней мольба и сила гона,
Как волна тяжелая текла...

Лопнул выстрел отголоском звона,
И она недвижимо легла.

Сгрудились собаки над лисою,
Жадно и прерывисто дыша.
Радостью пылала молодою
Страстная охотничья душа.

И над тихой дымною долиной,
Средь глухих неведомых дорог
Заливался звонкий и старинный
Золотой и музыкальный рог.

Плес. 1958 г.

* * *

Голубую ризою одета,
Благостно-лучистая лицом
Ты века сияешь, Матерь света,
Под своим торжественным венцом.

Сколько позабытых поколений
Шли к Тебе с любовью и тоской,
Сколько душ в жару своих молений
Обретали радость и покой...

Вот и я - свидетель лет мятежных,
Искалеченный в чужом бою,
Пред Тобой, сподручницею грешных,
На колени радостно встаю.

Я касаюсь робкими устами
Тонкого иконного стекла -
И душа, пронзенная грехами,
Хоть на миг становится светла.

Эти слезы, сердцу дорогие,
Песнопенья, слово и цветы, -

Все Тебе, Пречистая Мария,
Образ вековечной красоты.

Осенний свет.

Плес. 1958 г.

Ночью иней, крепкий и студеный,
И лучистый, хрупкий снегопад.
Днем в саду узорчатые клены
Золотом и пурпуром слепят.
Как изящны пламенные ветви
На небесной чистой синеве,
Сколько теплой радости и света
В тихой, облетающей листве!
В комнате, как от горящей печи,
Зыблется малиновая тень:
Эти клены под окном, как свечи,
Теплятся таинственно весь день.

***

Над садом поднимается луна -
Малиновая, чистая, литая.
А в доме люстра мягко-золотая
По-праздничному ярко зажжена.

Окончены урочные заботы:
Учебник в ранец, карандаш - в пенал.
Теперь на стол любимейший журнал
С волшебной надписью: "Природа и охота".

И вот охотником я странствую в лесах,
В каких-то небывалых "графских дачах",
Где стая гончих и гремит и плачет
На лисьих или заячьих следах.

Я тешусь выстрелом, я в звонкий рог трублю,
Любуюсь красной пышною лисицей...

1958 г.

А там пороша в поле серебрится
И я, счастливый, русака травлю.

Потом мороз, сухой алмазный снег,
Лесная глушь, веселый гул облавы...
Как хорошо - для пущей ловчей славы
Пресечь картечью ярый волчий бег.

Весна, весна - охотничья пора...
Дымит земля, бурлят водой овраги
Ах, эта радость вальдшнепиной тяги
В туманно-золотые вечера,

И эта свежесть утренней зари,
Тетеревья глухие разговоры,
И, в полутьме таинственного бора,
Поющие седые глухари...

А летних утр роса и синева,
Березовые рощи, рыжий сеттер
И, будто резкий и свистящий ветер,
Взорвавшиеся вверх тетерева!

Потом опять сентябрьским холодком
Повеют в поле светлые болота -
Опять веселая утиная охота
И ночь, насквозь прогретая костром.

И звучно билось сердце молодое,
Когда я с жадным трепетом внимал
За строчкой строчку дивный тот журнал -
Как откровеньеечно золотое.

Потом, заслышиав дальний шум глухой,
Я шел во двор к резной калитке сада,
Там визг собак и бодрый говор дядей,
С охоты возвращавшихся домой.

И вот лежат под лампой в коридоре
Два "чалых" и матерых беляка -
Как шерсть их бархатиста и легка -
И как пропахла запахами бора.

На кухне рубят сочную капусту
И грустно песни русские поют.
И все теплей, все радостней уют
Под праздничной и золотистой люстрой.

Рассказы дядей весело звучат
На языке охотниче-певучем -
И смотрит в окна, будто лес дремучий,
Цыганским солнцем высветленный сад.

Плес. 1959 г.

***

Старый парк, церковные ворота,
Тихий и заброшенный собор.
А внизу, в чеканной позолоте,
Волжский вечереющий простор.

Лунные прохладные аллеи
Вековых таинственных дубов.
На заре все тоньше и свежее
Запах спелых яблок из садов.

По реке, широкой и зеркальной,
Уплывает белый пароход,
И огонь, багряный и печальный,
В дальний путь приветливо зовет.

В тишине и розовом тумане
Улетают чайки на закат.
И опять, опять воспоминанья
Ароматом юности пьянят.

Плес. 1959 г.

146

Заря всю ночь

Всю ночь бессонно теплится заря,
Плывшая от запада к востоку -
И Волга, рдяным отблеском горя,
Раскинулась спокойно и широко.
В овражках бьют студеные ручьи
И, споря с ними звучной чистотою,
Звенят, бренчат и свищут соловьи,
И пахнет ландышем и свежею листвою.
И тихо-тихо в этот поздний час.
Спит милый Плес, туманно розовея,
И над рекою, призрачно светясь,
Черемухи застыли по аллеям.
С "низов" плывет бессонный пароход
И, вахтенным сверкая изумрудом,
Речную гладь взбивает и сечет
И будит берег переливным гудом.
Потом он пропадает вдалеке -
И снова сон, забвенье и прохлада,
И город отражается в реке
Подобьем золотого Китех-града.

Плес. 1960 г.

Зимнее утро

Утро, холод, легкий иней,
Запах дыма, глушь двора.
На снегу, лучисто-синем,
Солнца дивная игра.
И в игре лучей узорных,
Спелых яблоков алей, -
Стайка радостно-проворных
И пушистых снегирей.
Окна светят хрусталиями,
Небо щедро синь струит:
То счастливыми глазами
Детство дальнее глядит...

1960 г.

147

***

Весенний лес, привольная поляна,
Рассвет, заря, прохлада, синева.
Заливисто, рассыпчато и пьяно
Бормочут и шипят тетерева.

Неторопливо двигаясь по кругу,
Развив лироподобные хвосты,
Они смущают скромную подругу
Великолепьем щедрой красоты:

Своим пером, лазурным и атласным,
Горящими рубинами бровей,
И этим несмолкаемым и страстным
Журчаньем мелодичным, как ручей.

Им весело средь талых вод и снега
В весенней мгле, прозрачно-голубой,
Сшибаться грудью с буйного разбега,
Вступать в горячий и жестокий бой.

Все крепче их взаимные усилия -
Бунтует в них весенний, острый хмель...
Они не знают, что спина и крылья -
Такая замечательная цель,

Что уж стволы просунуты незримо
В соломенную стенку шалаша:
И вот удар, седые клочья дыма -
И замолчала песня черныша.

Другой, живой, все так же грозно кличет -
И, весь взъярясь, на битву рвется вновь...
И здесь, в лесу, и в этой жизни птичей
Над смертью возвышается любовь.

Плес. 1961 г.

***

Дружный гон легко струится
Сквозь дремучие леса.
Словно ворох палых листвьев,
Где-то стелется лиса.

Светит сказочное что-то
В золотом осеннем дне -
И старинный хмель охоты
Бродит удалью во мне.

Неуемной этой страстью
Очарован и плленен,
Как стремительное счастье,
Я ловлю далекий гон.

Будто плеск волн гремучей

Иль гитарный страстный зов,

Льется,

льется

гон певучий

Средь таинственных лесов.

Бег звериный осторожен.

Зорок жаркий лисий глаз.

Но неведом и надежен

Мой глухой и тайный лаз.

Вот навстречу, как бы в искрах,

Мчится легкая лиса.

Далеко на звучный выстрел

Откликаются леса.

И, как в детских снах лучистых,

Как в волшебном фонаре,

На опавших красных листвах

Растянулся дивный зверь.

И сливаюсь с визгом гончих,

На хмельном

пиру лесном

Рог поет все звонче, звонче -

Небывалым торжеством.

Плес. 1961 г.

***

Тишина в лесу, но все же где-то
Сышен шорох, легкий и глухой.
То уходит радостное лето,
Распростяясь с любимой стороной.

Я давно расстался с отчим домом -
И безмерно одиноко мне
Быть лишь только гостем иль знакомым
На моей родимой стороне.

И ничто не зарубцует раны,
И душевных не разъять оков, -
Но любить до смерти не устану
Дорогую Родину отцов.

И вперяясь в дали голубые,
Вспоминая дом, отца и мать,
Буду имя светлое -

Россия! -

Неутешным сердцем повторять.

Плес. 1964 г.

***

В родных местах, как в теплом отчем доме,
Опять брошу вечернею порой,
И тихо кланяюсь и церковке на всхолмье,
И русской дали нежно-голубой,
И полевому чистому простору,
И васильку на желтой борозде,
И дальнему таинственному бору,
И одинокой северной звезде.
На тихой Волге, под закатным светом,
Плывет буксир раскатисто трубя.

На родине печальным поздним летом
Встречаю вновь далекого -
себя...

Плес. 1964 г.

150

***

Поднимаю медленно к губам
Старый рог, глухой и запыленный,
Что когда-то грустно по лесам
Разливался осенью студеной.
За раскрытым голубым окном -
Желтая сентябрьская прохлада.
Осень осыпает дачный дом
Брызгами сгорающего сада.
Сад вином и ладаном пропах,
Он на солнце как бы воском тает.
Я опять на родине, в гостях,
Листопадный месяц коротаю.
Тихая, печальная пора
Палых листвьев, розового света.
Длинные, как свиток, вечера
Шумной печью бережно согреты.
Но не греют душу те огни:
В дом родимый заросла дорога...
Юности утраченные дни
Окликаю я старинным рогом.

Плес. 1966 г.

***

Как деревья спелыми плодами
От подножья до глухих вершин, -
Дни мои унижаны грехами...
И стою я в светлом Божьем Храме,
Словно в дом пришедший блудный сын.

Голубой, осенний тихий вечер,
Алый, ослепительный закат.
Теплятся, потрескивая, свечи
И мерцает мирный блеск лампад.

Умиленно-благостные лики,
Их венцы, цветочный их убор...

151

Древнее, родное

"Свете Тихий".

Тихо-тихо запевает хор.

Светлые, старинные напевы -
И в лампадных радужных лучах
Матерь Света, Голубая Дева
С ласковым младенцем на руках...

Звучно от кадила на иконы
Мягкая ложится синева.
Благостные, мерные поклоны,
Скорбные, душевые слова...

Одиночко, в уголке, в приделе,
Всем чужой, измученный тоской,
Я стою, молюсь, крестясь несмело
Слабой и дрожащею рукой.

Господи, прости мое неверье
И растепли веры огонек,
Распахни мне замкнутые двери
В светлый и таинственный Чертог.

Дай припасть хотя б к его порогу

.....
Золотое "Слава в Выших Богу"
Торжеством и радостью звучит.

Без даты.

¹ Кемчуг - железнодорожная станция. Исправительно-трудовой лагерь, где в 1935 - 36 г.г. находился Н.П.Смирнов, располагался между станциями Кемчуг и Бадоложная.

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ КРИТИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ Н.П.СМИРНОВА 1924 ГОДА

Критическое наследие Н.П.Смирнова, как и все его творчество, не собрано. Известно, что в качестве литературного рецензента он выступал еще в кинешемском "Рабочем и крестьянине" в 1919 году.

В Иваново-Вознесенске он расширяет эту деятельность, публикуя в газете "Рабочий край" и тогдашних литературных альманахах и сборниках рецензии на первые книги ряда советских писателей, а также литературно-критические статьи, наиболее заметной из которых является работа "Великий искусств" о творческой судьбе А. Блока.

Еще шире разворачивается эта деятельность Смирнова в Москве. Будучи сотрудником газеты "Известия", он рецензирует книги Замятина, Сейфуллиной, Леонова, Вересаева, Горького, пишет о Пильняке, Малышкине, Булгакове, Бабеле и др.

Более обстоятельные его критические работы этого времени появляются в журнале "Красная новь". Там же печатаются известные заметки об эмигрантской литературе "Солнце мертвых" (1924, №3).

Важный период деятельности Смирнова как критика - его работа в журнале "Новый мир". Здесь он продолжает обзоры эмигрантской литературы и помещает серию творческих портретов современных ему писателей.

Публикуемая ниже статья Н.П.Смирнова обнаружена в его архиве в гранках. Пока не удалось выяснить, для какого издания она предназначалась и почему не попала в печать. Судя по рукописной разметке страниц на гранках "252 - 264", работа писалась для какого-то сборника, по-видимому, не состоявшегося.

Публикация и предисловие Л.А.Шлычкова

Статья представляет обзор советской поэзии за шесть лет ее существования. Первые одна-две страницы отсутствуют. Работа хорошо датируется: об А.Ширяевце в ней говорится как о покойном, а о Брюсове как о здравствующем. Значит, это лето - осень 1924 года.

В статье кратко характеризуется творчество крупнейших современных поэтов. Обстоятельно говорится о пролетарских поэтах и поэтических группах "Октябрь", "Кузница", "Молодая гвардия", а также о "народных поэтах", "имажинистах", "футуристах" и других более мелких объединениях и промежуточных поэтических явлениях.

Ценность публикуемой работы для выработки взгляда на критическое наследие Н.П.Смирнова очень высока. В ней, ее обширном заключении, как ни в какой другой подобной работе, автором изложены основные положения, которыми он руководствуется как критик. Поэзия у Смирнова - классовое явление. Поэт старого мира, даже при условии безукоризненной искренности, отражает новую эпоху лишь частично. Будущее за пролетарской поэзией, за поэтами, рожденными в горниле революции. Они смогут всесторонне охватить современность и, "облекая свою внутреннюю суть в формы, унаследованные от старых, классических мастеров", поведут поэзию к расцвету.

Большая статья, посвященная поэзии, не случайна в критическом наследии Смирнова. Рецензии на поэтические сборники писались им еще в Кинешме. Упоминавшаяся уже крупнейшая домосковская критическая работа его также посвящена поэту (Блоку). Отзвуки ее неоднократно ощущаются и в данном сочинении. В свою очередь "Шесть лет советской поэзии" (название условно) - одна из крупнейших и значительнейших критических работ писателя, и без нее этот род его деятельности невозможно представить в полном объеме.

В статье сохранены орфография и пунктуация подлинника, исправлены лишь явные опечатки.

Шесть лет советской поэзии.

...всякой напудренности, манерности и нездоровой изломанности. Правда, по мере развития его таланта, Городецкий много потерял от излишней, иногда переходящей в "оперность", стилизации стихотворной речи, но подземные корни его поэзии всегда оставались сочными и крепкими. В эпоху революции поэт нашел в себе достаточный запас силы, чтобы, решительно отмахнувшись от прошлого, служить делу раскрепощенного пролетариата. Книга революционных стихов Городецкого ("Миролом") достаточно ярко свидетельствует об этом.

Что касается Валерия Яковлевича Брюсова, то он пришел к революции не только искренно и честно, сжигая старые корабли и ломая золотое копье своей поэтической веры, но и в числе первых интеллигентов, целиком и безоговорочно принявших пролетарскую революцию. Брюсов - если сравнивать его, напр. с Городецким - поэт более изощренный, в совершенстве владеющий всеми ключами и тайнами поэтического мастерства. Наиболее значительный из группы символовистов, Брюсов - дитя своей эпохи - имел, однако, и свои резко выраженные индивидуальные черты. Достаточно упомянуть хотя бы о том, что он - один из немногих поэтов, отразивший в творчестве своем город - в его машинизированном, производственном, фабрично-заводском преломлении. Как поэт, В.Я.Брюсов дал революции относительно немного, но как общественный деятель - безусловно ценное и многое. Без сомнения, Брюсов пережил внутреннюю драму: сломав золотое копье символизма, он твердо и решительно признал единственно-жизненной и жизнетворящей поэзии пролетариата. Пишет в настоящее время В.Я.Брюсов крайне мало. Однако, позднейшие его стихи ("Красная Ноя", №4, 1923г.) свидетельствуют не о увядании таланта, а, наоборот, о новой - более простой, без тени какой-либо высокородности - ступени его творчества. Тов. Брюсову хочется пожелать долголетней работоспособности и силы.

Александр Блок - наиболее талантливый поэт последних десятилетий входит в русскую литературу, как определенная

классическая величина. Он - лучший наследник старых, добрых (без кавычек) литературных традиций. Поэт исключительно восприимчивый, Блок умел слушать не только серебрянную арфу, тихую скрипку или старый цыганский романс, но и подземные гулы нараставшей революции - огромную, стихийную музыку будущего. Еще в эпоху первой - 1905 года - революции Блок в целом ряде порывистых и мятежно-волниющих стихотворений приветствовал ее, как искупительный и очистительный костер. Разгром революции, кандалный стон российских просторов, резкое падение общественной активности интеллигенции, ее стремительный отход от общественности к спиритуализму, оккультизму, мистицизму и т.д. - ощущались и переживались поэтом крайне болезненно и нервно. Блок тревожно метался между славянофильско-византийским храмом интеллигенции и разбитым, но постепенно и неизменно крепнущим подпольем революции.

Блок был родным сыном интеллигенции. И все же он находил в себе достаточно мужества, чтобы зло и гордо заклеймить ее общественное неверие, пошлое самодовольство и ребяческую уверенность в "предначертанном" ей народном предводительстве, граничащим с кукольным "мессианизмом". И если Блок не был революционером, в его боевом смысле, то он был одним из первых (и, притом, честнейших) попутчиков новой эпохи.

Новую эпоху - эпоху великих разрушений и сдвигов - Блок приветствовал вдохновенной поэмой "Двенадцать", которая не забудется никогда. Здесь не место спорить о политической сущности "Двенадцати", но нельзя не упомянуть, что "Двенадцать" - отточенный бич, звонко ударивший по лицу старого мира и - благоговейное, почти молитвенное преклонение перед суровым и строгим октябрем.

Октябрь распахнул сияющие двери в будущее. Метнувшись в них поэт - увы! повторил печальную участь Икара, но падение и умирание Блока было не стремительным, а медленным и постепенным. Страна и мука гражданской войны, сменившие алый Октябрьский праздник, обрекли поэта на

величайшее одиночество. Мировая революция, та "огромная музыка" преображающейся вселенной, которой - подсознательно - ждал поэт, замедлялась. В величайших душевных муках угасал бледный рыцарь "Прекрасной дамы". В тревожной и жуткой тишине сомнений, колебаний и усталости погиб лучший поэт последних десятилетий. Он не будет забыт.

Литературное значение Блока очень велико. Современная русская поэзия еще долго будет обращать свой взор к мучительному образу Блока.

Через Блока - к современной русской поэзии, к поэзии наших дней. Говоря о поэзии наших дней, остановимся, прежде всего, на группе народных поэтов, ибо формально часть этих поэтов (Клюев, Клычков) некоторыми сторонами своего творчества довольно близко примыкают к символизму. Современные народные поэты - "последние поэты деревни" в сущности давно уже ушли от (или из) деревни. Все эти поэты - Клюев, Клычков, Орешин и Есенин (о Есенине - особо) - правовернейшие горожане, безвозвратно стяжнувшие с себя ржавую пыль родных полей. Деревня осталась в их сознании, как тихое воспоминание детства и юности. Подлинно - народным поэтом является среди них лишь здравствующий поныне С.Д.Дрожжин. Остальные современные поэты, причисляющие себя к "народным", мысленно стоят на перекрестках шоссе и грязного проселка, в лучшем случае перепевая (может быть, и более гармонично и музыкально) своих предшественников.

Из этих поэтов в первую очередь приходится отметить Н. Клюева. Золотой месяц его поэзии находится в настоящее время в периоде ущерба и, кажется, окончательного. Клюев спел свои песни. Лучшие из них относятся к ранней поре его творчества, к эпохе прекрасного "Перезвона сосен". Клюев - поэт религиозно-старообрядческой деревни: лесных скитов, белого платы отшельницы и пышных молелен - нес радужный венец поэтических влияний Блока. Период революции - период угасания Клюева. Клюев не рассмотрел, не мог и не может рассмотреть новой деревни, хотя и мучительно чувствовал ее рождение.

Не замечают перерождающейся деревни и другие народные поэты.

Сергей Клычков - поэт вдумчивый и талантливый - решительно внесовременен. Эпигон символизма, из теплицы перенесенного на пашню, - Клычков поет о деревне идиллической о деревне мира и тишины, о избянном уюте (!), обращая внимание, главным образом, на обстановочную красоту деревни И, все же, объективно - стихи Клычкова - очень хорошие стихи. Клычков - поэт исключительно-лирический, даже интимный. Не случайно его последняя книжка названа: "Домашние песни". Это - действительно домашние песни, песни у очага и колыбели. Задушевные, тихие, милые песни..

П.Радимов и А.Ширяевец примыкают к этой же группе поэтов. Покойный Ширяевец - поэт знающий лишь два напева - гармонный и песенно-волжский, но Радимов - поэт оригинальный, самобытный и талантливый.

Петр Орешин имеет, пожалуй, больше прав на "звание" народного поэта. Технически он слабее Клюева, Клычкова и Радимова, но он идет неизмеримо дальше их, разглядывая и отображая пробуждающуюся современную деревню. Его стихи о "ржаном исполнкоме" навеяны уже новыми деревенскими настроениями и началами.

Есенин - поэт, заслуживающий серьезнейшего и вдумчивого внимания. Не будет преувеличением отнести его к наиболее талантливым (после Блока) современным русским поэтам. Сергей Есенин вышел на литературную дорогу, как певец полевых просторов, земляничных зорь и земной (вернее: земляной) радости. Талант Есенина целен, свеж и непосредственен. Есенин умеет петь задушевно и искренне. Это - настоящая певчая птица поэзии.

Но Есенин - неустойчив: он вечно колеблется, отталкиваясь от одного поэтического берега и не причаливая к другому. Начав с полевых песен, с песен о полуязыческой радости бытия, Есенин затем метнулся к городу: от невольной идеализации древней сохи к поклонению стальной сохе индустрии. От деревни поэт отходил все больше и больше. Он не только

метался между проселками и шоссе, но и между двумя противоречивейшими началами: религиозностью и атеизмом. Есенин - поэт неустойчивости и непостоянства. "Хулиганство" Есенина, при упоминании о котором так брезгливо морщатся самодовольные мещане, в конце концов, объясняется стихийной, древне-российской страстью его натуры, надломленной тем бытом городской богемы, в котором тонет Есенин. Конечно, в Есенине есть изрядная доля кокетливого озорства, но в нем, как в поэте, есть и удивительная искренность и земляная сила огромного таланта. Не будем строги к Есенину. Мука его последних стихов, наоборот, заставляет внимательно отнестись к этому поэту.

Есенин вплотную подводит нас к узорчатым дверям имажинизма, наиболее малочисленной, но интересной поэтической школы.

Из поэтов этой школы отмечаем, за исключением Есенина, примыкающего сюда лишь условно, А.Мариенгофа, В.Шершеневича и Р.Ивнева, которыми, в сущности, и исчерпывается вся эта "школа". Все они своеобразно-талантливы, но их поэзия - типичнейший продукт интеллигентски-творческой богемы. Имажинисты - "гордые" враги мещанства и пошлости и, в этом смысле, внутренне индивидуально-революционны. Но "революционность" их все же бесформенна и - антиобщественна, она тонет в стакане вина, в ресторанном "отшельничестве" и оперном "демонизме".

Имажинизм постепенно застывает и окаменевает. К тому же в настоящее время он теряет и свои основные черты. Его мальчишеское озорство и задор постепенно ослабевают. Имажинисты - формально превращаются, как будто, просто в довольно недурных поэтов.

Дальше - футуризм. Бурная история развития российского футуризма в последнее время сменилась этапом затишья, успокоенности на найденных и определившихся поэтических формах и достижениях. "Прыжок в будущее" искусства оказался неуклюже-неловким и, скорее, напоминающим стремительный бег на месте. Будущее искусство (и, в частности, поэзия) все более перерастает его скоропреходящее влияние, формируясь

под надежным и верным стягом классицизма. И, все же футуризм крупнейшая школа и крупнейшее явление современного искусства. Футуризм (в том числе и российский, о котором идет речь) возник, как стихийное, но глубоко-индивидуалистическое бунтарство против патриархальной закоснелости быта, как поэтический показатель бурного нарастания темпа городской жизни, обусловленной широким разливом техники и фабрично-заводского производства. С этой стороны футуризм был безусловно революционизирующим бытовым началом. Но, опять-таки, революционность футуризма - только индивидуалистическая революционность богемы, резко оттолкнувшейся от мещанства и в то же время оттолкнутой от широких трудовых масс.

С представлением о футуризме связано, как известно, представление о клоунаде и арлекинаде: многие не забыли еще бунтарствующих поэтов, наряженных - во имя революционности и будущего! - в оранжевую кофту и картонный колпак паяца.

В настоящее время эта шелуха отпала. Только Каменский, Бурлак и Крученых по-прежнему пишут на языке пентаграмм и ероглифов, никак не додумываясь до той простой истины, что их не понимают (в подлинном смысле) не только читатели, но и ближайшие соратники. И - странное дело: тот же В.Каменский, которому нельзя отказать в литературных способностях, в своих пьесах, хотя бы в "Стеньке Разине", разговаривает с читателем (или зрителем) на понятном и, почти, общеупотребительном языке.

Футуризм, как явление индивидуально-бунтарское, как действительный - и очень сильный - "прыжок в будущее" целиком отображается в Маяковском.

Маяковский - поэт огромной значимости и силы. Уступы его стихотворений поднимаются до вершин современной поэзии. Маяковский - весь в революции. Он нерасторжимо слит со своей эпохой, хотя от творящего центра эпохи - рабоче-крестьянской массы - и весьма далек. Поэт воспринимает революцию не как массообразное, повседневно-героическое

строительство будущего, а как стремительно-вулканический взрыв прошлого. Однако, живя в эпоху, служащую лишь длительным мостом между прошлым и будущим, Маяковский переносит свое внимание и на окружающую его будничность, "опускаясь" о, ужас! - до стихотворений рекламно-торгового (но советского) характера, т.-е. попросту поставляя "объявление в стихах". Маяковский - поэт-мастер. Механик поэзии.

Могучесть Маяковского, однако, не только в его стремительных стихотворных уступах, но, главным образом, в том вихре чувства и пафоса, которыми сопровождается их величавое нарастание. Пoэзия Маяковского - и здесь она соприкасается с имажинизмом - увенчана пышным венцом образности. Однако, основное и главное у Маяковского не теряется: он владеет поразительной способностью умело провести его через коралловый ствол образности, а, проведя, отшлифовать и заострить до необходимого, привлекающего внимания, блеска.

И все-таки Маяковский переживает длительный, болезненный кризис. Он застыл на найденной и канонизированной им форме стиха. Он не только не продвигается вперед, но пока понемногу отступает назад.

Маяковский - индивидуалист. Но индивидуализм Маяковского, в конце концов, идет не по пути, отвратному коллективизму (т.-е. социализму), а по пути своеобразного, конечно, хрупкого, но все же настоящего слияния с ним

Но даже в том случае, если Маяковский не достигнет новых поэтических вершин, он останется в истории российской поэзии, как явление исключительной силы.

Из прочих поэтов, примыкающих к футуристской школе, прежде всего, следует отнести Ник.Асеева.

Ник.Асеев - несомненный талант, поэт глубокой самобытности: у него свои пути и свои достижения. Стихи Асеева как по их содержательности, так и ритмичности неизменно выразительны, законченны и сильны. Асеев - удивительный, в совершенстве овладевший техникой стиха, мастер и изобретатель. Асеев - и это когда-нибудь будет отмечено - ввел в русскую поэзию немало новых, технических и ритмических стихотворных приемов. Творчество Асеева теснейше слито с

революцией. "Стальной соловей", "Бомба" и "Избранные" - стихи, посвященные исключительно современной эпохе. Асеев, как и Маяковский, отображает революцию с тем же, только более сгущенным и закаленным, пафосом.

Асеев находится в периоде непрерывного роста.

Вслед за Асеевым необходимо остановить внимание читателя на С. Третьякове и покойном Велемире Хлебникове.

О Велемире Хлебникове современный читатель знает слишком мало: поэт непризнанный "академической критикой", прошел незаметно и тихо. Здесь мы только напомним, что Хлебников был поэтом постоянных поисков и несомненным мастером, создавшим - по выражению Маяковского - "периодическую систему слова". Действительно, Хлебников много и успешно работал над словесным материалом, придавая ему своеобразно-четкую, оригинальную формовку и чуткую многозвучность.

Что касается С. Третьякова, то вышедший в текущем году сборник его стихотворений ("Итого") свидетельствует о безусловной выразительности поэта. С. Третьяков - поэт наиболее тесно и близко соприкасающийся с рабочими массами. Его стихи, насыщенные динамикой чувства, как и его пьесы ("Слышишь Москва" и "Противогазы"), наполненные динамичностью действия, запоминаются крепко.

Особо следует выделить из футуристов Бор. Пастернака.

Пастернак настолько свеж и оригинален, что о нем можно говорить как о поэте, занимающем в современности совершенно своеобразное место. Бор. Пастернак исключительно лирический поэт. Но лирика Пастернака лишена всяческой трафаретности и "узаконенности". Пастернак идет по собственной поэтической дороге, которая еще только развертывается и, кажется, будет довольно широкой.

Таков современный футуризм, "левый фронт" ("Леф") современного российского искусства. Если футуризм, разложенный нами на его составные элементы, взять, как целое, нетрудно будет заметить, что он все более и более перерождается только в узко - литературную группу (но не школу), отходя (Пастернак, Асеев, а отчасти и Маяковский) в область

внешнего мастерства. Здесь часть футуристов, при условии решительного разрыва с "заумностью", безусловно достигнет больших успехов, но отсюда до подлинной революционности (а в применении к футуризму: р-р-революционности!) еще очень далеко. Футуризм - прыжок поэтического футболиста через поле современности - пока не оправдывает себя: массам, в основе своей, он чужд. Разумеется, искусство масс (будущее искусство) возьмет кое-что от футуризма, но в настоящее время и первые вестники поэзии будущего - пролетарские поэты - заметно перерастают футуристские влияния, явственно сказывающиеся в их творчестве.

Однако, прежде, чем перейти к пролетарской поэзии нельзя не оттенить группу промежуточных - между пролетарской поэзией и футуризмом - поэтов. Это - ряд молодых советских поэтов, сформировавшихся (или формирующихся) в процессе революции. Наиболее талантливым, значительным и многообещающим является из них Ник. Тихонов.

Творчество Тихонова (книги: "Орда" и "Брага") отражает, главным образом, боевой период революции и настроения участвовавшей в гражданской войне широкой массы беспартийно-советской молодежи.

В стихах Ник. Тихонова много своеобразной, казацко-буденовской удачи, острого серебряного звона скрестившихся шашек, тревожного храпа коней и металлической ружейной музыки. Великие степные переходы, ночевки под небом, древние половецкие стоянки, сторожевые костры, мучительно-героическая мощь краснозвездной массы - все это нашло у Тихонова живое, далекое от батальности, отражение.

Тихонов лиричен. И в то же время - поэт широкого и мощного схватка. Между прочим, лучшие стихи, посвященные В.И. Ленину, принадлежат Тихонову (см. его поэму: "Сами").

К той же промежуточной группе надо отнести П. Незнамова, Валентина Катаева, В. Ильину, Веру Инбер и др. поэтов, в большинстве еще только формирующихся и находящихся под тем или иным поэтическим влиянием и воздействием.

А останавливаюсь на современной пролетарской поэзии (слово: пролетарская мы употребляем только условно) в пер-

вую очередь необходимо обратить внимание на группу "Октябрь".

"Октябрь" в сущности очень немногочисленная литературная школа. Творчество "Октября" находится не только в процессе роста, но, несмотря на несколько определенных и уже определившихся талантов, в состоянии своего зачаточного развития.

Коренной недостаток поэтов "Октября" в том, что к изображаемым ими явлениям и людям они подходят поверхностно, плакатно-агитационно, без познавательной и изучающей глубины.

Среди поэтов "Октября" - Жаров - поэт более самостоятельный, непосредственный и ценный. Это, в подлинном смысле подснежник новой поэзии, подлинный поэт рабочей молодежи, поэт сегодняшнего дня. Конечно, Жаров, как дитя революции, запечатлел и свою колыбель: дни бунтующих гроз и отчаянной схватки со старым миром, но главное внимание перенес все-таки на будничные нужды революции.

В то же время Жаров охотно касается и личных тем: его лирические стихи о любви - хорошие стихи. В них нет ни малейшего намека на тень "крылатого Эроса", отравляющего творчество многих комсомольских писателей и поэтов. У Жарова - только здоровое, немного мягкое, но отнюдь не сентиментальное ощущение молодости.

По тому же, приблизительно, руслу течет поэтическое развитие А.Безыменского, наиболее талантливого в группе "Октябрь" поэта. На творчестве Безыменского, как и на творчестве Жарова, только в форме более заметной и значительной, лежит тень Маяковского. Однако, Безыменский (мы не отрицаем его самобытности) решительно освобождается от влияния Маяковского, обращаясь к богатейшим классическим родникам.

Безыменский - уже поэт, рожденный революцией и органически слитый с ней. Книжка Безыменского "Как пахнет жизнь" и напечатанная пока в "Молодой гвардии" (№1, 1924 г.) большая поэма "Комсомолия" являются лучшими поэтическими подарками классу - победителю и его путеводительни-

це - РКП.

Безыменский - революционер, коммунист. В партию, а через партию - в революцию он пророс крепко иочно. "Ношу партбилет не в кармане - в себе"... И как широко, как глубоко осознана в творчестве Безыменского революция! Поэт, кстати, грешащий излишним и, думается, намеренным пуританизмом, зарисовывает самые обычные, самые "прозаические" вещи: шапку, полученную по ордеру ЦК, валенки, в которых он - на страх врагам! - явился в Большой театр и т.д., но эти вещи он умеет одухотворить, влить в них живую музыку и ритм содержания, придать большую значимость и силу. Поколение Октября (Комсомол), призванное прокладывать шоссе и рельсы социализма, отражается в молодом и сильном творчестве Безыменского в первую очередь именно как подрастающий, крепнувший и мужающий боец и строитель.

Безыменский еще только начинает свой творческий путь. Безыменскому - большому поэту - надо быть особенно внимательным, вдумчивым и пытливым. Высказанное выше положение о недостаточной творческой познавательности поэтов "Октября" относится и к Безыменскому.

Второй, и притом более значительной литературно-пролетарской, группой является "Кузница".

Но между "Кузней" и "Октябрем" опять-таки находятся поэтическая, весьма своеобразная, прослойка. Это - группа поэтов, или объединенных в кружке "Молодая гвардия", или просто балансирующая между отдельными объединениями и школами. Поэты, составляющие группу "Молодой гвардии" - Михаил Голодный, М. Светлов, А. Ясный, Ник. Кузнецов и др. - находятся еще в возрасте переходном от творчества к юношеству, но уже и теперь довольно ярко и заметно обрисовывают свое лицо. Все они (в большинстве) воспитываются на классических заветах и много работают над собой. Наиболее значителен из них Мих. Голодный. Значителен и совсем еще молодой Яков Шведов. В стихах Як. Шведова - заводского подростка - много подлинного чувства и непосредственности

ощущений.

Из поэтов "Кузницы" самый значительный - Василий Казин, один из наиболее значительных поэтов нашей эпохи. В лице Василия Казина мы имеем образец ново - лирического, исключительно-лирического поэта. В.Казин - не каменщик и не землекоп слова. В кузницу слова он пришел, как мудрый, созерцательный пчеловод.

Бытовые условия, созданные революцией начало поэзии Казина. Труд - начало бытовых начал - родник его творчества. Его стихи о труде - прямое следствие глубокой веры в труд, как творческую основу жизни, - напоминают теплые, тихие молитвословия. В них не только мягкая любовь, но и влюбленная свежесть, и нежная ласковость.

Осмысленность труда, трудовая восторженность - творческая первооснова поэзии В.Казина. Но она - исток другой, не менее характерной для Казина, особенности его творчества: радости бытия, вечносущего света земли, хмельной ликующей солнечности. Солнцем, розовым солнцем, солнцем - сплавом жизнетворящей радости не только овеяна, но и насквозь пронизана поэзия В.Казина. В.Казин - поэт солнечного труда. Солнце и вечный его спутник - ветер неизменные спутники поэтического пути В.Казина.

Но если солнечность В. Казина проистекает из трудовой осмысленности его поэзии, то та же солнечность служит истоком новой и логически необходимой стороны его творчества - мягкой созерцательности, опьянения, сладостной лени.

Но та же созерцательность грозит и отрывом от земли, и бессознательным растворением в глубоком просторе неба, т.е. потерей активоспособности и созидательно-творческой силы. Не случайно, что Казин, прошедший мимо сурового Октября, пришел непосредственно к веселому маю, и, притом, к маюшкопряду, а не знаменосцу будущих мировых восстаний.

Поэзия Казина - чудесный венок рабочей лирики, но в этом венке, если присмотреться более внимательно, наряду с сочными благоухающими цветами вплетены и другие, более хрупкие, более ломкие цветы. И если эти цветы из того же,

перепаханного стальным трактором, чернозема, то они все же напоминают тихую теплицу прошлого.

О "радостных светлицах" нового быта, о их каменотесах и плотниках должен петь поэт. Для этого у Казина все данные и все возможности. Он - самый талантливый из поэтов, выпавленный в суровом огне революции. И если со стороны содержания поэзия его носит еще легкую тень неопределенности, то со стороны формы, со стороны звуковой она и теперь почти уже совершенна. Стих Казина одуванчиво-легок, музыкально-строен, вдумчиво-отгравирован и солнечно-прост.

В.Казин - от поэтов-классиков, знамя которых - певучее легкое имя: Пушкин.

Другой, наиболее значительный, поэт, "Кузницы" - В.Александровский. Стих Александровского (внешне очень простой и певучий) внутренне-стремителен и силен. Александровский, берая обыденные, будничные темы, умеет облечь их стальным панцирем революционного содержания и смысла. Далекий от всяческих туманностей и отвлеченностей (будь то одухотворение природы или планетарная ширь заводской мистики) - Александровский все более и более становится поэтом - реалистом, поэтом, тонко изучающим и отображающим жизнь. Александровский отображает в звенящих глубинах своего творчества и странника-старика, отдыхающего на пороге деревенской кузни, и скорбную соседку-прачку, у которой умерла 4-х летняя дочь, и смуглую, перезвивающую древними монистами кочевых предков, цыганку - вечернюю гостью пивной. Он подлинный поэт: создаваемый им рисунок не просто слепок, но слепок, излучающий тончайшую светотень своего живого двойника.

Дальше - Герасимов, Филиппченко и Кириллов. Значительность этих поэтов, конечно, нестриаема, но размеры их дарований уже более ограниченны и скромны. Герасимов - поэт со здоровой рабочей психикой - несколько неустойчив. Планируя между классицизмом и футуризмом, он отчасти тяжеловесен, угловат, бесформен. Зеленая ветвь рифмы перемежается у него с каменными обломками неотшлифованных бессозвучий, а реалистически-вдумчивый подход к вещам и

явлениям - "электромистикой", неубедительной и расплывчатой идеализацией машины, заслоняющей живую жизнь и живого человека. То же - и притом в форме более сгущенной - и в творчестве Филиппченко. Филиппченко, в ранних стихах которого много здоровой земной радости и страстной, полузвериной силы, в последнее время определенно избегает земли и живого человека, обращаясь исключительно к космизму, планетарности и стихийности. Конечно, его "планетарность" соприкасается, в конце концов, с реалистической почвой революции, но все же, революция, как стихийное бытовое перерождение, как будничная борьба за праздничное завтра, у Филиппченко остается в тени. Формально Филиппченко, как и Герасимов, очень тяжеловесен и неуклюж, а часто и решительно неудобочитаем.

В его стихах, кстати, всегда волнующих и сильных, нехватает той внутренней целемузыкальности, которая придает им законченность, и полновесность, и стройность. В. Кириллов, как и Александровский, идет путем реализма. Однако, Кириллов менее лиричен (в старом, привычном смысле). Стихи Кириллова - и в этом их преимущество - неизменно искренни и теплы. В последнее время Кириллов переходит к наиболее трудной, но и более полноценной форме поэтического творчества - к поэме.

Остальные поэты "Кузницы" (С.Обрадович, Н.Полетаев, Г.Санников) находятся еще в поре ученичества и первичного мастерства. Обрадович, однако, поэт уже установившийся и цельный. Его стихи - он по преимуществу лирик - пахнут подлинной трудовой жизнью. Ник.Полетаев (тоже преимущественно лирик) менее опытен, менее изощрен в стихотворной технике, менее самобытен. Притом на его творчестве лежит смузная печать усталости и грусти. Полетаеву надо ближе подойти к творчески-революционной массе.

Поэтическое развитие Г.Санникова идет странными путями. Начав с вдумчивых трудовых песенок (напомним его "Кукушку"), поэт быстро свернулся в сторону все той же революционно-планетарной невежественности и туманности. Стихи Санникова не только напоминают лирическую прозу, но, и

это главное, лишены своего основного бienia: живости и жизненности.

В общем же "Кузница" - одна из значительных поэтических школ современности. Поэты, объединенные в "Кузнице", в большинстве настоящие дети рабочего класса: они срослись с ним не только в процессе уже победившей революции, но в периоде накопления ее динамических, наступательных сил. Оттого, несмотря на ошибки и промахи, в творчестве "кузнецов" ощущается и горючий запах машинного масла и ветреный трепет станков, и серебряный удар молота, и ковыльный пух приводного ремня.

"Кузница" - и в этом ее отличие от "Октября" - далека от агит-плакатности; она рассматривает революцию и ее быт во всей их многообразности и ширине пытливым взглядом подлинного поэта. Поэзия революции, т.-е. новая (если хотите: пролетарская), начинается с "Кузницы".

Таков - далеко, далеко неполный - перечень современных поэтических школ и их живого состава. Поэтических школ и направлений, не заслуживающих не только разбора, но и упоминания, еще очень много.

Если продолжать анализ революционной поэзии, то придется бы остановиться на целом ряде ("Рабочая весна", "Суриковский кружок" и т.д.) незначительных, но не лишенных своеобразия, группочек. Несмотря на общее однообразие этих группочек, в них все же можно натолкнуться на отдельные, обещающие таланты. Так например, нельзя пройти мимо В. Наседкина, быстро растущего и крепко формулирующегося рабоче-крестьянского поэта.

Если взять промежуточную между новой и старой, угасающей поэзией плоскость - экспрессионизм, блокомиз, люминизм, "Ничевоки", формализм, неоклассицизм, фуизм и проч. и проч., здесь уже нет не только талантливых, но и просто способных поэтов. Если часть этих школ еще жива, то все же находится в процессе смертельной агонии. У них нет ни корней, ни истоков.

Наконец, если возвратиться к умирающему символизму, то здесь найдем немало его запоздалых эпигонов, по своему

замечательных и интересных. Среди них стоит остановить внимание на Всеволоде Ходасевиче, Всеволоде Рождественском, Георгии Иванове, Ирине Одоевцевой, Марии Шкапской. Часть из них, особенно Шкапская и Ходасевич, - талантливы.

Но их талантливость (или, лучше: талантливая подражательность) уже не может увлекать и трогать: в них нет той непосредственной силы, которая жемчужным ключом била в творчестве Блока, нет, наконец, и той голубиной мягкости, которой овеяно творчество Анны Ахматовой. Обреченные на "вневременность", все эти поэты постепенно отходят в прошлое.

Новое время требует новых песен.

Говоря о новой поэзии, нельзя не отметить стоящего решительно вне всяких школ и направлений, Демьяна Бедного.

Заслуга Демьяна Бедного в том, что он, генеологически произрастаая от Некрасова, сумел придать поэзии великую простоту и, следовательно, общенародность. Демьян Бедный - подлинный народный поэт, ибо Д.Бедного читают широчайшие трудовые массы.

Мастерские, то плавно-мягкие, то заостренно-колючие стихи Д.Бедного сплетены из действительных звуков и запахов революции. Словно ржаной сноп - из спелых, тяжелых колосьев.

Искусство (в том числе и поэзия) всегда служит определенным целям и определенному классу. Д.Бедный не скрывает этого: он, наоборот, гордится тем, что его творчество целиком отдано классу - завоевателю и его общемировому делу. Революция - единственная, "вдохновляющая" Д.Бедного сила. Д.Бедный - единственный, по своеобразной целостности и законченности, поэт революции. Будущий историк начнет поэтическое изучение революции прежде всего именно с Д.Бедного. В Д.Бедном соединены лучшие черты поэта - т р и б у н а: острота взгляда, познавательная глубина изображения, лукавая, а иногда и сокрушающая, насмешливость и огромная, как исполинский молот, сила.

***

Русская революция, перепахав и перекорчевав вековые устои быта, разрушила и тростниковый домик старого искусства, - и, в первую очередь, девичью светелку поэзии. Революция явилась для старой поэзии великим искусством, обесценившим и переоценившим ее сущность и значимость.

Т.н. свободного искусства, "искусства для искусства" - не существует. Всякое искусство, в том числе и поэзия - его наиболее восприимчивая и "хрупкая" область, имеет свою классовую подпочву, отражая через переживания и чувствования отдельного человека чувствования и переживания определенной общественной группировки. Поэзия, как и всякое искусство, отражает (и выражает) жизнь и быт того или иного класса, расцветая с его производственно - материальным расцветом и умирая вместе с его общественным падением и смертью. Пример русской пролетарской революции доказал это с неоспоримейшей и убедительной ясностью. Старая поэзия (символизм, акмеизм и т.д.), целиком принадлежащая старому миру угасает: она - только бледное эхо сгорающего вчерашнего дня. Революция, опрокинувшая вековой быт, требует новых песен; создать их могут лишь свои, революцией рожденные, поэты. Будучи родным сыном старого мира, поэт - даже при условии безукоризненной искренности - отражает в своем творчестве новую эпоху лишь частично, главным образом, с ее внешне - героической стороны. Ал.Блок, мучительно чувствовавший в революции стихийное рождение неведомого, но ослепительного будущего, в своей поэме "Двенадцать" запечатлел лишь пьяную удаль первичного революционного взрыва. Поэма Блока, как и творчество эпигонах символизма, посвященное революции, представляет попытку (в большинстве неудачную) осознания грядущей новой эпохи.

Творчество футуристов, поэтов, переросших старый мир, и стихийно взросших в Октябрь, уже значительно дальше от "осознания" и "наблюдательности" революции. Футуризм, особенно в героические годы гражданской войны, был стихийным отражением стремителной ломки прошлого, звенящим

отголоском гигантского грома, сопровождающего эпоху великих - во имя будущего - разрушений. Заслуги футуризма, как плакатного, агитационного и, в известное время, важнейшего искусства, очень велики. Немаловажны значение и заслуги футуризма и в области производственно-поэтической. Футуризм, бунтуя против узаконенных форм причесанного стиха, против его традиционной внутренней сути, дал в своем творчестве образцовый пример новых, непривычных для глаза и слуха, словообразований, а - наряду с ними - и бурлящую динамику содержания. Но футуризму не хватает познавательной глубины: наступившие вслед за эпохой бури и гроз годы будничного социалистического строительства, годы бытовой (и очень медленной) переплавки не находят, или почти не находят, своего отображения в футуристическом творчестве. Стихийное бунтарство - основная сущность футуризма - не мирится очевидно с эпохой "малых дел"! Полоса "малых" (а на самом деле грандиозных) дел требует от поэта кроме лабораторной зоркости, тончайшей восприимчивости и изучающей наблюдательности, с чем не мирится футуризм и крепчайший, органической срошенности с революцией. Футуризм же своими корнями все же уходит в интеллигентское - хотя бы и бунтующее - прошлое. Разумеется, футуризм, как крепкая, вковавшаяся в революцию, литературная школа, останется, но кризис, переживаемый им в настоящее время, не случаен. Попытка ближе, теснее подойти к широким трудовым массам означала бы, вероятно, новый благотворный этап его творчества.

Новое время требует новых песен. Пролетарская поэзия, возникшая вслед за Октябрем, является богатейшим завоеванием революции. Конечно, пролетарская поэзия находится еще в периоде первоначального формирования и роста ("накопления"), но и то, что она дала за шесть лет войдет в историю новой поэзии, как ее необходимое составное слагаемое.

Большинство из современных поэтических школ и группировок, в той или иной степени являющихся отблеском догорающего заката старой поэзии, недолговечно. За пролетарской поэзией - будущее. Перед пролетарской поэзией - огром-

нейшие цели и задачи; отражение нового быта формирующегося в условиях этого быта человека. Мы уже имеем пролетарских (или, лучше, новых) поэтов, в творчестве которых отражены и живые, созидающие новую эпоху, люди (Безыменский), и - люди, по-новому - своими глазами, т.-е. глазами людей новой эпохи, воспринимающие жизнь во всей ее разносторонности и многосложности (лирика Казина, отчасти Жарова и др.).

У нас нет никаких оснований опасаться за будущее новой поэзии - она безостановочно закаляется и крепнет.

Стремясь к всестороннему охвату современности - облекая свою внутреннюю суть в формы, унаследованные от старых, классических мастеров, новая поэзия пойдет по путям непрерывного и богатейшего расцвета.

Ник. Смирнов

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ Н.П.СМИРНОВА В ГАЗЕТЕ "РУССКИЕ НОВОСТИ" (ПАРИЖ)*

Составитель Л.А.Шлычков

1961г.

№ 839 (30 июня). С. 4. Москва музыкальная. (О музыкальном сезоне в столице). - Начало.

№ 843 (28 июля). С.4. Русское слово: Рассказы. (На ночном пароходе. Час вечерней тишины. Ласточки. В лунном свете. Белый налив).

№ 846 (18 авг.). С. 6-7. Москва музыкальная. - Окончание.

№ 847 (25 авг.). С. 4. Русское лето: Короткие рассказы. (Синий медведь. Древняя чаша. В теплом поле).

Там же. С. 4-5. С.П ? Неугомонный жизнелюбец. (К 100-летию со дня рождения К. Коровина).

№ 850 (18 сент.). С. 4. Синяя Волга, белый пароход: Очерк. - Начало.

№ 851(22 сент.). С. 4. Синяя Волга, белый пароход: Очерк. - Окончание.

№ 859 (17 нояб.). С. 4-5. Бунин на Родине. "Темные аллеи". (Критический разбор).

№ 861 (1 дек.). С. 4. Уснувшие дубравы: Короткие рассказы. (Без названия. Гусь пошел. Тропический блеск. Голос Шаляпина. Запахи осени. Предзимье).

1962г.

№ 871 (9 февр.) С. 4. Осенние листья: Рассказы. (Опустевшие дачи. Голубая птица. Василек).

* Полное имя Н.Смирнов опускается. Псевдонимы указываются. В случае сомнения в авторстве, ставится знак вопроса.

№ 878 (30 марта). С. 4. Рахманинов-музыкант. (По книге "Воспоминания о Рахманинове", Изд, 2-е доп. - М.: Музгиз, 1961).

№ 882 (27 апр.). С. 3. Весна: Короткие рассказы. (Первая рама. По насту. Лед пошел. Радуга-юность).

№ 889 (15 июня). С. 4-5. Скитания певца. (К 5-летию смерти А.Н. Вертиńskiego).

№ 903 (21 сент.). С. 5. Перечитывая Анну Бунину.

№ 905 (2 нояб.). С. 2-3. Красавица Ока: Очерк.

№ 917 (28 дек.). С. 1. "А ямщик погоняет коней": Рассказ.

1963г.

№ 920 (18 янв.). С. 4. Были ушедшего мира: Рассказы. (Бессарабия. Первая любовь. Сорочье чучело).

№ 922 (1 февр.). С. 7. Американский хоральный ансамбль в Москве.

№ 924 (15 февр.). С. 5. Мороз и солнце: Рассказы. (Снег выпал. Серебряный воевода. Выстрел на заре. За умчавшейся тройкой во след...).

№ 928 (15 марта). С. 4. "Охотник за собственной душой". (К 90-летию со дня рождения М. Пришвина).

№ 938 (24 мая). С. 4. Новое о Толстом. (По поводу выхода в свет 69 тома "Литературного наследства").

№ 944 (5 июля). С. 4. Тот уголок земли: Рассказ. (Из книги "В поисках Китежа"). - Начало.

№ 945 (12 июля). С. 4. Тот уголок земли: Рассказ. — Окончание.

№ 948 (2 авг.). С. 5. Из записной книжки. (И.А. Бунин по рассказам Н.А. Пущенникова).

№ 950 (16 авг.). С. 4. История одной дружбы: С.В.Рахманинов - И.А.Бунин. (По поводу книги: С.В. Рахманинов. Письма. (1890-1943). - М.: Музгиз, 1955).

№ 961 (1 нояб.). С. 4. Ленинградские записи: Очерки. (По следам великого горя. В тишине некрополя).

№ 964 (22 нояб.). С. 5. Ветер с моря: Очерки. (Петергофские фонтаны. "Пенаты". Маленькая Сольвейг. Волны).

№ 966 (6 дек.). С. 5. Скитаясь в осеннем лесу: Рассказы.

(Новолуние. Бессмертная память. Радость красок. Грибное время).

1964г.

№ 970 (3 янв.). С. 1-2. Зимние рассказы. (Снегом запахло. Заволжские горы. Лукавая огневка).

№ 974 (3 янв.). С. 4. Думая о Бунине. (В мировых категориях. Панорама старой деревни. Из рода Азров). - Начало.

№ 975 (7 февр.). С. 4-5. Думая о Бунине. (Легкое дыхание. Под осенним кленом). - Окончание.

№ 981 (20 марта). С. 5. Прощеный день: Рассказ.

№ 984 (10 апр.). С. 4. Признательные строки. (К трехлетию со дня смерти В.Н. Буниной).

№ 986 (24 апр.). С. 4. Двадцатые годы: Из записной книжки. (Есенин. Маяковский. Качалов. Выступает Андрей Белый. Литературный бутерброд Асеева).

№ 988 (8 мая). С. 4. Половодье: Рассказ.

№ 994 (26 июня). С. 5. Под сенью России: Рассказы. (Имени твоему. Дуб распускается. Молодая черемуха. Светлое лето. Птица-флейта. Запах полыни).

№ 996 (17 июля). С. 5-6. "Парсуну" Ивана Грозного. (Работа М.М.Герасимова по восстановлению облика Ивана Грозного).

№ 1000 (14 авг.). С. 5. Летний простор: Очерки. (Дремучий лес. Заря зарю встречает).

№ 1002 (28 авг.). С. 6-7. Огни сквозь дождь: Рассказы. (Стрижи улетели. Рыжик полез. Листья падают. Огни сквозь дождь).

№ 1010 (23 окт.). С. 4. Композитор, дирижер, исполнитель. (О новой книге о жизни и труде С.В.Рахманинова).

№ 1012 (6 нояб.). С. 5. Лесная малина: Рассказ.

№ 1016 (4 дек.). С. 4-5. Возобновляя старый спор: Где, когда и кем написано "Слово о полку Игореве". (О новых гипотезах советских ученых).

1965г.

№ 1020 (1 янв.). С. 1. Елка пожаловала...: Рассказ.

№ 1026 (12 февр.). С. 4. Осенние заметки: Рассказы. (Вечный зов. Цветные карандаши. Переклик с журавлями. Мамонт).

Образ зимы.)

№ 1030 (12 марта). С. 5. Н.П. Бунин на Родине. (Об издании книг Бунина, о театральных постановках по Бунину).

№ 1036 (23 апр.). С. 6. Цветоносное Воскресенье. (Об обряде Вербного воскресенья на Руси).

№ 1041 (28 мая). С. 5. Памяти поэта. (Последний путь. Пастернак - патриот.): Из записной книжки. (К 5-летию со дня смерти Б.Л. Пастернака).

№ 1043 (11 июня). С. 5. Подснежники: Рассказы. (Грачи прилетели. Любимое имя. Подснежники. Бессмертие).

№ 1052 (13 авг.). С. 6-7. Алиса Коонен: Театральный портрет. (К 50-летию Камерного театра).

№ 1054 (27 авг.). С. 4. Последний романтик. (К 100-летию со дня рождения Аполлона Григорьева).

№ 1063 (12 нояб.). С. 5. Сон королевы. (О книге: Записки дочери императора Николая I Великой княгини Ольги Николаевны, королевы Вюртенбергской).

№ 1065 (12 нояб.). С. 5. У гроба Есенина. (Воспоминания о похоронах поэта).

№ 1066 (19 нояб.). С. 5. Осень в русском лесу: Заметки охотника.

№ 1072 (31 дек.). С. 1, 4. Русская роза: Праздничные рассказы. (Юная зима . Саннй путь. Пороша. Русская роза).

1966г.

№ 1073 (7 янв.). С. 4. Вьюгин С. Бунин на Родине . (Новое собрание сочинений Бунина. Бунин о своем творчестве).

№ 1078 (11 февр.). С. 4-5. Рассказы о животных. (Маленькая жизнь. Глаза ягуара. Штурман и волки. Зима, лес, ночь... На морозном рассвете).

№ 1085 (1 апр.). С. 5. Бушует полая вода...: Рассказы. (По воде на полозьях. Перед Пасхой. Березовая ветка. Потерянный привал).

№ 1088 (22 апр.). С. 5. Пастернак в письмах. (По поводу публикации: "Край, ставший мне второй родиной". Письма Б.Пастернака к грузинским писателям // Вопросы литературы. 1966. № 1. С. 166-200).

№ 1091 (13 мая). С. 5. Вьюгин С. Бунин на Родине. (Обзор

литературы о Бунине и рецензии на: 1) Руднев Ф. Бунинские места // Подъем (Воронеж). 1965. № 5. 2) Сухомлин В. Гитлеровцы в Париже // Новый мир. 1965. №№ 11,12).

№ 1105 (19 авг.). С. 4-5. Золотой Плес. (Отрывки из повести "Золотой Плес": Буян-остров. Лунные ночи).

№ 1110 (23 авг.). С. 5. Ткач узорных слов. (К 100-летию рождения Вячеслава Иванова).

№ 1111 (30 сент.). С. 4. Дорожные записи. (На родине Есенина. Пропетое камнем).

№ 1118 (18 нояб.). С. 4. Памятная осень: Рассказ.

№ 1122 (16 дек.). С. 4. В тереме расписном: Рассказ.

№ 1123 (23 дек.). С. 4, 6. Праздничные рассказы. (Волшебный календарь. Морозный вечер. На ночь глядя).

1967г.

№ 1128 (27 янв.). С. 4. Древнее - вечное. (Рецензия на "Труды отдела древнерусской литературы АН СССР").

№ 1133 (3 марта). С. 4. Тишина и снег: Главы из повести "Золотой Плес".

№ 1137 (31 марта). С. 4. Сумерки года: Рассказы. (Осень на велосипеде. Видеть и слышать. Осенний дар. На ущербе. Ночное небо. Призрак Альп. Грибной дождь).

№ 1140 (21 апр.). С. 4. Далекое-незабытое: Рассказ.

№ 1142 (5 мая). С. 4. Из рассказов о Бунине. (Со слов Н.Я.Рощина).

№ 1143 (12 мая). С. 5. "Короткие рассказы" И.А.Бунина.

№ 1145 (26 мая). С. 5. К.Г.Паустовский. (К 75-летию со дня рождения).

№ 1151 (7 июля). С. 5. Вьюгин С. Бунин на Родине. "Годы" В.В.Шульгина. Страницы из жизни Алисы Коонен. Спор продолжается. (О времени создания "Слова о полку Игореве").

№ 1152 (24 июля). С. 5. Предисловие к публикации последнего рассказа Н.Н.Зарудина "Чувство жизни".

№ 1154 (28 июля). С. 4. Воспоминания о Н.Н. Зарудине.

№ 1158 (25 авг.). С. 5. Вьюгин С. Экзистенциализм в России. (Рецензия на сборник "Современный экзистенциализм: Критические очерки").

Там же. Театральные вечера. (Рецензия.)

№ 1160 (8 сент.). С. 4. Русская древность: Раздумья писателя.

№ 1162 (22 сент.). С. 3. Советская критика о Бунине.

№ 1172 (1 дек.). С. 4. Ал. Констант. Толстой. (К 150-летию со дня рождения).

№ 1173 (8 дек.). С. 4. Благодарный поклон. (К 60-летию рождения Д.С.Лихачева).

№ 1176 (29 дек.). С. 1, 4. Рассказы. (Отчий дом. Холодный вечер).

1968г.

№ 1177 (5 янв.). С. 3. Вечер памяти А.Вертинского.

№ 1186 (16 марта). С. 5. Рассказы (Листок из альбома. Август, плоды земные яблоки. Сущеные грибы).

№ 1189 (5 апр.). С. 2. Родина в творчестве С.В.Рахманинова. (К 90-летию со дня рождения и 25- летию со дня смерти).

№ 1193 (3 мая) Что вспомнилось: Охотничьи рассказы. (Истинный поэт. Облака-барашки. Чучела. Дураково поле. Русская красавица).

№ 1196 (7 июня). С. 7. Бессонные зори: Рассказ.

№ 1197 (14 июня). С. 4. "Бедная девочка". (О романе Вл. Набокова "Лолита").

Там же. С. 4-5. Вьюгин С. Артисты своего дела. (Рецензия на книгу: Богданов-Березовский В. Встречи. - М.: Искусство, 1967).

№ 1203 (26 июля). С. 4. Шпенглер и русские философы.

Там же. С.6. С ? "Фауст" Гуно в России.

№ 1204 (4 авг.). С. 2, 6. Последний могикан Британской империи. (Рецензия на книгу: Трухановский В.Г. Уинстон Черчиль: Политическая биография. - М.: Мысль, 1968).

№ 1205 (9 авг.). С. 5. Н.С. Русская красота. (Рецензия на сборник: "Культура древней Руси. - Л.: Просвещение, 1967. Под ред. Д.С. Лихачева).

№ 1206 (16 авг.). С. 4. Стихи Ирины Кнорринг. (Рецензия на кн. "Новые стихи". - Алма-Ата: "Жазуши", 1967).

№ 1207 (23 авг.). С. 7. Тайна града Китея. (Разбор легенды).

№ 1216 (25 окт.). С. 5. Бунин на Родине. (По поводу собрания сочинений И.А.Бунина в 9 томах. - М.: Худож. литература, 1965-1967).

№ 1219 (15 нояб.). С. 1-2. Перечитывая "Записки охотника". (В связи со 150- летием со дня рождения И.С.Тургенева).

Там же. С. 5. С ? Женщины в жизни Тургенева.

№ 1220 (22 нояб.). С. 5. Н? Пропавший роман. Смерть Рудина. (В связи со 150-летием И.С.Тургенева).

Там же. С. 4. Жизнь Адриенны Лекуврер. (По прочтении книги: Рыкова Н.Я. Адриенна Лекуврер. - Л.: Искусство, 1967). - Начало.

№ 1221 (29 нояб.). С. 4. Жизнь Адриенны Лекуврер. — Окончание.

№ 1223 (13 дек.). С. 5. Нетленная память. (По прочтении книги Зилоти В.П. В доме Третьякова. - Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954).

1969г.

№ 1225 (3 янв.). С. 1,4. Семиствольная береза: Рассказ.

Там же. С. 7. Бунин и Гюго. К прототипу героя "Митиной любви". Поправки к "Траве забвения": Литературные заметки.

№ 1230 (14 февр.). С. 6. Из новых рассказов. (Лось трубит. Бабье лето).

№ 1233 (7 марта). С. 4. Профили искусства. (Рецензия на главу "Поздняя новелла Бунина" в книге Иофьева М. "Профили искусства: литература, театр, живопись. эстрада, кино. - М.: Искусство, 1965).

№ 1234 (4 апр.). С. 5. Буниновед? Бунинская конференция в Ельце. (Религиозно-философские исследования Бунина. Бунин и русское декадентство. Ранняя проза Бунина. Лирическая проза Бунина. Широта диапазона. Рукописи Бунина. Бунин и Восток. Стиль Бунина).

№ 1235 (11 апр.). С. 4. Весенние рассказы. (Юность. Великая суббота. Старая книга. Грязовое утро).

№ 1236 (18 апр.). С. 5. "Писатель большого таланта и трагической судьбы". (В связи с 50-летием со дня смерти В.В.Розанова).

№ 1238 (20 июня). С. 5. Чьи это стихи? (Об авторе стихов "Легкая жизнь", приписываемых И.Бунину).

№ 1239 (27 июня). С. 5. Семигорский бор: Рассказ.

№ 1242 (19 сент.). С. 4. Новые книги о русском искусстве.

1970г.

№ 1247 (23 янв.). С. 2, 6. Александр Таиров. (Сокращенный вариант статьи, предназначенный для сборника.) - Начало.

№ 1248 (30 янв.). С. 4. Александр Таиров. - Окончание.

№ 1249 (6 февр.). С. 4. Рябчики: Очерк.

№ 1250 (13 февр.). С. 3,7. Столетие Бунина: Мысли перед будущим юбилеем.

№ 1252 (27 февр.), с. 5. О Пастернаке: Размышления и воспоминания. (К 80-летию со дня рождения). - Начало.

№ 1253 (6 марта). С. 4. О Пастернаке: Размышления и воспоминания. (К 80-летию со дня рождения). - Окончание.

№ 1255 (20 марта). С. 5. Огонь в очаге: Рассказы. (Родные холмы. Кленовые листья. Лесной карнавал. Последним рейсом. Ниццетою богатая осень).

№ 1257 (3 апр.). С. 5. А.Н. Толстой. (К 25-летию со дня смерти).

№ 1258 (10 апр.). С. 5-6. Старинные портреты. (По поводу прочтения книги: Раевский Н. Если заговорят портреты. - Алма-Ата: "Жазуши", 1965). - Начало.

№ 1259 (17 апр.). С. 5, 7. Старинные портреты. - Окончание.

№ 1262 (8 мая). С. 5. Раздумья писателя. (О техническом прогрессе).

№ 1264 (22 мая). С. 5. Наследница Рашили и Сары Бернар. (К 80-летию Алисы Георгиевны Коонен).

№ 1266 (5 июня). С. 5-6. Мастер-краснописец. (К 75-летию со дня смерти Н.С. Лескова).

№ 1268 (10 июня). С. 5-6. Через цветные стекла. (Перечитывая Пруста).

№ 1270 (3 июля). С. 4,6. О любви к отечеству. (К 750-летию со дня рождения Александра Невского).

№ 1272 (17 июля). С. 2-3. Фараоново племя. (Цыгане в истории и мировой литературе).

№ 1274 (31 июля). С. 5-6. Красота Родины. (К 110-летию рождения и 70-летию смерти И.И. Левитана).

№ 1276 (14 авг.). С. 5-6. О Вл. Соловьеве.(К 70-летию его смерти).

Материалы о Н. П. Смирнове и его творчестве в газете "Русские новости"

1967 г.

№ 1135 (17 марта). С. 5. Дедов А. Рассказы об охоте. (Рецензия на книгу Н.П.Смирнова "Осень" - М.: Физкультура и спорт, 1966).

1968г.

№ 1186 (16 марта). С. 5. Приветствие Н.П.Смирнову от редакции "Русских новостей" по случаю 70-летия.

Там же. С. 5. Кременской А. Художник, натуралист, охотник. (К 70-летию со дня рождения Н.П.Смирнова).

1969г.

№ 1244 (21 нояб.). С. 2. Шумаков Ю. Глазами охотника. (О творчестве Н.П.Смирнова и его книге "Золотой Плес". - М.: Сов. писатель, 1968).

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ Н.П. СМИРНОВА * В АЛЬМАНАХЕ "ОХОТНИЧЬИ ПРОСТОРЫ" И ЖУРНАЛЕ "ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО"

Составитель Л.А. Шлычков

Альманах "Охотничьи просторы".

Кн.1 (1950).

С.9-16. Охотничьи путешествия: Очерки.

Кн. 2 (1951).

Составитель. (Совместно с Е.Пермитиным).

С.29-47. Леса моей родины: Очерк.

Кн. 3 (1953).

С.189-197. Лето на Волге: Рассказ.

Кн. 4 (1954).

Составитель и член редколлегии.

С.137-144. Егерь Михал Михалыч. (Из воспоминаний о М.Пришвине).

Кн.5 (1955).

Составитель и член редколлегии.

С.3-4. От составителя.

С.331-354. Охотничьи портреты. (Н.А. Некрасов. С.Т.Аксаков, А.К.Толстой, И.С.Тургенев, Л.Н.Толстой, И.И.Левитан, М.М.Пришвин, А.С.Новиков-Прибой).

С.372-379. Н.Н.Толстой и его творчество.

Кн.6 (1956).

Составитель и член редколлегии.

С.3-4. От составителя.

* Полное имя Н.Смирнов опускается. Псевдонимы указываются. В случае сомнения в авторстве, ставится знак вопроса.

С.127-144. Дремучий бор. Рассказы. (Заря зарю встречает. Заграй. Дремучий бор. Подснежники. Лесные радости. Полынь). С.315-323. Образы прошлого. (О кн. А. В-ва "Четыре дня в деревне псового охотника; Е.Пракудина-Горского "Поездка в карачаевские болота"; Н.Фокина "Лето и осень").

Кн.7 (1957).

Составитель и член редколлегии.

С.99-111. Русская красавица: Рассказы.(Сыновнее. Зимняя сказка. Марево. Лукавая лисица. Цыганка Фрося. Незабудки. Осенние вечера. Цветы и листья. Под осенним кленом. Дрозды на рябинах. Русская красавица).

С.35. Рыльский М. Из записной книжки: Цикл стихов. (Перевод с украинского С.Вьюгина).

С.199-202. Вьюгин С. Охота в творчестве И.А.Бунина.

С.202-206. По страницам мемуаров. (Подборка материалов на темы: Л.Н.Толстой и охота; И.И.Мечников на охоте; И.И.Левитан - охотник).

Кн. 8 (1957).

Составитель и член редколлегии.

С. 95-102. Два рассказа: Рассказы.(Совершенный егерь. Листья падают).

С.254-262. О "Записках мелкотравчатого" и их авторе.

Кн. 9 (1958).

Член редколлегии.

С. 131-148. Вечерняя заря: Повесть.

С. 303-306. "Журнал охоты". К 100-летию со дня выхода.

Кн. 10 (1958).

Составитель и член редколлегии.

С.123-124. Вьюгин С. В kraю родном: Стихи.

С.267-269. Певцы родной природы. (И.С.Тургенев. С.В.Рахманинов).

Кн.11 (1958).

Составитель и член редколлегии.

С.61-110. Золотой Плес: Повесть. - Начало.

Кн.12 (1959).
Составитель и член редколлегии.
С.64-104. Золотой Плес: Повесть. — Продолжение.
С.105. Вьюгин С. Пора отлета: Стихи.
С. 327-331. А.Н.Формозов дважды художник. (К 60-летию со дня рождения).

Кн.13 (1959).

Член редколлегии, зам. редактора.

С. 80-111. Золотой Плес: Повесть. — Окончание.

Кн. 14 (1960).

Член редколлегии, зам. редактора.

С.44-50. Осенний свет: Очерк.

Кн. 15 (1960).

Член редколлегии, зам. редактора.

С.36-38. Вьюгин С. Охотничье детство: Маленькая поэма.

С.227-252. Охотничий язык как разновидность народной речи. (Доклад, прочитанный в Московском отделении Союза писателей СССР 21 декабря 1959 года).

Кн.16 (1962).

Член редколлегии, зам. редактора.

С. 78-80. Вьюгин С. Огни в темном поле: Стихи.

С.285-297. Певцы родной природы (И.А.Бунин, П.И.Чайковский).

Кн.17(1962).

Член редколлегии, зам. редактора

С. 27-34. Половодье: Рассказ.

Кн.18. (1962).

Член редколлегии, зам отв. редактора.

С. 18-19. Вьюгин С. Три стихотворения: Цикл стихов (Лебеди над разливом. Охотничьи болота. На пиру лесном).

С.47-51. Из рассказов о Пушкине.

Кн.19.(1963).

Член редколлегии, зам. отв. редактора.

С.46-51. В поле незнаемом. (Рассказ о предполагаемом авторе "Слова о полку Игореве").
С.74-75. Вьюгин С. Битва за любовь: Стихи.

Кн. 20 (1964).

Член редколлегии. зам. отв. редактора.
С.17-27. Старый лесничий: Рассказ.

Кн. 21 (1965).

С.82-92. Радуга- юность: Рассказы.
С. 239-240. Ласточка за окном. (Рецензия на книгу Дм. Зуева "Времена года"). В соавторстве с Е.Пермитиным.

Кн. 22 (1965).

Член редколлегии, зам. отв. редактора.
С. 4. Вьюгин С. Как в отчим доме: Стихи.
С. 37-44. Косачи: Рассказ. (Из цикла "Любимые птицы").
С.170-173. А.К.Толстой - поэт и охотник.

Кн. 23 (1965).

Член редколлегии, зам. отв. редактора.
С.19-29. Вальдшнепы: Рассказ. (Из цикла "Любимые птицы").
С. 235. Цветок в роце.(О книге З. Лихачевой "Инута". — М.: Молодая гвардия, 1964).

Кн.24 (1966).

Член редколлегии, зам. отв. редактора.
С. 31-39. Степной охотник. (Из воспоминаний о В.Правдухине).

Кн. 25 (1967).

Член редколлегии, зам. отв. редактора.
С. 7-56. Охотничья проза и поэзия за 50 лет.
С. 101. Вьюгин С. Осенние радости: Стихи.

Кн. 26 (1969).

Член редколлегии, зам. отв. редактора.
С.33-42 .Русак: Рассказ.
С.200-201. Кукушка или чибис? (О толковании слова "зег-

зица" в "Слове о полку Игореве").

С. 202- 203. Новое о Толстом-охотнике.

Кн. 27 (1969).

Член редколлегии.
С.33-40. Крякушки: Очерк. (Из цикла "Любимые птицы").
С. 156 -161. Дмитрий Зуев. (Творческий портрет).

Кн. 28 (1970).

Член редколлегии.
С. 34-40. Дупелиные болота: Рассказ.

Кн. 29 (1972).

Член редколлегии.
С.25-29. Осенний узор: Рассказы. (Было б сердце молодо...
Родные холмы. Лесной карнавал. Багряная добыча).

Кн. 30 (1973).

Член редколлегии.
С.68-73. Два рассказа. (В долине трех ручьев. Сумраки
оврага).

Кн. 31 (1974).

Член редколлегии.
Кн.32 (1975).
Член редколлегии.
С. 33-34. Первое ружье: Рассказ.

Кн. 33 (1976).

Член редколлегии.

Кн. 34 (1977).

Член редколлегии.
Кн. 35 (1978).

Член редколлегии.
С. 146-148. Вступительная статья к публикации:"Из
дневника Александра Формозова".

Кн. 1 (1994).

С. 15-17. Костры и зори: Рассказ. (Перепечатка из кн.: Своим
следом. - МТП, 1934.

Журнал "Охота и охотничье хозяйство"

1955

№1. С.60. На просторах Родины. (О И. Соколове-Микитове по поводу выхода в свет его сборника избранных произведений).

1956

№8. С.53. Природа и охота. (Рецензия на книгу Дм. Зуева "Времена года". — М.: Московский рабочий, 1956).

1957.

№ 3. С. 52-54. Охота и охотники: Рассказы. (Последние дни осени. Охотничий рог). Илл. В. Шлепнева.

С. 58. Н.С. О птицах и зверях (Рецензия на кн. М.Д. Зверева "О птицах и зверях нашей родины". — М.: Учпедгиз, 1956).

№ 8. С. 58. Охота, путешествия, приключения. (Рецензия на кн. Гр. Федосеева "Мы идем по восточному Саяну" и "В тисках Джунгара").

№ 9. С. 55. Вьюгин С. Три стихотворения: Цикл стихов. (Мечта охотника. По вальдшнепам. На привале).

№ 11. С. 53. Поздняя осень: Очерк.

№ 12. С. 56-59. Советская охотничья литература. (В соавторстве с Е. Пермитиным).

1958

№ 1. С. 42-44. Первый русский охотничий журнал. (К 100-летию со дня выхода в свет "Журнала охоты").

№ 2. С. 44. О "Записках мелкотравчатого" Е.Э.Дриянского.

№ 3. С. 62-65. Родина: Рассказ.

№ 9. С. 41-45. Писатели-охотники. (Л.Н.Толстой, И.С.Тургенев).

№ 11. С. 49-51. В двадцатом году: Рассказы. (По заячьему следу. Осенний вечер).

1959

№ 1. С. 44. М.М.Пришвин - охотник. (К 5-летию со дня смерти).

№ 6. С. 48-49. С.Т.Аксаков как охотничий писатель.

№ 11. С.50-51. Рябчики: Рассказ.

1960.

№ 3. С. 46. Вьюгин С. На охоте: Стихи.

№ 11. С. 49-50. Рассказы. (Дорогая горжетка. Бесхвостая лиса. Трудовой хлеб). Илл. А. Маринского.

1961

№ 1. С.51. Охотничьи костры: Стихи. (Посвящены Е.Н.Пермитину в день 65-летия).

1962.

№ 8. С. 49-51. В долине трех ручьев: Рассказ. Илл. Н.Строгановой и М. Алексеевой.

№ 9. С. 53-54. Заметки об охотничьей литературе. (В соавторстве с Е.Пермитиным).

№ 12. С.51. Литературные заметки. (О книге "Записки охотника" И.С.Тургенева и "Записки охотника Оренбургской губернии" С.Т.Аксакова). В соавторстве с Е.Пермитиным.

1963.

№ 2. С. 52-54. Охота и творчество. (К 90-летию со дня рождения М.М.Пришвина).

№ 4. С. 52. Вьюгин С. Тетеревиная любовь: Стихи.

№ 11. С.56-57. Перечитывая и вспоминая Зворыкина. (К 90-летию со дня рождения).

1964.

№ 2. С.32. Вьюгин С. Слышился песня: Стихи. Илл. А. Сатина.

№ 4. С.38-39. Рассказы. (Русский охотник. Грибное время).

№ 5. С. 47-48. Охота и литература. (В соавторстве с Е.Пермитиным).

№ 9. С. 34-36. На мордовских озерах: Очерк. Илл. И.Михайлина.

1965.

№ 1. С.51-52. Охотничья художественная литература в 1964г. (В соавторстве с Е.Пермитиным).

№ 10. С.52-53. Охотничьи раздумья: Очерк. —Начало. (В

соавторстве с Е.Пермитиным).

№ 11. С.30-32. Охотничьи раздумья: Очерк. Окончание. (В соавторстве Е.Пермитиным).

1966.

№ 4. С.36. Вьюгин С. Весенний праздник: Стихи.

№ 5. С. 33-36. Рассказы. (В островах охотник. Красногоны. Чучело глухаря). Илл. П.Карабченцова.

С. 39. Без подписи. Предисловие к публикации цикла стихов И. Бунина.

№ 9. С. 32-34. Цветные карандаши: Новеллы. (Ночью, после охоты. Переклик с журавлями. Молдарей. Ворожба). Илл. А.Орлова.

С. 34. Вьюгин С. Белковье: Стихи.

№ 11. С. 36-37. Золотой Плес: Очерк.

№ 12. С.33. Библиофил ? Аксаков в "Журнале охоты". Мал золотник... (О кн. С.Любецкого "Взгляд на охоту").

1967

№ 3. С. 36-38. В чистом поле на просторе...: Рассказ. Илл. П.Карабченцова.

№ 7. С. 34-35. Советская охотничья проза за 50 лет. (Краткий вариант статьи, напечатанной в №25 альманаха "Охотничьи просторы"). - Начало.

№ 8. С.36-37. Советская охотничья проза за 50 лет. - Окончание.

№ 11. С.36-38. Робинзоны в русском лесу: Рассказ. Илл. В.Трофимова.

№ 12. С. 34. Трактат о грибах. (Рецензия на публикацию в журнале "Наука и жизнь" книги В. Солоухина "Третья охота").

1968

№ 1. С.35. Охота в творчестве Н.А. Некрасова. (К 90-летию со дня смерти).

№ 2. С. 34-36. Слово об охоте. (В соавторстве с Е.Пермитиным).

№ 3. С. 34-36. Из новых рассказов. (Теплые зори. Хорошо шагать по земле. В ледяном сне). Илл. А. Сашина.

№ 8. С. 32-34. Глухарь - птица древности: Очерк. Илл. А.Сашина.

№ 10. С. 40-41. Алмазный язык. (Памяти К. Паустовского).

№11. С.34-36. Тургенев-охотник. (К 150-летию со дня рождения).

№ 12. С. 34-35. Старый добрый волшебник. (К 150-летию со дня рождения Майн Рида).

1969

№ 3. С. 38-40. За что я люблю охоту: Очерк. - Начало.

№ 4. С.38-41. За что я люблю охоту: Очерк. - Окончание.

№ 8. С. 36-37. Хемингуэй и охота. (К 70-летию со дня рождения).

№ 11. С. 35. О природе и охоте. От автора: о себе как о поэте.

С. 35. Вьюгин С. (Смирнов Н.). Цикл стихов (На разливе. Старый рог. Прозрачность. Горлинки. Час тишины).

1970.

№ 2. С. 36-37. Семигорский бор: Рассказ. Илл. И. Михайлина.

№ 3. С. 32-35. Рассказы о Ленине-охотнике. (У подножия Саян. Сибирская пороша. Чистое дело марш. Зима в Горках. Будет весна людям).

№ 9. С.41. Вьюгин С. Подруга осень: Цикл стихов. (Сумерки года. Волшебный фонарь. Охотничьи леса).

№ 10. С.32-34. Нищетою богатая осень: Рассказы. (Отчий дом. Бабье лето. Красная тревога. Нищетою богатая осень). Илл. В. Белова.

С. 35. Вьюгин С. Охота в творчестве И.А.Бунина.

№ 11. С.36. К 100-летию со дня рождения Куприна.

1971.

№ 1. С. 35. Перо в содружестве с ружьем. (К 70-летию Е.Н.Пермитина).

№ 2. С. 38. "Ловец, все дни отдавший лесу"... (Природа в стихах А.Фета).

№ 3. С. 32-34. Поэма о журавлях: Рассказ. Илл. В.Есаулова.

№ 7. С. 33. Поэзия и охота. (О лирике Н.Зарудина).

№ 12. С. 32-36. Некрасов-охотник.

1972.

№ 4. С. 32-34. Тот уголок земли: Рассказ. Илл. В.Есаурова.

1973.

№ 2. С.38-40. Пришвин-охотник. (К 100-летию со дня рождения. По личным впечатлениям и воспоминаниям).

№ 4. С. 34-37. Когда зарастают тропы: Цикл рассказов. (Поклон охоте. Старый голубой дом. Мчится новая жизнь). Илл. Б.Доля.

№ 7. С. 30-32. Заволжье: Рассказ. Илл. Б.Румянцева.

№ 9. С. 37. Библиофил? Стариные стихи о природе и охоте. (О сборнике стихов "Поэты 1790-1810 годов").

1974.

№ 4. С.38-39. Вьюгин С. Цикл стихов. (Кленовый лист. Награда следопыту. Глухариная песня. Сеттер на стойке. На привале. Осенняя мелодия).

№ 11. С. 34-35. В тихую пору предзимья: Рассказ. Илл. А.Сергеева.

1975

№ 1. С.36-38. Друг и охотник. (Воспоминания о Е.Н.Пермитине). Илл. И.Шипулина.

№ 7. С. 37. Талант и мужество. (Памяти И.Соколова-Микитова.)

№ 9. С.34-37. Памятная охота: Рассказ.

1976.

№ 1. С. 32-36. Александр Формозов, писатель и художник. Илл. А.Формозова из кн. "Шесть дней в лесах".

№ 5. С. 35. Вьюгин С. Весенняя радость: Стихи.

№ 8. С. 36-37. Жалька и хозяин. (Воспоминания о М.Пришвине).

№ 9. С. 37. Е.Н.Пермитин и охотничья литература. (К 80-летию со дня рождения).

№ 12. С. 32-33. У нескудеющих ручьев: Рассказы. (Священная тень. Как радуга...). Илл. В.Дедяева.

1977

№ 1. С. 42. Вьюгин С. Цикл стихов. (После охоты. Снегири. Рябчики. "В полях следы предутреннего ливня". Поздний час).

№ 7. С. 33-35. Древо жизни: Рассказ. Илл. Келейникова.

№ 11. С.38-42. 60 лет советской охотничьей литературы: Краткие итоги. Выводы и пожелания.

1978

№ 4. С. 36-38. Рассказы. (Наедине с ночью. Огневка). Илл. Келейникова.

№ 9. С. 34-38. Охотничий образ Л.Н. Толстого. (По запискам современников).

1980

№ 4. С. 23-25. Рассказы. (В островах охотник. Красногоны. Чучело глухаря). - Повторение публикации в журнале: 1966.

№ 5. С. 33-36.

Материалы о Н.П. Смирнове и его творчестве. В альманахе "Охотничьи просторы"

Кн. 30 (1973). С.38. Редколлегия. Н.П. Смирнову 75 лет.

Кн. 1 (1994). С.14. Николай Павлович Смирнов (1898 - 1978).
- Биографическая справка.

В журнале "Охота и охотничье хозяйство"

1968. № 1. С.34-35. Кременской А. Охотник, натуралист, художник. (К 70-летию со дня рождения Н.П. Смирнова).

1972. № 10. С.40-41. Беседа с писателем Н.П. Смирновым. (Вела Карина Васильева).

1973. № 4. С.34. Поздравление Н.П. Смирнову от редакции журнала в связи с 75-летием.

1978. № 4. С.36. Чехарин В.Старейший охотничий писатель. (В связи с 80-летием со дня рождения Н.П. Смирнова).

1980. № 4. С.22-23. Чехарин В. Памяти Н.П. Смирнова.

АВТОРЫ СБОРНИКА

1. **Куприяновский Павел Вячеславович** (р. 1919) - доктор филолог. наук, заслуж. деятель науки России, профессор Ивановского государственного университета. Автор работ об А. Блоке, К. Бальмонте, М. Горьком, Д.А. Фурманове, ивановских писателях. Лауреат литературной премии Ивановской области.

2. **Михайлов Олег Николаевич** (р. 1933) - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. М. Горького. Автор работ об эмигрантской литературе, И.А. Бунине, исторических романов и рассказов.

3. **Переверзев Олег Константинович** (р. 1940) - краевед. Автор статей об ивановских писателях. Лауреат литературной премии Ивановской области.

4. **Смирнов Вадим Андреевич** (р. 1946) - кандидат филологических наук, доцент Ивановского государственного университета, автор работ по фольклору восточных и волжских славян, исследователь творчества Н.П. Смирнова. Лауреат литературной премии Ивановской области.

5. **Смирнова Зинаида Павловна** (р. 1911) - сестра Н.П. Смирнова, издательский работник, хранительница архива писателя, публикатор его наследия.

6. **Смирнова Муза Николаевна** (р. 1923) - дочь Н.П. Смирнова, доктор геологических наук, до 1992 г. профессор Грозненского нефтяного института.

7. **Таганов Леонид Николаевич** (р. 1941) - доктор филологических наук, профессор Ивановского государственного университета. Автор работ о советской поэзии, творчестве А. Барковой, ивановских писателях. Лауреат литературной премии Ивановской области.

8. **Шлычков Леонид Алексеевич** (1938-1997) - старший научный сотрудник Плесского государственного музея-заповедника. Автор работ об архитектуре Верхне-Волжья, творчестве ивановских писателей.

ПАМЯТИ ЛЕОНИДА АЛЕКСЕЕВИЧА ШЛЫЧКОВА

2 декабря 1997 года ушел из жизни составитель и один из основных авторов этой книги Леонид Алексеевич Шлычков.

Родился Леонид Алексеевич 2 февраля 1938 года в Иванове. Учился в ивановской средней школе № 29, затем - в Ивановском химико-технологическом техникуме. Но изначально в нем преобладал все-таки не "технарь", а гуманитарий, человек, тянувшийся к духовно-культурным ценностям, видящий в них смысл своей и общей жизни. Потому после армии, в 1962 году, Шлычков поступает на историко-филологический факультет

Ивановского пединститута и сразу же становится весьма заметной фигурой среди тогдашнего студенчества. Мне посчастливилось познакомиться с ним именно в ту пору. Он и в то время уже отличался какой-то особой независимостью своего поведения, каким-то замечательным упрямством, проявляющимся в любом его поступке. Подружил же нас студенческий журнал "В поле ветер", выпущенный на филфаке в 1963 году. Это, по сути дела, был первый самиздатовский журнал в нашем городе. Леня выступил в нем как поэт. Стихи его дышали гулкой молодостью, верой в свою творческую звезду:

Зима! Холод!
Здравствуй, город!
Иду к твоему теплу,
Весенней зеленью хочу
прорости на твоих улицах.

Я цитирую это короткое стихотворение молодого Шлычкова, и чтобы обозначить одну из основных черт его характера: особый творческий напор, особый нравственный императив, которые далее столь ярко проявляются в его краеведческой деятельности.

Мне, пожалуй, не доводилось видеть краеведа столь широкого диапазона, каким был Леонид Алексеевич. В конце 1960-х - начале 70-х годов он организовал и возглавил экспкурсионное бюро при Ивановском отделе общества охраны памятников истории и культуры. В 70-е годы принял самое активное участие в сборе материалов для Свода памятников Ивановской области. Работал в Ивановской научно-реставрационной мастерской. Все это отзывалось в его замечательной книге "Листая времени страницы" (1983) - в лучшем исследовании архитектурного облика ивановской земли.

Леонид Алексеевич Шлычков - один из главных создателей литературного музея Ивановского университета, ставшего центром литературного краеведения в нашей области. В 1987 году, благодаря потрясающей энергии Леонида Алексеевича, в Иванове был создан эколого-культурный клуб "Иваново-Вознесенск", объединивший творческую интеллигенцию вокруг святого дела защитников культурных памятников. Многие до сих пор помнят, как самоотверженно вел себя тогда Шлычков, выступая против самоуправства чиновников всех рангов, готовых ради сиюминутных выгод стереть в кирпичную пыль бесценное прошлое Ивановского края.

Леонид Алексеевич по своей природе был "поперечником" в отношении тупой чиновничьей власти. Его терпеть не могли во всяких горкомах и обкомах. Боялись острого шлычковского словца в газетах. Боялись его подписи в защиту гонимых ("неужели и в нашем кумачевом kraе эти диссиденты завелись?"). Но вместе с тем он был деятелем, застрелщиком самых значительных культурных акций. Это он одним из первых выступил с идеей создания Дома-музея Цветаевых и организовал там первые цветаевские чтения. Ему принадлежит мысль о необходимости компьютерной программы "Историко-архитектурные памятники города Иванова". Список деяний Л.А.Шлычкова можно продолжать и продолжать.

Последние годы Леонида Алексеевича связаны с Плесом. Здесь он работал в должности старшего научного сотрудника в историческом отделе Плесского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. К Плесу Шлычков тянулся всегда. Он видел в нем то заповедное место русской земли, которое надо сохранить во всей его изначальной красоте. И здесь Леонид Алексеевич следовал по стопам Николая Павловича Смирнова - талантливого русского писателя, навсегда оставшегося верным своему "золотому Плесу". Л.А.Шлычков не без основания считал, что творчество Н.П.Смирнова еще далеко недооценено и надо сделать все, чтобы имя нашего земляка встало в один ряд с лучшими именами русской литературы. Шлычков в полную меру своего научно-литературного дарования, упорства и темперамента стремился к осуществлению этой задачи. Сидел в архивах. Писал статьи. Выступал с докладами. Как радовался он за несколько дней до рокового часа, когда получил известие, что одна из его статей о Н.П.Смирнове переведена на французский язык и напечатана в парижском журнале! В его планах был не только выпуск "смирновского" сборника, но и создание мемориального музея писателя в Плесе. Лучшей памятью Леониду Алексеевичу будет воплощение в жизнь этих планов.

Этот сборник заканчивается статьей о том, кто его задумал. Здесь есть своя печально-мудрая логика. Книга невольно соединила судьбы двух прекрасных людей, которые до конца оставались верны русской культуре, родной земле.

Л.Н. Таганов

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аввакум П. - 131
Адамович Г.В. - 37, 38, 40, 45, 59, 62, 63
Ажаев В.Н. - 6
Акимов И. - 54, 77
Аксаков С.Т. - 183, 188, 190
Акулиний Г.И. - 19
Акулинина М.Т. - 17, 19
Александр Невский - 181, 189
Александра Федоровна - 181
Александровский В.Д. - 167, 168
Алексеева М. - 189
Алексий - 112, 120
Алданов М.А. - 110, 111, 119
Альтовский И.П. - 4, 8
Андреев Л.Н. - 91, 98, 102, 116
Антонов В. - 46
Арамилев И. - 73
Артамонов М.Д. - 25
Архангельский В.В. - 54, 77
Арцыбашев М.П. - 99, 118
Асеев Н.Н. - 161, 162, 176
Астафьев В.П. - 46
Ахматова А.А. - 94, 117, 135, 170
Ашукин Н.С. - 87-90, 115

Бабель И.Э. - 153
Бабореко А.К. - 41, 42
Багрицкий Э.Г. - 55, 93, 117
Базунов О.В. - 129, 137
Байрон Д. - 99, 118
Бальмонт К.Д. - 66, 99, 118, 135, 195
Банников Н.В. - 77
Барабанов В.А. - 6
Баратынский Е.А. - 98, 118

Барбетов И.И. - 2
Барбетов С.И. - 2
Баркова А.А. - 195
Бартенев П.И. - 87
Бахрах А.В. - 115, 120
Бедный Д. - 170
Безыменский А.И. - 164, 165
Белов В. - 191
Белов Вас. И. - 78, 137
Белый А. - 88, 89, 116, 176
Бенуа А.Н. - 136
Бердяев Н.А. - 44, 51
Бернар Сара - 181
Бетховен Людвиг ван - 83, 99
Бианки В.В. - 57
Бисноватый М. - 48
Блок А.А. - 22, 27, 45, 50, 67, 91, 95, 116, 153, 157, 170, 171, 195
Богданов-Березовский В.М. - 179
Боккаччо Д. - 99, 118
Бородин С.П. - 45, 77
Бродский Д.Г. - 93, 104, 117
Бромберг В.Л. - 5
Брюсов В.Я. - 88, 94, 102, 116, 154, 155
Булгаков М.А. - 153
Бунин Е.А. - 100, 119
Бунин И.А. - 3, 4, 12-14, 22, 23, 30, 36-40, 44-47, 50, 51, 55, 57, 59, 60, 62, 65, 75, 78, 81, 87-120, 122, 124-126, 130, 135-137, 174-181, 184, 185, 190, 191, 195
Бунин Ю.А. - 90, 116
Бунина А.П. - 175
Бунина В.Н. см. Муромцева - Бунина В.Н.
Бурлюк Д.Д. - 160
Бурнашев А. - 49
Бутурлины - 22
Бухарин Н.И. - 11, 13
Быстров В. - 46

- В-в А. - 55, 184
 Вайнштейн П. - 46
 Ваншенкин К.Я. - 57
 Вардунас Ю.К. - 17
 Васильева К. - 193
 Вересаев В.В. - 116, 153
 Вертинский А.Н. - 108, 119, 179
 Вихрев Е.Ф. - 72, 73
 Вишня О. - 6, 8, 57
 Волков О.В. - 54, 77
 Волкова Е.Ю. - 2
 Вольнов И.Е. - 103, 119
 Воронский А.К. - 3, 5, 8, 25, 30, 66

Гарин - Михайловский Н.Г. - 94, 117
 Гаршин В.М. - 110
 Герасимов М.П. - 167, 168
 Гете И. - 92, 99, 117, 118
 Гинцель П. - 13
 Гиппиус З.Н. - 40, 42, 110
 Глазунов А.К. - 94, 117
 Гоголь Н.В. - 86, 98, 110
 Голодный М. - 165
 Городецкий С.М. - 155
 Горький М. - 74, 98, 103, 119, 153, 195
 Григ Э. - 99, 125
 Григорьев А.А. - 46, 177
 Григорьева Н.А. - 68
 Гришин Г. - 49
 Грошев А.П. - 22
 Грошева А.М. - 22
 Грундт К. - 50
 Гуно Ш. - 179
 Грюнвальд К.К. - 44, 49
 Гюго В. - 109, 119, 180

Давидов Г. - 44
 Данте А. - 99, 118
 Ледов А. - 48, 51, 182

- Дедяев В. - 192
Дейч Е.К. - 42
Дементьев М.А. - 77
Дмитриев Л.А. - 137
Добролюбов Н.А. - 41
Догадкин Б.А. - 5, 81
Доде А. - 109, 119
Дель Б. - 192
Дон Аминадо - 111, 120, 135
Достоевский Ф.М. - 110, 119, 125
Дриянский Е.Э. - 188
Дрожжин С.Д. - 157
Дягилев С.П. - 50

Евтушенко Е.А. - 57
Есенин С.А. - 13, 22, 45, 47, 64-69, 95, 117, 125, 157-159,
176, 177
Есенина А.А. - 68
Есенина Е.А. - 68
Есаулов В. - 191, 192

Жаров А.А. - 164
Жерар - 113
Жуковский В.А. - 82

Заболоцкий Н.А. - 131
Зайцев Б.К. - 39, 40, 42, 62, 82, 100, 106, 109, 110, 118, 122
Зайцева В.А. - 106, 119
Закаменная Е.Н. - 2
Замятин Е.Н. - 41, 153
Зарудин Н.Н. - 6, 8, 47, 70, 75, 76, 178, 191
Захаров А.Н. - 64, 67
Зверев М.Д. - 188
Зворыкин Н.А. - 189
Зилоти В.П. - 180
Зимин А.А. - 126, 136
Зуев Д.П. - 57, 74, 186, 187, 188
Зуров Л.Ф. - 39, 42, 46, 60, 62, 63, 82, 115, 120, 122, 123,
126, 136

- Иван IV Грозный - 176
Иванов В.И. - 46, 178
Иванов Г.В. - 124, 136, 170
Иванова Н.К. - 2
Ивнев Р. - 159
Изюмов И.Ф. - 4, 5
Иллариан - 128
Ильин И.А. - 121
Ильина В.В. - 163
Инбер - 163
Иорданская М.К. см. Куприна - Иорданская М.К.
Иофьев М.И. - 180
Исбах А. - 115, 120

Казаков Ю.П. - 54, 77
Казин В.В. - 166, 167
Калинин М.И. - 66
Каменский В.В. - 160
Камкин В. - 131
Камю А. - 132
Кантор М.Л. - 42
Караченцов П. - 190
Кассиль Л.А. - 71
Катаев В.П. - 90-93, 105, 116, 117, 163
Катаев И.И. - 6, 8, 70, 75, 76
Качалов В.И. - 176
Келейников - 193
Киплинг Р. - 97, 99, 118
Кириллов В.П. - 167, 168
Киров С.М. - 6
Клычков С.А. - 66, 68, 95, 117, 157, 158
Клюев Н.А. - 157, 158
Кнорринг И.Н. - 179
Кнорринг Н.Н. - 46
Кнут Д. (Фихман Д.М.) - 45
Кодрянская Н.В. - 126
Кожевникова О. - 49
Колычев О.Я. - 77, 78

- Комиссаржевская В.Ф. - 50
Коновалов А.И. - 132, **137**
Константин Константинович - 101, **119**
Константинов К. - 49, 50
Коонен А.Г. - 14, 47, 177, 178, 181
Корвин - Хорватский И. - 50
Корнеев А.Н. - 77, 78
Коровин К.А. - 174
Крандиевская-Толстая Н.В. - 96, **117**
Красильников А. - 54, 77
Красовский А. - 50
Кременской А.А. - 46, 48, 77, 78, 182, 193
Кривицкий А. - 9
Крученых А.Е. - 160
Кугушев Д. - 114, **120**
Кудрявцев П.П. - 76
Кузнецова Н.А. - 165
Кузнецова Г.Н. - 39, 42, 62, 82, 105-108, 115, 116, 119,
122, 124, 126, **136**
Кулиев К.Ш. - 57
Куприн А.И. - 55, 75, 80, 98, 99, 110, 111, 116, **118**, 191
Куприна - Иорданская М.К. - 87, 96, **117**
Куприяновский П.В. - 2, 25, **195**
Куровской В.П. - **116**
Кускова Е.Д. - 44
Кустадиев Б.М. - 86
Кутепов А.П. - 134, **137**

Лавров В.В. - 28, 37, 41, 51, 63
Ладинский А.П. - 46, 87
Ларионов М.Ф. - 50
Ларский Л.С. - 52
Ласкин Б.С. - 45
Лебедева Г.Е. - 22
Левитан И.И. - 7, 10, **12**, 13, 29, 33, 34, 35, 36, 73, 99,
182, 183, 184
Леконт де Лилль Ш. - 98, 99, **118**
Лекуврер А. - 180
Ленин В.И. - 163, 191

Леонов Л.М. - 111, **120**, 153
Леонтьев К.Н. - 40, 41, **42**, 98, 130, 131
Лермонтов М.Ю. - 85, 98, 110, 125
Лесков Н.С. - 181
Ливеровский А.А. - 54, 77
Лидин В.Г. - 46, 57, 96, **117**
Лисянский М.С. - 57
Лихачев Д.С. - 80, 123, **127**, 128, 129, 137, 179
Лихачева З.А. - 186
Лобанов М.П. - 80
Лонгфелло Г. - 99, **118**
Львова Н.Г. - 94, **117**
Любецкий С. - 190
Любимов Л.Д. - 80
Любимов Д.Н. - 80
Людовик XIV - 22, 24

Маазель Л. - 84
Маклаков В.А. - 44
Малышкин А.Г. - 73, 153
Мамченко В.А. - 131, **137**
Мариенгоф А.Б. - 64, 68, 159
Маринский А. - 189
Маяковский В.В. - 47, 66, 89, 95, **117**, 130, 160, 161, 164, 176
Мельников - Печерский П.И. - 4
Мережковский Д.С. - 88, 110, **116**, 125, 131
Метерлинк М. - 115, **120**
Мечников И.И. - 184
Мешков Н.В. - 89, 116
Милюков П.Н. - 43, 134, **137**
Михайлин И. - 189, 191
Михайлов О.Н. - 2, 30, 32, 77, 78, **195**
Михельсон А. - 44
Могилевский В.А. - 62, 133, 136, **137**
Мопассан Ги де - 99, 109, **119**
Моцарт В.А. - 83, 99
Муромцева - Бунина В.Н. - 29, 37, 46, 51, 60, 63, 81, 99, 105, 106, 115, **119**, 122, 123, 176

Набоков В.В. - 47, 81, 111, **120**, 132
Нагибин Ю.М. - 57
Негри А. - 90, **116**
Незнамов П.В. - 163
Некрасов В.П. - 45
Некрасов Н.А. - 4, 34, 86, 125, 170, 183, 190, 192
Нестеров М.В. - 73
Низовой П.Г. - 6, **8**, 194
Никитин Афанасий - 128
Никитин И.С. - 98, **118**
Николай II - 116
Никулин Л.В. - 45, 74, 75
Нобель А.Б. - 37, 39, 42, 116
Новиков - Прибой А.С. - 29, 34, 57, 68, 70, 71, 72, 103, 104, **119**, 183, 194
Носов Е.И. - 137

Ободовская И.М. - 77
Оболенский С. - 44
Обрадович С. - 168
Огнев С.И. - 52
Одоевцева И.В. - 62, 82, 122, 124, **136**, 170
Олеша Ю.К. - 11, **13**
Ольга Николаевна - 177
Ольденбургский, принц - 113, **120**
Омар Хайям - 99, **118**
Орешин П.В. - 66, 95, **117**, 157, 158
Орлов А. - 190
Осетров Е.И. - 77, 79, 129, **137**

Павлов И.П. - 112, **120**
Пастернак Б.Л. - 11, **13**, 47, 67, 69, 81, 95, 117, 162, 177, 181
Паустовский К.Г. - 6, 45, 46, 57, 105, 11, **119**, 133, 178, 191
Переверзев О.К. - 2, 9, 63, 68, 69, 87, **195**, 199
Перегудов А.В. - 6, **8**, 70, 79, 194
Пермитин Е.Н. - 7, **8**, 9, 52, 53, 54, 55, 57, 70, 75, 77, 186, 188, 189, 190, 191, 192
Петелин В.В. - 80
Пильняк Б.А. - 97, **118**, 153

Покатилов А. - 46
Полетаев Н.Г. - 168
Полонский В.П. - 5, 8
Поляновский М.Л. - 46
Правдухин В.П. - 6, 8, 9, 29, 34, 70, 72, 79, 186, 194
Прегель С.Ю. - 82, 124, 126, 136
Пришвин М.М. - 28, 34, 46, 57, 70, 71, 111, 120, 175, 183, 188, 189, 192
Пракудин - Горский Е. - 55, 184
Проханов А.А. - 46
Пруст М. - 181
Пушешников Н.А. - 47, 87, 97-103, 118, 175
Пушкин А.С. - 4, 12, 14, 30, 34, 40, 77, 84, 85, 86, 87, 98, 118, 125, 185

Радек К.Б. - 6, 8
Радимов П.А. - 158
Раевский Г. (Оцуп Г.А.) - 45
Раевский Н.А. - 81
Распутин В.Г. - 137
Распутин Г.Е. - 89, 116
Ратнер Е.В. - 48, 63, 135
Рахманинов С.В. - 47, 49, 83, 86, 99, 105, 112, 125, 175, 176, 179, 184
Рашель (Э.Р. Феликс) - 181
Ремизов А.М. - 44, 45, 130, 135
Ретенберг С.А. - 131
Рид Т.М. - 91
Римский - Корсаков Н.А. - 14
Рождественский В.А. - 170
Розанов В.В. - 47, 130, 180
Рошин Н.Я. - 44, 46, 47, 87, 92, 103, 105-108, 112, 114, 115, 116, 117
Руднев Ф.Ф. - 177
Румянцев Б. - 192
Рыбаков Б.А. - 127, 137
Рыкова Н.Я. - 180
Рыльский М.Ф. - 57, 184

Саади - 99, 118
Савченко А. - 47, 51
Сальери А. - 130
Санников Г.А. - 168
Сатин А. - 189
Сашин А. - 190, 191
Саулин П.О. - 17, 18, 19
Светлов М.А. - 165
Седых А. - 117
Сейфуллина Л.Н. - 6, 8, 9, 66, 68, 70, 72, 79, 153, 194
Семеновский Д.Н. - 25, 58, 73, 138
Сен-Симон Л. - 22, 24
Серафимов А.К. - 4
Серафимович А.С. - 116
Сергеев А. - 192
Сергеев - Ценский С.Н. - 99, 118
Симонов К.М. - 45, 105
Сионский А. - 47, 51, 82
Сладков Н.И. - 54, 77
Слетов П.В. - 79, 80
Смирнов А.Н. - 12
Смирнов Б.И. - 194
Смирнов В.А. - 2, 13, 63, 121, 138, 195
Смирнов В.Н. - 12
Смирнов Гав.Н. - 12
Смирнов Гр. Н. - 12
Смирнов И.Н. - 12
Смирнов Л.П. (брать, Леня) - 10, 12, 14, 22
Смирнов П.Н. (папа) - 11, 12, 14, 16, 194
Смирнов Н.Петр. - 12
Смирнова А.Н. - 12
Смирнова Е.Ф. (мама) - 11, 14, 94
Смирнова З.П. (Зина) - 11, 14, 24, 25, 42, 51, 58, 63, 68, 69, 70, 87, 136, 194, 195
Смирнова М.Н. (Мурка, Мусенька, дочь) - 11, 14, 15, 18, 81, 83-86, 138, 195
Смирнова (Коробова) П.Ф. - 14
Соболев Л.С. - 45
Соколов Л.И. - 194

Соколов - Микитов И.С. - 6, 57, 72, 104, **119**, 188, 192
Соколова Н. - 23, **24**
Соловьев В.С. - 48, 182
Солоухин В.А. - 46, 57, 190
Сорин С.А. - 126, **136**
Софиев Ю. (Бек-Софиев Ю.Б.) - 46
Ставров П. - 45
Сталин И.В. - 45, 108
Станиславский К.С. - 113
Степун М.А. - 108, **119**
Степун Ф.А. - 108, **119**
Столица Л.Н. - 88, **116**
Столляр М.А. - 68
Строганова Н. - 189
Струве Г.П. - 43, 48, 51
Ступницкий А.Ф. - 43, 48
Субботин С.И. - 42
Сургучев И.Д. - 99, **118**
Сухомлин В. - 178

Таганов Л.Н. - **195**, 198
Тагор Р. - 74, 97, **118**
Тайров А.Я. - 14, 47, 81, 181
Таруини - 22
Татаринов В.Е. - 43
Татищев С.П. - 126
Твардовский А.Т. - 45, 105, 111, **119**
Телешов Н.Д. - 89, 94, 105, **116**
Терапиано Ю.К. - 45, 82, 124, 125, 132, **136**
Терентьева М.К. - 76
Тихонов Н.С. - 163
Толстой А.К. - 4, 46, 95, 98, **117**, 179, 183, 184
Толстой А.Н. - 45, 55, 93, 96, 99, 108, 111, **117**, 181
Толстой Л.Н. - 4, 14, 29, 34, 40, 46, 86, 98, 99, 110, 175,
183, 184, 188, 193
Толстой Н.Н. - 55, 183
Третьяков П.М. - 180
Третьяков М.С. - 162
Трофимов В. - 190

Трофимов С. - 49
Трунина М.К. (Мариночка) - 83-86
Трухановский В.Г. - 179
Тургенев И.С. - 29, 34, 46, 86, 180, 183, 184, 188, 189, 191
Тэффи Н.А. - 44, 111, **120**
Тютчев Ф.И. - 4, 14, 98, **118**

Успенский Н.В. - **98**, **118**
Уэллс Г. - 74

Фадеев А.А. - 45
Федин К.А. - 104, 105, 111, **119**
Федоров Н.Ф. - 25
Федосеев Г.А. - 188
Фет А.А. - 29, 34, 191
Филиппон - 62
Филиппченко И.Г. - 167, 168
Флобер Г. - 99, **119**
Флоренский П.А. - 25
Фокин Н.Н. - 55, 184
Фомин Л.А. - 54, 77
Формозов А.Н. - 7, 8, 57, 185, 187, 192
Фурманов Д.А. - 5, 26, 195

Хемингуэй Э.М. - 191
Храбровицкий А.В. - 46, 135
Хлебников В. - 130, 162
Ходасевич В.Ф. - 170
Хмара Г. - 49, 50
Хохлов Е. - 49

Цветаевы - 197

Чайковский П.И. - 23, 83, 86, 99, 185
Чалмаев В.А. - 80
Черчилль У. - 179
Чехарин В.И. - 46, 193
Чехов А.П. - 4, 40, 51, 75, 82, 86, 91, 98, 99, 110, 116
Чириков Е.Н. - 46

Чичагова Н.С. - 4

Шайкевич А. - 50

Шаляпин Ф.И. - 50, 105, 112, 174

Шведов Я.З. - 165

Шекспир У. - 14, 99, 118

Шершеневич В.Г. - 159

Шипулин И. - 192

Ширяев П.А. - 6, 8, 79

Ширяевец А. - 65, 154, 158

Шкапская М. - 170

Шкляр Н.Г. - 117

Шлепнин В. - 188

Шлычков Л.А. - 2, 3, 43, 52, 59, 64, 65, 138, 153, 174, 183, 195-198

Шмелев И.С. - 88, 99, 115

Шолохов М.А. - 7, 28, 45, 70, 71, 111, 120

Шопен Ф. - 99

Шошин М.Д. - 27, 76

Шпенглер О. - 179

Шукшин В.М. - 46

Шульгин В.В. - 110, 119, 135, 178

Шумаков Ю.Д. - 48, 51, 131, 137, 182

Эредиа Ж.М. - 99, 118

Эренбург - Маннати Н. - 49

Югов А.К. - 76, 77

Юрьев П. - 49

Юшин П.Ф. - 64, 67

Яковлев Ю.Я. - 46

Ярославна - 126

Ясный А. - 165

К иллюстрациям

На обложке воспроизведен портрет-силуэт Н.П. Смирнова по фотографии 1960-х гг.

Все фотографии предоставлены З.П. Смирновой

СОДЕРЖАНИЕ

I. МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ Н.П. СМИРНОВА	3
АВТОБИОГРАФИЯ Н.П. СМИРНОВА (1963 г.)	3
ИЗ ПИСЕМ Н.П. СМИРНОВА К РОДНЫМ	9
II. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ	25
П.В. Куприяновский ПИСАТЕЛЬ, КРИТИК, ЖУРНАЛИСТ	25
О.Н. Михайлов ПЕСНЬ О РОДНОЙ ПРИРОДЕ	32
Н.П. СМИРНОВ И Г.В. АДАМОВИЧ	37
Л.А. Шлычков ГАЗЕТА "РУССКИЕ НОВОСТИ" И ЕЕ АВТОРЫ	43
Л.А. Шлычков Н.П. СМИРНОВ В АЛЬМАНАХЕ "ОХОТНИЧЬИ ПРОСТОРЫ" и ЖУРНАЛЕ "ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО"	52
Л.А. Шлычков ПЛЕС - ПАРИЖ	59
Л.А. Шлычков Н.П. СМИРНОВ О СЕРГЕЕ ЕСЕНИНЕ. К БИБЛИОГРАФИИ ПОЭТА	64
З.П. Смирнова АВТОГРАФЫ ЗАГОВОРИЛИ	70
III. ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ Н.П.СМИРНОВА	83
ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ. ИЗ ПИСЕМ Н.П. СМИРНОВА К ДОЧЕРИ И ВНУЧКЕ	83
Ник. Смирнов ИЗ РАССКАЗОВ О БУНИНЕ	87
ХРАНИТЕЛЬ ДРЕВНОСТИ. Письма из "русского зарубежья" и письма Д.С. Лихачева к Н.П. Смирнову	121
НЕОПУБЛИКОВАННАЯ КРИТИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ Н.П.СМИРНОВА 1924 ГОДА	153
БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ Н.П.СМИРНОВА В ГАЗЕТЕ "РУССКИЕ НОВОСТИ" (ПАРИЖ)	174

БИБЛИОТЕКА
Плесского государствен-
ного музея-заповедника

25

От издателей.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ Н.П. СМИРНОВА В АЛЬМАНАХЕ "ОХОТНИЧЬИ ПРОСТОРЫ" И ЖУРНАЛЕ "ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО"	183
АВТОРЫ СБОРНИКА	194
ПАМЯТИ ЛЕОНИДА АЛЕКСЕЕВИЧА ШЛЫЧКОВА	195
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	198

Певец золотого Плёса.

Николай Павлович

Смирнов

1898 - 1978

сборник

научных статей, материалов и публикаций

Отпечатано на полиграфическом оборудовании ПИК ИГХТА

Формат бумаги 60x84 1/16. Уч. изд. л. 13,5.

Тираж 200. Заказ 46.

Ивановская государственная химико-технологическая
академия

Адрес академии: 153460 г. Иваново,
пр. Ф. Энгельса, 7.

Этой книгой открывается издание серии "Из культурного наследия Ивановского края". Знаменательно, что происходит такое открытие в год восьмидесятилетия Ивановской области. Наша серия ставит своей целью раскрыть богатства "ивановской" культуры, самые разные ее области: в издательских планах книга об архитектуре Верхне-Волжья, работы об известных ивановских художниках, музыкантах, педагогах. И здесь нельзя пройти мимо того лучшего, что создано писателями-ивановцами. Мы еще плохо знаем литературное прошлое ивановского края. Многие замечательные писатели, причастные к ивановской земле, оказались забытыми, а порой насильственно вычеркнутыми из литературы. Основателям серии хотелось бы по мере сил и возможностей восстановить пробелы на культурной карте нашего края, научно прокомментировать творчество наших земляков и показать, вопреки горькой пословице, что есть все-таки пророки в своем отечестве.

Смеем надеяться, что эта книга откроет вдумчивому читателю новые грани литературного наследия нашего земляка Н.П. Смирнова, расширит представление о его жизни и творчестве, внушил уверенность в том, что ничто ценное не пропадает в истинно человеческом мире.